

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

3/2016

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **В. С. Бельх**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Стариков**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

O. G. Alekseeva (candidate of law, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **V. S. Belykh** (doctor of law, prof.); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of law, prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of law, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, prof.); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Дискурсивная теория права
и демократии Ю. Хабермаса 5

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Костогрызов П. И. (Екатеринбург)* Община, государство
и правосудие в Гватемале 15

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Мелюханова Е. Е. (Екатеринбург)* Система уголовных наказаний
как условие и пределы индивидуализации наказания 22
- Попов В. А. (Екатеринбург)* Группа лиц, группа лиц
по предварительному сговору, организованная группа
и преступное сообщество (преступная организация):
соотношение понятий 27

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Беляева А. Н. (Новосибирск)* Сборник ЮНСИТРАЛ
по прецедентному праву, касающемуся Конвенции ООН
о международной купле-продаже товаров 2008 г.:
обзор и комментарии 32

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Мрих А. С. (Екатеринбург)* О понятии трудовправовой
интеграции государств 41

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Толстых В. Л. (Новосибирск)* Очерк современного состояния
русской доктрины международного права 50

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Константинов С. И. (Екатеринбург)* Властные
и правоохранительные органы Екатеринбурга в 1917 г. 59

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Молоков А. И. (Екатеринбург)* О кризисе свобод
Шенгенского пространства 75

ХРОНИКА

- Иванова С. А. (Екатеринбург)* Актуальные проблемы практики
применения законодательства Российской Федерации
о государственной гражданской службе
и пути их решения: обзор круглого стола 82
- ♦ Дни международного права в УрГЮУ 86
- Алуаш Р. (Москва)* Взаимодействие ООН
с региональными правозащитными механизмами 87
- Кодан С. В. (Екатеринбург)* Документы РКП(б) – ВКП(б) – КПСС
в изучении истории международного права 91
- Солнцев А. М. (Москва)* Некоторые вопросы влияния
международного экологического права на национальное 95

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. I. (Yekaterinburg)* J. Habermas's discourse theory
of law and democracy 5

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Kostogryzov P. I. (Yekaterinburg)* Community, state, and justice in Guatemala 15

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Melyukhanova Ye. Ye. (Yekaterinburg)* The system of criminal punishment
as a condition and limits for individualization of punishment 22
- Popov V. A. (Yekaterinburg)* Group of persons, group of persons by prior conspiracy,
organized group, and criminal association (criminal organization):
the correlation of concepts 27

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Belyaeva A. N. (Novosibirsk)* The UNCITRAL Digest of Case Law
on the United Nations Convention on the International Sale of Goods of 2008:
a review and comments 32

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Mrikh A. S. (Yekaterinburg)* On the concept of labour law integration 41

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND LEGAL EDUCATION

- Tolstykh V. L. (Novosibirsk)* The current state of the Russian doctrine
of international law: an essay 50

PAGES OF HISTORY

- Konstantinov S. I. (Yekaterinburg)* Powerful and law-enforcement authorities
in Yekaterinburg in 1917 59

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

- Molokov A. I. (Yekaterinburg)* On the crisis of Schengen freedoms 75

CHRONICLE

- Ivanova S. I. (Yekaterinburg)* The urgent problems of implementation
of the Russian legislation on civil service and the ways of their resolution:
a review of the round table 82
- ♦ International Law Days in Urals State Law University 86
- Aluash R. (Moscow)* The UN interaction with regional
human rights mechanisms 87
- Kodan S. V. (Yekaterinburg)* Documents of the Russian Communist Party of Bolsheviks –
All-Union Communist Party of Bolsheviks – Communist Party of the Soviet Union
in studying history of international law 91
- Solntsev A. M. (Moscow)* On the impact of international environmental law on national one 95

ДИСКУРСИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ДЕМОКРАТИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Архипов Сергей Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: arhip10@mail.ru

Исследуется юридическая теория Ю. Хабермаса, выступающая одной из наиболее интересных версий современного дискурсивного типа правопонимания. Автор касается центральных вопросов данной теории: принципов правового дискурса, концепта коммуникативного разума в праве, понятия делиберативной демократии. Подробно анализируются предложенные Ю. Хабермасом характеристики правовой системы, соотношение права и морали, политики и права.

Ключевые слова: теория права, социология права, дискурс, коммуникативный разум, демократия, правовая коммуникация

J. HABERMAS'S DISCOURSE THEORY OF LAW AND DEMOCRACY

Arkhipov Sergey

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: arhip10@mail.ru

The article researches J. Habermas's theory that is one of the most interesting versions of discourses law interpretation. The author touches upon the key issues of this theory: principles of legal discourse, a concept of communicative reason in law, and a concept of deliberative democracy. He analyzes in detail the characteristics of legal system, proposed by J. Habermas, the correlation between law and morale, between politics and law.

Key words: theory of law, sociology of law, discourse, communicative reason, democracy, legal communication

Юрген Хабермас (род. 1929) – один из самых известных и почитаемых в современном мире философов и социологов, представитель Франкфуртской школы. Его основные правовые идеи наиболее полно и системно изложены в работе «Фактичность и значимость» (1992 г.). Среди них особый интерес для теоретико-правовой науки представляет его междисциплинарный (языковой, моральный, этический, политический, правовой) концепт коммуникативного разума. Для Ю. Хабермаса разум неразрывно связан с социальным общением, взаимодействием людей, он «открывается» субъектами в процессе коммуникации. Коммуникация может быть простой, непосредственной («наивной»), а может иметь дискурсивный характер, строиться по определенным правилам, обеспечивающим проверку аргументов участников в ходе диалога, быть нацеленной на достижение согласия сторон.

Ю. Хабермас выделяет следующие принципиально важные положения организации коммуникативного процесса дискурсивного типа:

1) процесс должен иметь открытый (публичный) характер, в него вовлекаются все заинтересованные лица, никто не может быть исключен из числа желающих внести свой вклад в дискуссию;

2) участникам процесса предоставляется коммуникативное равноправие, в силу которого в равной мере учитываются интересы и ценности каждого из них, все имеют одинаковые возможности, шансы на изложение своих аргументов (при этом важно, чтобы мысли участников не расходились с их словами);

3) исключаются обман, а также принуждение, воздействие на участников дискуссии каких-либо внешних авторитетов (таким образом, решающее значение имеют лишь приводимые участниками аргументы, их весомость). Коммуникация результативна лишь тогда, когда каждый ее участник ориентирован на достижение взаимопонимания¹.

Право согласно представлениям Ю. Хабермаса формируется по «принципу дискурса», следовательно, должно быть сферой коммуникативного разума. Правовые средства – это «условия возможности социальной интеграции на основе коммуникативного взаимодействия»; право есть структура опосредования коммуникативного действия². Закон, его легитимность напрямую зависят от организации процесса правотворчества, от используемых процедур обсуждения, принятия законодательных решений. В коммуникативном правотворческом процессе, участники которого применяют адекватные правовые механизмы, проявляется «производительная сила коммуникации», ее способность объединять людей посредством разумных законов. Осознание значимости правовых процедур подтолкнуло немецкого философа к разработке так называемой процедуральной правовой парадигмы, призванной содействовать достижению рациональности и легитимности принимаемых законов. Для него принципиально важна связь позитивности права с его легитимностью. Исходя из «принципа дискурса» значимы, легитимны только те нормы действия, с которыми в рациональном дискурсе могли бы согласиться все те, кто испытает на себе последствия принятия данных норм³.

Полемизируя с М. Вебером по поводу принципов функционирования современного права, Ю. Хабермас отмечает, что формальное право в организационном плане не вступает в конкуренцию ни с наукой, ни с искусством; скорее, система права «врастает в становящуюся все более комплексной систему хозяйства и управления; она даже становится все более необходимой по мере иссякания моральных источников»⁴. Он критикует применяемую М. Вебером модель рационализации профессиональной юридической деятельности по принципу «Цель – средство». Согласно этой модели тем, кто желает добиться определенного правового результата (цели), юристы должны быть способны предложить подходящее средство его достижения, руководствуясь установленными ими принципами права и правилами юридического мышления. По мнению Ю. Хабермаса, рационализацию права нельзя рассматривать исключительно в контексте принципа «Цель – средство», право в первую очередь нужно трактовать в ценностно-рациональном аспекте. Он склоняется к мысли, что современное право есть воплощение посттрадиционных структур сознания, сформировавшихся в результате расщепления «универсального разума» на множество самостоятельных культурных ценностных сфер; для него «система права – это жизненный порядок, подчиняющийся формам морально-практической рациональности»⁵.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001. С. 115–116.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 204.

³ Там же. С. 205.

⁴ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 137–138.

⁵ Там же. С. 140, 145.

Ю. Хабермас, разделяя точку зрения М. Вебера о том, что в современном сознании разрушено исходное единство истинного, доброго и совершенного («харизма разума»), в основе которого лежали религиозные и метафизические представления, не соглашается с ним в том, что нельзя обеспечить единство рациональности в условиях дифференциации ценностных сфер. Достижение такого единства возможно, по его мнению, в праве, которое формируется на принципах рационального дискурса. Он скептически относится к предложениям связывать прогресс рациональности современного права прежде всего с систематикой права, с формальными методами, приемами, относимыми к так называемому профессиональному разуму юристов. Он считает, что систематизация смысловых взаимосвязей предполагает переход к новой (посттрадиционной) стадии морального сознания, которое возникает благодаря этической рационализации картины мира.

Ю. Хабермас вслед за М. Вебером полагает, что для современной системы права характерны три структурных признака: *позитивность*, *легализм* и *формальность*¹. Под позитивностью права он понимает установленность его законодателем; при этом позитивность подразумевает не только принятие законов, подзаконных актов, но и возможность их пересмотра. Легализм предполагает наличие легитимных порядков, придающих нормативным актам законную силу и основывающихся на согласии, которое должно иметь форму коммуникативного, т. е. договорного согласия.

Формализм современного права не магический, когда ритуальное соблюдение формы юридических действий гарантирует достижение желаемого правового результата, а «логический», основанный на разграничении материальных и процессуальных норм. В сфере частного права данный структурный признак проявляется, как полагает Ю. Хабермас, в установлении внешней границы легитимного произвола частных лиц, которым дозволено все, что прямо не запрещено законом (в отличие от частного права, где отношения регулируются негативным образом, в публичном праве, по словам ученого, они регулируются позитивным образом – путем определения прав и обязанностей участников). По мнению мыслителя, указанные признаки характеризуют тип организации правового действия, обуславливают систему действий, в которой все индивиды ведут себя стратегически, т. е., во-первых, подчиняются официально принятым законам, поддающимся в любой момент легитимному пересмотру; во-вторых, преследуют собственные интересы, не испытывая при этом нравственных опасений; в-третьих, принимают оптимальные решения в целях осуществления своих интересов, рационально используя предоставленную им правовую свободу в рамках действующих законов².

С точки зрения Ю. Хабермаса, названные структурные признаки права свидетельствуют о том, что его значимость не может зиждиться только на авторитете нравственных традиций, она нуждается в автономном обосновании. Такое обоснование возможно лишь на постконвенциональной стадии правового развития, когда возникают идея допустимости критики принимаемых правовых норм и потребность в их оправдании. На данной стадии впервые различаются нормы действия и принципы действия, возникают представления о том, как правильно создавать правовые нормы, как достигать разумной договоренности относительно обязательных правил, появляются концепты всеобщей правоспособности, абстрактного субъекта права, правотворческой силы отдельной личности и т. д.³ Данные концепты, по мнению ученого, развиваются и систематизируются в рамках рационального естественного

¹ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности. С. 144.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 145–146.

права. Именно его Ю. Хабермас рассматривает как теоретическую рамку для обоснования юридически организованных государственных и общественных конституций. Он считает, что «благодаря модели договора, на основании которой все члены правового сообщества как изначально свободные и равные партнеры регулируют свою жизнь посредством разумного взвешивания своих интересов, современные теории естественного права удовлетворяют требованию процедурного обоснования права, то есть обоснования исходя из принципов, значимость которых, в свою очередь, может быть подвергнута критике»¹.

В дискурсивной теории Ю. Хабермаса легальность как структурный признак современного права не тождественна легитимности, легальность нуждается в оправдании. По мере того как право становится инструментом легального политического господства, оно оказывается зависимым от легитимации, обоснования принятых нормативных актов. Целям легитимации может служить, например, конституция как выражение согласия всех граждан. Философ последовательно критикует М. Вебера за позитивистское понимание права, его веру в легальность как особую форму легитимности, стремление легитимировать легальное политическое господство. Он выступает категорически против того, что вера в легальность способна порождать легитимность, что ее можно рассматривать в качестве самостоятельного типа легитимности.

Не менее интересны размышления Ю. Хабермаса о соотношении принудительности и свободы в правовой сфере. Вслед за И. Кантом он указывает на наличие концептуальной связи между принудительным характером положительного права и социальной свободой. Нормы права, по его мнению, с одной стороны, имеют принудительный характер (государство обеспечивает их санкциями на случай неисполнения), с другой – должны воплощать в себе идею свободы, выступать в качестве законов свободы для своих адресатов. Данная двойственность в понимании права существует, как полагает ученый, со времен Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, причем она нашла отражение не только в философских воззрениях, но и в политическом строе западных обществ². Как можно соединить в праве два внешне несовместимых начала? С точки зрения Ю. Хабермаса, такое возможно лишь благодаря демократической процедуре законоположения.

Сопоставляя право и мораль, немецкий ученый приходит к выводу о том, что их связывают отношения скорее дополнительности, чем подчинения; моральный универсум не ограничен в социальном пространстве и исторической перспективе и охватывает всех физических лиц; правовая общность, напротив, локализована в пространстве и во времени, «охраняет целостность своих членов ровно в той мере, в которой они принимают искусственно созданный статус носителей субъективных прав»³. Ю. Хабермас трактует право как более ограниченную в пространственно-временном смысле по сравнению с моралью систему социальной коммуникации, которая хотя и не находится с моралью в отношениях прямой подчиненности, но все же зависит от нее, не обладает коммуникативной автономией от моральных императивов (является ее функциональным дополнением). Вместе с тем он признает, что отношения, требующие правового регулирования, «одновременно и более ограничены и более объемлющи», чем моральные; в сферу правового регулирования входят также вопросы прагматического и этического характера, вопросы достижения

¹ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности. С. 148.

² Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. С. 402–403.

³ Там же. С. 405.

компромисса между противоречивыми интересами. Ученый подчеркивает, что практика законодательного обоснования зависит не только от морального дискурса и что право вынуждено доказывать свою легитимность также в качестве защитника свободы. Для него субъективные права заключают в себе идею освобождения правовых субъектов от довлеющих над ними моральных заповедей в ограниченной области¹.

Ю. Хабермас рассматривает выдвинутую им «процедуральную» правовую парадигму в неразрывной связи с развитием демократии, совершенствованием демократических процедур. Сопоставляя модели либеральной и республиканской демократии, он в качестве альтернативы им предлагает свою (третью) модель, которую именует делиберативной демократией (от лат. *deliberatio* – обсуждение). В либеральной демократии каждый действует как частное лицо, а государство играет роль посредника, фокусирующего частные интересы. В республиканской все граждане признаются элементами единого политического целого, «цементирующим» началом которого выступает общественная солидарность. В отстаиваемой же Ю. Хабермасом модели делиберативной демократии идеалом является сообщество свободных и равных индивидов, самостоятельно определяющих формы своей социальной жизнедеятельности; главное в этой модели – процедуры обсуждения и принятия решений; под демократией здесь понимается коммуникативный демократический дискурс. Третья модель демократии основывается на коммуникации, нацеленной на уравнивание интересов и ценностных ориентаций, пребывающих в состоянии конфликта. По мнению Ю. Хабермаса, необходимо учитывать многообразие форм коммуникации, в которых совместная воля образуется не только посредством этического самосоглашения, но и за счет достижения баланса интересов и компромисса, рационального выбора средств, морального обоснования, а также проверки на юридическую связанность².

В рамках модели делиберативной демократии Ю. Хабермас пытается синтезировать элементы либеральной и республиканской форм демократии, интегрировать их в понятие «идеальной процедуры» совещания и принятия решений. Цель данной процедуры – установить внутреннюю связь между переговорами, дискурсами самосоглашения и справедливости и обосновать, что именно при таких условиях достигаются разумные и честные результаты³. Ученый сопоставляет теорию демократии с теорией правового государства, основываясь на том, что правовое государство не может существовать вне демократического строя, что только посредством «идеальных процедур» можно объединить обе теории в одно целое в рамках общего концепта демократического правового государства. В предлагаемой им модели демократии социум как самостоятельный субъект, стремящийся к достижению определенного результата, поставленной им цели, уступает место системе рациональных демократических процедур. В модели делиберативной демократии вообще отсутствует коллективный субъект как социальный деятель, основоположник теории демократического дискурса отказывается от устоявшихся, признанных социальных фигур в пользу бессубъектных коммуникаций (что сближает взгляды Ю. Хабермаса с коммуникативными представлениями Н. Лумана). Освободившееся после «изгнания» социальных субъектов место в системе демократического устройства немецкий философ «предоставляет» политической общественности.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 404.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 392.

Понятие «общественность» имеет большое значение в системе политико-правовых воззрений Ю. Хабермаса. Уже в греческом полисе, по его мнению, общественность конституировалась в беседе, которая принимала совещательную форму и форму суда, а также совместного действия; сфера общественного первоначально отделялась от сферы частного, которая есть принадлежность конкретного человека¹. Сформировавшийся в Древней Греции феномен общественности как идея, идеологический образец сохранился и стал достоянием современности. Общественность, с точки зрения ученого, должна способствовать возникновению, развитию политической и правовой коммуникации, широких, многомерных социальных связей, совместной жизнедеятельности людей; для общественной сферы характерны открытость, а также свобода общения, взаимодействия граждан².

Формы общественности не остаются неизменными, они модифицируются; в зону общественного попадают клубы, театры, пресса, другие культурные центры; с образованием гражданского общества общественность начинает выполнять роль посредника между частной и публичной сферами. В современном обществе автономные подвижные структуры, независимые от государства неформальные объединения общественности призваны противостоять, с одной стороны, негативным влияниям частных экономических интересов, с другой – авторитаризму государственной власти, силе и сплоченности ее «бюрократической машины». По мнению Ю. Хабермаса, можно констатировать возникновение феномена мировой общественности как наднационального явления (о чем свидетельствуют мировые протесты). Дальнейшее развитие демократии, политико-правовой сферы он связывает с усилением роли свободной общественности, появлением новых ее форм, социальных движений, структур, способных оказывать организованное, целенаправленное воздействие на государство, чиновничий аппарат, органы государственной власти.

С проектом делиберативной демократии тесно сопряжены представления Ю. Хабермаса о гражданстве как правовом институте. Он отмечает, что для юристов гражданство долгое время означало лишь подданство или национальность и «лишь с недавнего времени это понятие расширяется и приобретает смысл гражданского статуса, который описывают через гражданские права»³. По его мнению, в основе понятия гражданства лежит понятие самоопределения Ж.-Ж. Руссо. Институт гражданства предполагает ассоциацию свободных и равных индивидов, формирующуюся на принципах добровольности; ядро гражданства образуют права на участие в деятельности государства, на свободную коммуникацию. Демократическое гражданство, по убеждению Ю. Хабермаса, не нуждается в укоренении национальной идентичности какого-либо народа; оставаясь индифферентным к многообразию культурных форм, оно вместе с тем требует социализации всех граждан в рамках общей политической культуры⁴. Только демократическое гражданство, по мысли ученого, способно подготовить почву для утверждения статуса гражданина мира, при этом гражданство отдельных стран и мировое гражданство должны формировать «единый континуум, который в своих основных чертах несмотря ни на что уже начинает вырисовываться»⁵.

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 125.

² Там же. С. 126–127.

³ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. С. 217.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 245.

С точки зрения теории права, а также международного права представляют интерес рассуждения Ю. Хабермаса о кантовской идее «вечного мира», ее исторической перспективе. Он признает революционность проекта трансформации международного права как закона для государств в общечеловеческое право (*cosmopolitan law*) – закона для граждан мира (речь идет о переходе от международного к космополитическому порядку, в котором каждое государство является подчиненной стороной)¹. По его мнению, первоначально И. Кант целью своего проекта считал создание мирового государства наций (народа), но не был до конца уверен в ее достижимости, а потому позднее он уточнил эту цель, заявив о необходимости формирования свободной лиги (федерации) суверенных национальных государств, каждое из которых сохраняет за собой право выхода из нее².

По мнению Ю. Хабермаса, И. Кант как человек своего времени не мог учесть важные обстоятельства, которые возникнут в будущем, предвидеть то, что положенные в основу его теории предпосылки (существовавшие в конце XVIII в.) уже не будут соответствовать действительности. Таких предпосылок три: мирная природа республик (государств республиканской формы правления, основанных на демократических конституциях); объединяющая сила всемирной торговли; фактор воздействия либеральной общественности на внешнюю политику государств. Исследуя каждую из них, Ю. Хабермас приходит к следующим выводам: во-первых, демократически устроенные республики воюют не меньше, чем государства с авторитарным режимом, и И. Кант не мог предвидеть взрывной национализм XIX и XX вв.; во-вторых, развитие торговли в определенной мере способствует мирному процессу, но социальное напряжение, которое возникает в ходе ускоренной капиталистической индустриализации, сопровождается внутри стран классовой борьбой, а вовне – воинствующим империализмом; в-третьих, гражданская общественность, которая, по мысли И. Канта, должна была выполнять контролирующие функции, препятствовать «темным» намерениям правителей, формулировать максимы ведения войны и установления мира, в XX в. дегенерировала под воздействием средств массовой информации, совершила «великое предательство»³.

Ю. Хабермас предлагает скорректировать кантовский проект «вечного мира» с учетом современных условий. Идею о союзе народов, который заключается на долгий срок и, тем не менее, не ограничивает суверенитет государств, он считает несостоятельной, отношения между государствами в рамках космополитического порядка, по его мнению, должны быть обязывающими, строиться на некоем уставе или конституции. В отличие от И. Канта, который ратовал за объединение государств, Ю. Хабермас главной целью называет объединение граждан мира. Суть его уточнения позиции И. Канта состоит в том, что космополитическое право должно действовать, минуя коллективных субъектов международного права, напрямую распространяться на индивидуальных субъектов права, т. е. речь идет об их непосредственном членстве в глобальной правовой ассоциации. Кроме того, ученый выступает за реформу ООН в целях обеспечения всеобщего мира и защиты прав человека, за расширение полномочий Международного суда ООН в соответствии с проектом, разработанным в прошлом веке Г. Кельзеном. Также он предлагает не ограничиваться

¹ Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. философского общества. 2003. № 3. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 292–293.

только правовыми запретами ведения войны, а создавать такие социальные условия, которые препятствуют возникновению военных конфликтов, способствуют предотвращению вооруженного насилия¹.

Достоинства и недостатки правовых воззрений Юргена Хабермаса. Научное наследие «самого главного философа Германии» свидетельствует об удивительном разнообразии его исследовательских интересов, в сферу которых входят проблемы психоанализа, герменевтики, социальной эволюции, коммуникации, истории, морали, права, экономики, политики и т. д. К творческому активу Ю. Хабермаса можно отнести коммуникативный концепт, адаптированный им в начале 1990-х гг. к правовой сфере, проект мирового гражданства, теоретическую модель делиберативной демократии, переформатированный им с учетом современных условий кантовский проект «вечного мира». Ценность для науки представляет и предложенный Ю. Хабермасом вариант реконструкции незавершенного проекта модерна, основанный на его идеях коммуникативного разума (проект был сформулирован философами в XVIII в., его цель состояла в последовательном развитии наук и искусства, универсалистских основ морали и права)². Среди достоинств теоретико-правовых конструкций Ю. Хабермаса можно назвать также глубину, основательность их проработки: он вновь и вновь возвращается к ранее обозначенным идеям, уточняя и переосмысливая их; может быть, именно в этом кроется причина эффективности его исследований.

Как и во всякой правовой концепции, в дискурсивной теории Ю. Хабермаса можно обнаружить спорные положения и недочеты. Так, помимо чрезвычайной абстрактности, упрек в которой обычно адресуется философам, можно указать на недостаточно четко проведенные ученым разграничительные линии, «межевые знаки», между правовой сферой и политикой, моралью, религией; в его правовых представлениях эти сферы частично накладываются друг на друга. Выделяемые им вслед за М. Вебером структурные признаки права (позитивность, легализм и формальность), на наш взгляд, не совсем согласуются с его дискурсивным пониманием права. Если для М. Вебера, по мнению которого вера в легальность тождественна легитимности, такое определение права вполне объяснимо, то обращение к данному набору признаков ученого, который настаивает на необходимости обоснования, легитимности принимаемых законодателем норм, рассматривает право сквозь призму идеи коммуникативного разума, вызывает вопросы. Внутренне противоречивым представляется также рассмотрение им права в качестве одновременно свободы и морали (напомним, что право в его системе представлений – это функциональное дополнение морали).

К числу дискуссионных положений концепции Ю. Хабермаса можно отнести его теоретическую модель устройства и организации публичной сферы общества, в которой он особую роль отводит гражданской общественности. Некоторые авторы (О. Негт, А. Клюге) называли модель ученого не соответствующим реальности идеалом; на ее нежизнеспособность указывал М. Фуко³. Учитывая тенденцию к «рефе-

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 295–310.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; *Его же.* Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М., 2005. С. 7–31.

³ Подробнее см.: Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал. С. 47–48 // URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Вербилович_Теория%20коммуникативно%20действия.

одализации СМИ» (термин Ю. Хабермаса), подконтрольность телевидения, многих печатных источников информации государству, манипулирование общественным мнением со стороны субъектов публичной власти, можно усомниться в том, что неформальные разрозненные автономные образования «мировой общественности» справятся с теми социальными задачами, которые возлагает на них ученый, и смогут эффективно противостоять глобальным центрам силы, использующим в своих целях механизмы публичного принуждения как отдельных государств, так и целых государственно-политических союзов, собственные огромные финансовые ресурсы и подконтрольные медиа-институты. Тем более, как признается сам автор данной идеи, в отличие от эпохи Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, когда сильные мира сего прислушивались к советам философов, интеллектуалов, исполняющих роль социальных поводырей, сегодня значение философских и научных трактатов в обществе падает, гражданская общественность дегенерирует. Когда харизма разума разрушена, а вместо нее в общественном сознании укоренились культы денег и власти, какой смысл уповать на «дон-кихотов» от философии и науки?

Можно также усомниться в применимости модели демократии Ю. Хабермаса к процессу создания правовых законов, если исходить из заявленных им принципов коммуникации дискурсивного типа. Как демократия, будучи формой политической власти (пусть даже абсолютного большинства над ничтожно малым меньшинством), может обеспечить коммуникативное равноправие участников законодательного процесса, исключить подчинение одних (меньшинства) другим (большинству)? Как на основе «принципа дискурса» добиться принятия таких норм, с которыми могли бы согласиться все те, кто испытает на себе последствия их принятия? Любая демократия, будь она самой «демократической», неспособна осуществить поставленные автором дискурсивной концепции права цели. Ведь демократия – это форма политической коммуникации, основанная на идее власти и подчинения, а отстаиваемый немецким философом «принцип дискурса» базируется на кантовском совмещении произвола одного с произволом другого с точки зрения закона свободы. Иными словами, Ю. Хабермас предлагает модель правового типа коммуникации, в которой демократия является чужеродным элементом, заимствованным из другого (политического) мира.

Библиография

Вербилевич О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Вербилевич_Теория%20коммуникативног%20действия.

Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001.

Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. философского общества. 2003. № 3.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М., 2005.

Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Bibliography

Verbilovich O. Teoriya kommunikativnogo dejstviya: klyuchevye kategorii i poznavatel'nyj potencial // URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Verbilovich_Teoriya%20kommunikativnog%20dejstviya.

Xabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. M., 1995.

Xabermas Yu. Diskussiya o proshlom i budushhem mezhdunarodnogo prava. Perexod ot nacional'noj k postnacional'noj strukture // Vestn. ros. filosofskogo obshhestva. 2003. № 3.

Xabermas Yu. Filosofskij diskurs o moderne. M., 2003.

Xabermas Yu. Grazhdanstvo i nacional'naya identichnost' // Xabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. M., 1995.

Xabermas Yu. Modern – nezavershennyj proekt // Xabermas Yu. Politicheskie raboty / sost. A. V. Denezhkina. M., 2005.

Xabermas Yu. Racionalizaciya prava i diagnostika sovremennosti // Sociologicheskoe obozrenie. 2011. T. 10. № 3.

Xabermas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoy teorii. M., 2001.

ОБЩИНА, ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСУДИЕ В ГВАТЕМАЛЕ*

Костогрызов Павел Игоревич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург),
e-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Анализируется динамика общинно-государственных отношений в сфере права и правосудия в Гватемале с начала 1980-х гг. до наших дней. Дается характеристика традиционного права индейцев майя и современного состояния общинной юстиции в стране. Автор приходит к выводу о том, что социально-организационные возможности общинных институтов в целом и общинной юстиции в частности могут сыграть конструктивную роль в восстановлении и развитии гватемальского социума и государства.

Ключевые слова: юридический плюрализм, община, общинная юстиция, правопорядок, общество и государство, правовые реформы, Латинская Америка, Гватемала, медиация, примирительные процедуры

COMMUNITY, STATE, AND JUSTICE IN GUATEMALA

Kostogryzov Pavel

Urals State Law University,
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science (Yekaterinburg),
e-mail: pkostogryzov@yandex.ru

The article analyzes the development of community-state relations concerning law and justice in Guatemala since early 1980s till our days. The traditional Mayan law and the current community justice in the country are described. The author concludes that social and organizational capacity of community institutions in general and the community justice in particular could be instrumental in recovering and developing the Guatemalan society and state.

Key words: legal pluralism, community, community justice, public order, state and society, legal reform, Latin America, Guatemala, mediation, conciliation

В последние годы в отечественной науке получила освещение тема общинной юстиции в странах Латинской Америки¹, однако гватемальский опыт в данной области пока подробно не анализировался. Между тем правосудие в этой стране имеет ряд особенностей.

В Гватемале, как и во многих латиноамериканских государствах, институты общинной юстиции существуют непрерывно с доколумбовых времен. После испанского завоевания колониальные власти предоставляли определенную правовую автоно-

* Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-03-00513 «Общинная юстиция в странах Латинской Америки».

¹ Костогрызов П. И. Правовой плюрализм в Боливии: проблемы и перспективы общинной юстиции // Рос. юрид. журн. 2013. № 4. С. 122–131; Атнашев В. Р., Погодин С. Н. Обзор конференции «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе» // Россия в глобальном мире. 2014. № 4. С. 430–437; Костогрызов П. И. Развитие медиации и примирительных процедур в контексте общинной юстиции: опыт Колумбии // Науч. тр. РАЮН. М., 2015. Вып. 15. Т. 1. С. 176–179.

мию сельским общинам (основное население которых составляли индейцы майя). Провозглашение независимости от Испании ознаменовало в Гватемале, как и в других странах региона, переход от политических и правовых традиций старого режима к государству-нации новоевропейского типа, нашедшему наиболее чистое воплощение в послереволюционной Франции. Пришедшая тогда к власти креольская элита создавала законы и кодексы без оглядки на то, как в действительности жила большая часть населения.

«С социологической точки зрения можно с полным основанием утверждать, что в стране был установлен правовой порядок, никак не связанный с той социальной и культурной реальностью, которая в ней существовала»¹, – пишут современные гватемальские исследователи. С их мнением трудно согласиться безоговорочно. «Креольская» реальность, которой соответствовало «креольское» право (типичный представитель почтенной романо-германской правовой семьи), тоже является неотъемлемой частью «социальной и культурной реальности страны». Но в какой-то степени процитированные авторы правы: позитивное право Гватемалы оставляло «за скобками» жизнь индейских народов, составлявших в момент обретения страной независимости большинство населения страны, а сейчас, по официальным данным, – 42 %.

Ситуация стала меняться во второй половине XX в., когда практически во всех латиноамериканских государствах наметился поворот политики официальных властей к более широкому признанию прав коренного населения (в первую очередь коллективных, носителями которых выступают не индивиды, а общности – народы, племена, общины). В Гватемале этот процесс начался в крайне тяжелый исторический момент: в 1966–1996 гг. в стране шла гражданская война. Левые политические группировки вели партизанскую борьбу против находившихся у власти консервативных сил. Именно военная необходимость заставила правительство искать опору в сельских общинах. Поскольку герилья разворачивалась в сельской местности, а ее основной социальной базой были крестьяне, многие из которых принадлежали к индейским народам группы майя, гватемальское военное руководство попыталось «перетянуть» сельское население на свою сторону.

В 1982–1983 гг., в период президентства генерала Э. Риоса Монтта, армия стала создавать в деревнях «патрули гражданской самообороны» – антипартизанские формирования из гражданских лиц, обязанные помогать военным и подчиненные армейскому командованию. Участвовать в «самообороне» обязывались жители охваченных герильей районов страны. Фактически это был механизм насильственной мобилизации населения для участия в операциях вооруженных сил против партизан, а общины (не по своей воле) служили «приводными ремнями» этой мобилизационной машины. Попытки отказа от «патрулирования» пресекались жестокими репрессиями, а отряды «самообороны» использовались не только для отражения нападений партизан на деревни, но и для проведения под руководством военных карательных акций против населения других деревень, подозреваемых в сочувствии герилье². В итоге деятельность «патрулей гражданской самообороны» способствовала не умиротворению, а углублению гражданского конфликта и усугублению гуманитарной катастрофы в Гватемале, увеличению числа жертв среди мирного населения

¹ Ramirez L., Solórzano J., Cajax M. Tribunales comunitarios en Guatemala // Pensamiento Jurídico. 2013. № 13: Justicia comunitaria parte 2. P. 69.

² Crime and Development in Central America: Caught in the Crossfire. United Nations Office on Drugs and Crime. 2007 // URL: https://www.unodc.org/pdf/research/Central_America_Study_2007.pdf.

и насильственному вовлечению большого числа лиц в совершение преступлений¹. Однако в рамках обсуждаемой темы важно то, что государство признало общинные институты значимым фактором жизни социума.

Следующим шагом в этом направлении стала новая Конституция Гватемалы, принятая в 1985 г. Она одной из первых в латиноамериканском регионе закрепила право коренных народов жить в соответствии со своими «обычаями, традициями, формами социальной организации» (ст. 66)².

Таким образом, официальным правом Гватемалы был признан юридический плюрализм. Напомним, что согласно классическому определению Дж. Гриффитса правовой плюрализм – это «положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку»³. Нетрудно заметить, что, по Гриффитсу, в Гватемале имеет место «слабый» вариант юридического плюрализма, при котором один из взаимодействующих правовых порядков преобладает, а другой (или другие) занимает подчиненное положение, проявляясь лишь настолько, насколько позволяет ему господствующий правопорядок⁴. Возможен также «сильный» юридический плюрализм, при котором различные системы юридических норм существуют в одном социальном поле на основе равенства.

В 1996 г. гражданская война в Гватемале завершилась подписанием мирного соглашения между властями и антиправительственными формированиями, но «общинный фактор» из политической жизни страны не исчез. Долгожданный мир не принес подлинной безопасности и прекращения насилия. Снижение преступности, продолжавшееся с момента окончания войны и до 1999 г., сменилось ее ростом. К 2006 г. количество убийств достигло максимальной отметки в 47 случаев на 100 тыс. жителей и лишь после 2009 г. стало медленно уменьшаться, в 2011 г. составив 38,5 случаев на 100 тыс. жителей, что все равно выше худшего показателя за годы конфликта⁵. Эти и многие другие данные свидетельствуют о слабости гватемальского государства и неэффективности работы правоохранительных органов. В таких условиях общинные институты берут на себя ряд функций, связанных с социальным регулированием, охраной порядка и т. д.

Гватемальские ученые делят сельские общины на две группы: исторические и переселенческие⁶. Первые существуют относительно долго (на протяжении жизни, как минимум, нескольких поколений) на одной территории. Вторые возникли недавно (при жизни нынешнего поколения) в результате переселения из других мест, чаще всего в связи с военными действиями. Расово-этнический состав населения той и другой группы одинаков, однако разница в структуре общинных институтов и в паттернах реакции на вызовы внешнего мира существенна: исторические общины полнее сохраняют традиционную социальную организацию, обычно-правовые нормы

¹ Ball P., Kobrak P., Spier H. *Violencia institucional en Guatemala, 1960 a 1996: Una reflexión cuantitativa*. Washington, 1999.

² Constitución Política de la República de Guatemala // URL: http://www.cc.gob.gt/index.php?option=com_content&view=article&id=93:artconstipolitrepugua&catid=36:catpublicaciones&Itemid=67.

³ Griffiths J. What is legal pluralism? // *Journal of Legal Pluralism*. 1986. № 24. P. 2.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ *Crime and Development in Central America: Caught in the Crossfire*. United Nations Office on Drugs and Crime.

⁶ Más allá de la costumbre: cosmos, orden y equilibrio: El derecho del pueblo Maya de Guatemala. Guatemala, 1999. P. 192. Заметим, что это вполне коррелирует с предложенной нами классификацией общин в Латинской Америке (Костокрызов П. И. Общинное правосудие в Латинской Америке: пережиток прошлого или мост в будущее? // *Россия в глобальном мире*. 2014. № 4. С. 456–460).

и традиционный образ жизни в целом, тогда как переселенческие лучше приспосабливаются к современным реалиям, но им приходится отказываться от обычаев предков.

Различие объясняется тем, что жители переселенческих общин, хотя и являются выходцами из общин традиционных, оказались поставлены в гораздо более жесткие условия выживания, которые заставляют их активно взаимодействовать с модернизированными секторами социальной системы (государственными службами, разнообразными экономическими субъектами, населением городов и крупных поселков, национальными и международными некоммерческими организациями, оказывающими им помощь, и т. д.). В результате переселенческие общины вынуждены приспосабливать свою социальную организацию и нормативную систему к особенностям существования в современном мире. Это находит выражение, например, в том, что в таких общинах на руководящие должности чаще выдвигается молодежь, поскольку она быстрее адаптируется к изменившимся условиям жизни.

В исторических общинах, напротив, продолжает господствовать, пусть и не столь безусловно, как раньше, древний принцип геронтократии: старики априори считаются носителями мудрости, как унаследованной от предков, так и приобретенной благодаря богатому жизненному опыту, поэтому обладают правом руководить более молодыми людьми. Хозяйственная жизнь таких общин давно налажена, и если ее не нарушают чрезвычайные обстоятельства (обычно – военные события), они могут позволить себе и дальше существовать «в стороне» от текущих процессов. Конечно, эта «отстраненность» весьма относительна, исторические общины не исключены из жизни современного общества. Гватемала – небольшая страна, и в ней нет изолированных районов наподобие Амазонской сельвы, где отдельные индейские племена могут сохранять практически первобытный образ жизни вне контакта с окружающим миром. Таким образом, исторические общины тоже переживают процесс модернизации, но с отставанием от переселенческих.

Как отмечалось выше, Конституцией Гватемалы признано право коренных народов жить в соответствии со своими «обычаями, традициями, формами социальной организации», что предполагает, в частности, отправление правосудия традиционными органами на основе обычного права. В развитие этой нормы ст. 25bis Уголовно-процессуального кодекса Гватемалы предусматривает возможность «применения обычаев различных общин с тем, чтобы не нарушались конституционные гарантии и международные нормы в области прав человека»¹.

Обычно-правовые нормы могут применяться судами общей юрисдикции и мировыми судьями в ходе процедур медиации или примирения сторон. Например, если истец и ответчик (потерпевший и правонарушитель) пришли к соглашению, основанному на местных обычаях, «судья не обязан проверять его на соответствие букве закона, а должен лишь удостовериться, что оно не противоречит Конституции и не нарушает принципы справедливости и международно признанные права человека»².

Однако чаще всего в качестве инстанции, применяющей право индейцев майя (гватемальские юристы подчеркивают предпочтительность данного термина по сравнению с понятием «обычное право», так как обычай – не единственный его источник, и в этом с ними нельзя не согласиться), выступают не государственные суды, а общинные. И в исторических, и в переселенческих общинах система органов управ-

¹ Código Procesal Penal // URL: <http://leydeguatemala.com/codigo-procesal-penal/45>.

² Marroquin Guerra O. Administración de justicia en pueblos indígenas. Guatemala; Mexico, 2005. P. 5.

ления сочетает в себе традиционные (сохранившиеся с доколумбовых времен) и современные (привнесенные государством в колониальную и постколониальную эпоху) институты. По причине, о которой говорилось выше, «чисто индейская» структура общинной власти не сохранилась. Впрочем, даже если должностные лица майя носят испанские наименования и избираются путем опускания бюллетеней в урну, они остаются представителями общины и носителями традиционного мировоззрения и правосознания майя.

Судебные дела в зависимости от своей значимости рассматриваются общинными лидерами или общим собранием. Основные ценности, на страже которых стоит общинное правосудие, – социальная гармония (понимаемая как необходимая предпосылка и неотъемлемая часть мировой, космической гармонии) и внутриобщинный мир. Цель судебного процесса – восстановление гармонии, нарушенной конфликтом. Ставится задача не покарать правонарушителя, а вернуть его в систему сложившихся социальных связей, примирить с общинным коллективом, заставить осознать недопустимость своего образа действий и отказаться от него; потерпевшему же обеспечиваются возмещение нанесенного ущерба и гарантии от новых посягательств.

Любое судебное разбирательство в общине больше похоже на процедуру медиации, чем на состязательный судебный процесс. Тяжущиеся стороны вместе с представителями общинной власти (а иногда и со всеми взрослыми общинниками) ведут дискуссию, цель которой – «отрефлексировать» произошедшие события, собственное поведение, понять мотивы другой стороны. В итоге все участники должны получить новый опыт, который станет основой саморегулирования их поведения в дальнейшем¹. Таким образом, вовлечение в разбирательство максимально широкого круга общинников не только придает авторитет принятому ими совместно решению, но и имеет, так сказать, педагогическое значение для них самих: на примере конфликтной ситуации они усваивают паттерны поведения, позволяющие поддерживать социальную гармонию. Это в свою очередь является важнейшим принципом общинного права и правосознания, так как община, в отличие от государства не обладающая аппаратом принуждения, способна стабильно существовать только при наличии общих усилий, направленных на поддержание гармонии. Поэтому, в частности, право майя невозможно применять как систему фиксированных законов и правил, оно не поддается кодификации.

Сказанное не означает, что общинное правосудие не знает наказаний и решает все дела исключительно путем примирения. Карательных мер стремятся избегать, но в случае совершения тяжких и особенно повторяющихся нарушений они неизбежны. Чаще всего в качестве наказания назначают обязательные работы в пользу общины или потерпевшего, штрафы, иногда телесные наказания.

Кроме собственно общинных судов, в Гватемале существует институт, представляющий собой промежуточное звено между традиционными судебными органами индейцев и государственной системой судов, – общинный мировой суд. Он рассматривает дела на основе обычаев, справедливости и общих принципов права, при этом его решения не должны нарушать Конституцию и законы. Общинный мировой суд состоит из трех судей, не избираемых населением, а назначаемых Верховным судом справедливости из местных жителей, пользующихся уважением и знающих язык этноса, составляющего большинство населения муниципия². Такой способ формирова-

¹ Más allá de la costumbre: cosmos, orden y equilibrio: El derecho del pueblo Maya de Guatemala. P. 216–218.

² Código Procesal Penal.

ния не позволяет считать данный суд органом общинной юстиции в полном смысле слова, скорее, это средство интеграции обычного права индейцев в национальную правовую систему. Хотя норма, учреждающая общинный мировой суд, входит в Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 552bis), его компетенция не ограничивается уголовными делами, а распространяется также на гражданское и семейное право¹.

В ряде отдаленных муниципиев в начале XXI в. были созданы Центры справедливости, основная задача которых – урегулирование споров и конфликтов посредством медиации и других примирительных процедур. За 2005–2010 гг. 82 медиатора, работающие в 78 центрах, рассмотрели 86 тыс. дел. В 34 400 случаях (40 %) удалось заключить мировое соглашение. За чуть меньший период (2005–2009 гг.) 842 судьи 632 судов общей юрисдикции страны рассмотрели 817 тыс. дел и вынесли решения по 61 805 из них (7,6 %). При этом максимальная продолжительность процедуры медиации составила 6 ч, а ее стоимость – 172 800 кетцалей, тогда как в судах дела рассматривались в среднем в течение 15 месяцев, а средние затраты на процесс варьировались от 250 тыс. до 300 тыс. кетцалей². Таким образом, медиация была в 1800 раз быстрее и в 1500 раз экономичнее судебного разбирательства.

Несмотря на ряд позитивных моментов, в целом состояние правопорядка в Гватемале и уровень взаимодействия государственных и общинных структур оставляют желать лучшего. «Наследством» гражданской войны стало взаимное недоверие между государством и индейскими общинами. Сельские жители в большинстве случаев стремятся «закрыться» от государства и решать все конфликты и спорные ситуации самостоятельно. Речь идет как о мелких тяжбах между соседями, так и о серьезных преступлениях. Даже если совершено убийство, потерпевшие предпочитают, чтобы дело рассматривалось в общинном суде и применялось право майя, а не нормы закона. Это объясняется тем, что заключение убийцы в места лишения свободы может дать семье убитого моральное удовлетворение, но не обеспечивает возмещения материальных потерь, связанных с гибелью кормильца, тогда как традиционное право предусматривает компенсацию. Например, общинный суд может обязать виновного содержать семью жертвы до достижения его детьми совершеннолетия. Кроме того, он остается под особым надзором общинных властей, которые в случае повторного правонарушения могут наказать его более строго³.

Итак, с одной стороны, институты общинной юстиции в Гватемале достаточно развиты, чтобы служить опорой государству в деле поддержания социального порядка, обеспечения права граждан на доступ к правосудию и борьбы с преступностью, а с другой – этот ресурс пока используется неудовлетворительно. Между тем регулятивный потенциал общинного права далеко не исчерпан. Как утверждают гватемальские правоведы и показывают результаты нашего исследования, социально-организационные возможности общинных институтов в целом и общинной юстиции в частности могут сыграть серьезную конструктивную роль в деле восстановления и развития гватемальского социума и государства в послевоенный период, продвижения процесса национального примирения и дальнейшей модернизации страны.

¹ Marroquin Guerra O. Op. cit. P. 22.

² Asociación de Investigación y Estudios Sociales (ASIES). La mediación: alternativa para el Sistema de Justicia. Guatemala, 2013.

³ Guzmán O. A. Necesidad del reconocimiento pleno del derecho consuetudinario para consolidar el estado de derecho y la democracia en Guatemala. Guatemala, 2006. P. 64.

Библиография

Asociación de Investigación y Estudios Sociales (ASIES). La mediación: alternativa para el Sistema de Justicia. Guatemala, 2013.

Ball P., Kobrak P., Spirer H. Violencia institucional en Guatemala, 1960 a 1996: Una reflexión cuantitativa. Washington, 1999.

Código Procesal Penal // URL: <http://leydeguatemala.com/codigo-procesal-penal/45>.

Constitución Política de la República de Guatemala // URL: http://www.cc.gob.gt/index.php?option=com_content&view=article&id=93:artconstipolitrepugua&catid=36:catpublicaciones&Itemid=67.

Crime and Development in Central America: Caught in the Crossfire. United Nations Office on Drugs and Crime. 2007 // URL: https://www.unodc.org/pdf/research/Central_America_Study_2007.pdf.

Griffiths J. What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. № 24.

Guzmán O. A. Necesidad del reconocimiento pleno del derecho consuetudinario para consolidar el estado de derecho y la democracia en Guatemala. Guatemala, 2006.

Marroquín Guerra O. Administración de justicia en pueblos indígenas. Guatemala; Mexico, 2005.

Más allá de la costumbre: cosmos, orden y equilibrio: El derecho del pueblo Maya de Guatemala. Guatemala, 1999.

Ramírez L., Solórzano J., Cajax M. Tribunales comunitarios en Guatemala // Pensamiento Jurídico. 2013. № 13: Justicia comunitaria parte 2.

Атнашев В. Р., Погodin С. Н. Обзор конференции «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе» // Россия в глобальном мире. 2014. № 4.

Костогрызov П. И. Общинное правосудие в Латинской Америке: пережиток прошлого или мост в будущее? // Россия в глобальном мире. 2014. № 4.

Костогрызov П. И. Правовой плюрализм в Боливии: проблемы и перспективы общинной юстиции // Рос. юрид. журн. 2013. № 4.

Костогрызov П. И. Развитие медиации и примирительных процедур в контексте общинной юстиции: опыт Колумбии // Науч. тр. РАЮН. М., 2015. Вып. 15. Т. 1.

Bibliography

Asociación de Investigación y Estudios Sociales (ASIES). La mediación: alternativa para el Sistema de Justicia. Guatemala, 2013.

Atnashev V. R., Pogodin S. N. Obzor konferencii «Tradicionnye instituty i gosudarstvennaya politika v sovremennom obshchestve» // Rossiya v global'nom mire. 2014. № 4.

Ball P., Kobrak P., Spirer H. Violencia institucional en Guatemala, 1960 a 1996: Una reflexión cuantitativa. Washington, 1999.

Código Procesal Penal // URL: <http://leydeguatemala.com/codigo-procesal-penal/45>.

Constitución Política de la República de Guatemala // URL: http://www.cc.gob.gt/index.php?option=com_content&view=article&id=93:artconstipolitrepugua&catid=36:catpublicaciones&Itemid=67.

Crime and Development in Central America: Caught in the Crossfire. United Nations Office on Drugs and Crime. 2007 // URL: https://www.unodc.org/pdf/research/Central_America_Study_2007.pdf.

Griffiths J. What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. № 24.

Guzmán O. A. Necesidad del reconocimiento pleno del derecho consuetudinario para consolidar el estado de derecho y la democracia en Guatemala. Guatemala, 2006.

Kostogryzov P. I. Obshhinnoe pravosudie v Latinskoj Amerike: perezhitok proshlogo ili most v budushhee? // Rossiya v global'nom mire. 2014. № 4.

Kostogryzov P. I. Pravovoj plyuralizm v Bolivii: problemy i perspektivy obshhinnoj yusticii // Ros. yurid. zhurn. 2013. № 4.

Kostogryzov P. I. Razvitie mediacii i primiritel'nyx procedur v kontekste obshhinnoj yusticii: opyt Kolumbii // Nauch. tr. RAYuN. M., 2015. Vyp. 15. T. 1.

Marroquín Guerra O. Administración de justicia en pueblos indígenas. Guatemala; Mexico, 2005.

Más allá de la costumbre: cosmos, orden y equilibrio: El derecho del pueblo Maya de Guatemala. Guatemala, 1999.

Ramírez L., Solórzano J., Cajax M. Tribunales comunitarios en Guatemala // Pensamiento Jurídico. 2013. № 13: Justicia comunitaria parte 2.

СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ КАК УСЛОВИЕ И ПРЕДЕЛЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ

Мелюханова Евгения Евгеньевна

Аспирант кафедры уголовного права

Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),

e-mail: melyukhanova@list.ru

Обосновывается мнение, что центральной составляющей института назначения наказания выступает определение конкретного вида наказания, а затем его размера (срока). Реализация принципа индивидуализации наказания рассматривается как процесс, состоящий из ряда этапов. Автор приходит к выводу, что законодательно закрепленная система наказаний является главным условием индивидуализации наказания и одновременно устанавливает ее пределы.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное наказание, система наказаний, принципы назначения наказания, принцип индивидуализации наказания

THE SYSTEM OF CRIMINAL PUNISHMENT AS A CONDITION AND LIMITS FOR INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT

Melyukhanova Yevgeniya

Urals State Law University (Yekaterinburg),

e-mail: melyukhanova@list.ru

The author proves that imposition of a particular type of punishment and then its length (amount) is a central part of the institute of imposition of punishment. Implementation of a principle of punishment individualization is regarded as a process consisting of several stages. The author concludes that the punishment system, established by law, acts as a key condition for individualization of punishment and, at the same time, sets its limits.

Key words: criminal law, criminal punishment, punishment system, principles of imposition of punishment, principle of individualization of punishment

В Уголовном кодексе Российской Федерации принцип индивидуализации наказания не предусмотрен. Однако в теории уголовного права он является одним из основополагающих.

Некоторые авторы относят принцип индивидуализации наказания к принципам всего уголовного законодательства¹, другие придерживаются мнения, что данный принцип касается конкретного института уголовного права – института назначения наказания². Высказана также позиция³, согласно которой принцип индивидуализации наказания составляет часть принципа справедливости, входящего в число законодательно закрепленных принципов уголовного законодательства (ст. 6 УК РФ).

¹ См., например: Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 4.

² См., например: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2015. С. 202 (автор главы – Л. Л. Кругликов).

³ См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2014. С. 12–13 (автор главы – А. И. Коробеев).

При этом принцип справедливости реализуется в процессе индивидуализации наказания.

Последняя из указанных точек зрения наиболее распространена, а потому принцип индивидуализации наказания, как правило, рассматривается в рамках общих начал назначения наказания. Это объясняется тем, что ранее отечественная уголовно-правовая наука вместо термина «общие начала назначения наказания» оперировала термином «общие принципы назначения наказания». При этом данные термины не тождественны, на что справедливо указывает Г. П. Новоселов: «Будучи понятиями более абстрактными, чем общие начала назначения наказания, принципы назначения наказания отвечают на вопрос не столько о том, что именно следует учитывать суду в каждом отдельном случае, сколько о том, какой – законной, справедливой, гуманной, индивидуальной и т. д. – должна быть избираемая мера наказания»¹. Поэтому в настоящее время институт назначения наказания включает в себя и общие принципы назначения наказания. Вместе с тем не вызывает сомнений, что среди них одним из основополагающих является принцип индивидуализации наказания.

Центральной составляющей института назначения наказания, по нашему мнению, выступает определение конкретного вида наказания, а затем его размера. Определение вида и размера наказания – первостепенная задача для суда, что подтверждается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2²: согласно ему в резолютивной части приговора должны быть указаны вид и размер основного и дополнительного наказаний, назначенных осужденному, вид и режим исправительного учреждения, в котором должен отбывать наказание осужденный к лишению свободы. Среди многочисленных вопросов, подлежащих разрешению в резолютивной части приговора, определение вида и размера наказания занимает центральное место.

Наказание по существу представляет собой набор карательных элементов. Однако степень карательного воздействия наказания устанавливается в зависимости от вида наказания (срочного или размерного), длительности претерпевания лицом тех или иных ограничений (карательных элементов) либо их объема и выражается в определении срока или размера конкретного вида наказания.

Закрепленные в ст. 44 УК РФ виды наказаний образуют систему, которая представляет собой совокупность всех видов наказаний, упорядоченных по степени строгости (от менее строгих к более строгим). Данная система отражает весь комплекс мер, которые могут быть реализованы судом при назначении вида и размера (срока) наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления. Предусмотрев исчерпывающий перечень видов наказаний, законодатель тем самым ограничил применение уголовной репрессии: в дальнейшем любой процесс, связанный с уголовным наказанием, разворачивается в этих четко заданных границах. И индивидуализация наказания не исключение.

Первоначально принцип индивидуализации наказания был реализован законодателем, который сконструировал санкции статей, содержащие альтернативы видов и размеров (сроков) наказаний, приняв во внимание характер и степень общественной опасности преступления. Судом принцип индивидуализации наказания осуществляется по общему правилу, в рамках законодательно установленных санкций.

¹ Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2013. С. 424 (автор главы – Г. П. Новоселов).

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 (ред. от 3 декабря 2013 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

А. М. Мифтахов утверждает, что пределы индивидуализации наказания «определяются прежде всего пределами его дифференциации. Чем шире пределы последней, тем больше создается возможностей для индивидуализации наказания»¹. Соглашаясь с приведенным суждением, укажем, что пределы дифференциации задаются именно системой наказаний, структурными элементами которой являются виды наказаний. Чем больше элементов в системе, тем выше степень дифференциации наказания. Более того, эти элементы должны быть реализуемы и универсальны. Недостаточное количество элементов в системе либо отсутствие возможности их реализации служит причиной единообразного подхода к назначению наказаний. Следовательно, система наказаний не только устанавливает пределы индивидуализации наказания, но и является ее главным условием.

Одним из факторов, ограничивающих выбор судом конкретного вида наказания преступнику, является несовершенство системы уголовных наказаний. Не все указанные в ст. 44 УК РФ виды наказаний имеют необходимые условия реализации, что приводит к сужению альтернатив при назначении уголовного наказания, нарушению принципа индивидуализации наказания. Именно выбор конкретного вида наказания обуславливает дальнейшую индивидуализацию наказания посредством установления его срока (размера).

Ф. Р. Сундуrow выделяет два уровня индивидуализации наказания: количественный и качественный. «Первый предполагает индивидуализацию меры наказания, то есть определение его срока, размера и подвида, в пределах одного вида наказания, а качественный уровень индивидуализации означает назначение или замену в процессе исполнения одного вида наказания другим, более мягким или, наоборот, более строгим видом»². Следовательно, и в данном случае система наказаний является первостепенным условием осуществления качественного уровня индивидуализации наказания, без которого невозможна реализация количественного уровня. При этом необходимо уточнить, что индивидуализация наказания на качественном уровне, по представлению Ф. Р. Сундуrow, проходит два этапа: обязательный и факультативный. Обязательный этап включает в себя назначение определенного вида наказания, а факультативный – его замену.

Без учета системы наказаний также нельзя назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ). Так, при отсутствии установленной в законе иерархии видов наказаний определение степени строгости одного вида наказания относительно другого будет носить субъективный характер. Это обстоятельство усугубляется тем, что карательные элементы разных видов наказаний не поддаются объективному сравнению в силу различной оценки конкретных ограничений тем или иным лицом. Сказанное в равной степени относится и к ситуациям замены наказания лицу, отбывающему наказание, либо уклонения от отбывания наказания.

Реализацию принципа индивидуализации наказания, по нашему мнению, необходимо рассматривать как процесс, состоящий из ряда этапов.

1. Первичная индивидуализация наказания. Ее результатом является определение конкретного вида наказания с учетом характера и степени общественной опасности

¹ Мифтахов А. М. Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 157.

² Сундуrow Ф. Р. Индивидуализация наказания как одно из направлений российской уголовно-правовой политики // Вестн. Казанского юрид. ин-та МВД России. 2010. № 2. С. 1.

преступления и личности виновного. Суд устанавливает вид наказания по общему правилу, в рамках санкции статьи Особенной части УК РФ, регламентирующей альтернативные виды наказаний. Кроме того, руководствуясь законодательно установленной системой наказаний, суд вправе назначить дополнительное наказание, не закрепленное в санкции статьи Особенной части УК РФ (ч. 3 ст. 47, ст. 48). В рамках данного этапа суд также принимает во внимание положения ст. 64 УК РФ, предоставляющие возможность назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрено конкретной статьей Особенной части УК РФ.

2. Вторичная индивидуализация наказания. Основана на первичной и осуществляется с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. На данном этапе суд также принимает во внимание положения Общей части УК РФ (ст. 64–66, 68–70 УК РФ) и определяет размер (срок) установленного на первом этапе вида наказания.

3. Третичная индивидуализация. Осуществляется с учетом влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также всех прочих обстоятельств. На этом этапе разрешаются возникающие в связи с назначенным видом наказания вопросы, например определение вида и режима исправительного учреждения, в котором должен отбывать наказание осужденный (для наказания в виде лишения свободы).

Названные этапы индивидуализации наказания реализуются в рамках уголовно-правового института назначения наказания. Однако данный принцип продолжает действовать и после вынесения приговора в процессе исполнения (отбывания) назначенного наказания. Так, в Уголовно-исполнительном кодексе РФ законодателем закреплен принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний (ст. 8). Он воплощается в жизнь, как верно указывает В. И. Селиверстов, «путем изменения правового статуса осужденного в зависимости от поведения, при применении мер поощрения и взыскания»¹.

Уголовно-исполнительным законодательством предусмотрена прогрессивная система отбывания наказания в виде лишения свободы. Так, в зависимости от своего поведения осужденный может быть переведен на другой режим отбывания наказания с изменением условий содержания. А. С. Михлин и В. И. Селиверстов полагают, что «индивидуализация исполнения наказания основывается на индивидуализации его назначения. Она реализуется в пределах одного вида исправительного учреждения путем изменения объема карательного воздействия на конкретного осужденного, его перевода с одних условия отбывания наказания на другие, более строгие или менее строгие, а также путем перевода из исправительного учреждения одного вида в другое»².

Однако в юридической литературе³ принцип индивидуализации в рамках уголовно-исполнительного права зачастую распространяется только на исполнение (отбывание) наказания в виде лишения свободы, что представляется необоснованным. Он должен распространяться на все виды наказаний именно в силу того, что условием его реализации является законодательно установленная система наказаний. Эту

¹ Уголовно-исполнительное право России / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2013. С. 38 (автор главы – В. И. Селиверстов).

² Там же. С. 102 (авторы главы – А. С. Михлин, В. И. Селиверстов).

³ См., например: Карпец И. И. Указ. соч. С. 134.

мысль разделяет М. А. Кириллов, ссылаясь на то, что «в УИК РФ (ст. 8) прямо указывается, что этот принцип не одного вида наказания, а „наказаний“»¹.

Следовательно, принцип индивидуализации наказания имеет межотраслевой характер. Законодательно закреплённая система наказаний является его главным условием и одновременно устанавливает пределы его реализации.

Библиография

Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961.

Кириллов М. А. О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1.

Мифтахов А. М. Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 4.

О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 (ред. от 3 декабря 2013 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

Сундуров Ф. Р. Индивидуализация наказания как одно из направлений российской уголовно-правовой политики // Вестн. Казанского юрид. ин-та МВД России. 2010. № 2.

Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2015.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2014.

Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2013.

Уголовно-исполнительное право России / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2013.

Bibliography

Karpec I. I. Individualizaciya nakazaniya v sovetskom ugodovnom prave. M., 1961.

Kirillov M. A. O principe individualizacii ispolneniya nakazaniya v ugodovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Yurid. nauka i praktika: Vestn. Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 1.

Miftaxov A. M. Ponyatie i znachenie individualizacii nakazaniya v rossijskom ugodovnom prave // Uchen. zap. Kazanskogo un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2009. № 4.

О практике назначения Судами Rossijskoj Federacii ugodovnogo nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 11 yanvarya 2007 g. № 2 (red. ot 3 dekabrya 2013 g.) // Byul. Verxovnogo Suda RF. 2007. № 4.

Sundurov F. R. Individualizaciya nakazaniya kak odno iz napravlenij rossijskoj ugodovno-pravovoj politiki // Vestn. Kazanskogo yurid. in-ta MVD Rossii. 2010. № 2.

Ugodovnoe pravo Rossii. Obshhaya i Osobennaya chasti / pod red. V. K. Duyunova. M., 2015.

Ugodovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaya chast' / pod red. L. V. Inogamovoj-Xegaj. M., 2014.

Ugodovnoe pravo. Obshhaya chast' / otv. red. I. Ya. Kozachenko. M., 2013.

Ugodovno-ispolnitel'noe pravo Rossii / pod red. V. I. Seliverstova. M., 2013.

¹ *Кириллов М. А.* О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 103.

**ГРУППА ЛИЦ, ГРУППА ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ,
ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА И ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО
(ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ):
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ****Попов Виталий Александрович**

Аспирант кафедры уголовного права

Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),

e-mail: Baikal2401@yandex.ru

Автор предлагает свой подход к уголовно-правовой интерпретации ст. 35 УК РФ, который может служить методологической базой для квалификации действий двух и более лиц, образующих преступную группу.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, организованная группа, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная преступность

**GROUP OF PERSONS, GROUP OF PERSONS BY PRIOR CONSPIRACY,
ORGANIZED GROUP, AND CRIMINAL ASSOCIATION
(CRIMINAL ORGANIZATION):
THE CORRELATION OF CONCEPTS****Popov Vitalij**

Urals State Law University (Yekaterinburg),

e-mail: Baikal2401@yandex.ru

The author proposes his own approach to criminal legal interpretation of Article 35 of the RF Criminal Code, which could be used as a methodology for qualification of crimes committed by two and more persons forming a criminal group.

Key words: criminal association, criminal organization, organized group, group of persons, group of persons by prior conspiracy

В теории уголовного права одним из дискуссионных считается вопрос о соотношении понятий «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа» и «преступное сообщество (преступная организация)», предусмотренных ст. 35 УК РФ. Ответ на него важен не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Значительное число ученых говорят о том, что в ст. 35 УК РФ закреплены виды¹ или формы² соучастия. Здесь следует отметить, что в науке уголовного права так и не выработана единая терминология: одни исследователи оперируют терминами «форма» и «вид» как синонимами, вторые проводят между ними границу. Однако

¹ См., например: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: моногр. Екатеринбург, 1999. С. 193.

² См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. С. 426; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., испр., доп. и перераб. / под ред. А. И. Чучаева. М., 2010. С. 99; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2013. С. 44; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. С. 99.

среди приверженцев второй позиции также нет согласия: то, что одни именуют формами, другие считают видами, и наоборот. Критерием деления соучастия на формы или виды, как правило, называется степень согласованности (сорганизованности) действий соучастников¹.

А. В. Шеслер выделяет две формы соучастия: без предварительного сговора и с предварительным сговором. При этом он перечисляет разновидности предварительного сговора: предварительный сговор в элементарной форме, организованная группа, преступное сообщество². Аналогичной позиции придерживается А. В. Галахова³.

Вместе с тем некоторые представители юридической науки высказывают мнение о том, что в ст. 35 УК РФ закреплены не формы или виды соучастия, а разновидности групповых образований⁴. Часть авторов выделяют три вида групп, изымая из классификации преступное сообщество. Сторонник такого подхода Д. В. Савельев обосновывает это тем, что преступное сообщество представляет собой более опасную разновидность организованной группы⁵.

А. П. Козлов предлагает следующую классификацию преступных групп: без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК) и с предварительным сговором. Последнюю он подразделяет на группу заранее договорившихся лиц (ч. 2 ст. 35 УК), организованную группу (ч. 3 ст. 35 УК) и преступное сообщество (ч. 4 ст. 35 УК)⁶.

Резюмируя, отметим, что авторы при анализе ст. 35 УК РФ так или иначе говорят о классификации. На наш взгляд, это не совсем верно. Дело в том, что классификация является особым видом такой логической операции, как деление. Следовательно, она должна соответствовать всем правилам деления. Однако при рассмотрении ст. 35 УК РФ явно обнаруживается нарушение этих правил: отсутствуют единство основания и непрерывность деления. Таким образом, все предлагаемые авторами подходы к интерпретации ст. 35 УК РФ уязвимы.

Полагаем, что трактовать ст. 35 УК РФ необходимо следующим образом. В ч. 1 (группа лиц) и ч. 2 (группа лиц по предварительному сговору) статьи закреплён результат дихотомического деления понятия группы⁷. Критерием такого деления является наличие (отсутствие) предварительного сговора. Затем понятие «группа лиц по предварительному сговору» постепенно ограничивается, вследствие чего возникает понятие «организованная группа». Далее законодатель производит его «огранку», и в результате образуется предусмотренное ч. 4 ст. 35 УК РФ понятие «преступное со-

¹ См., например: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2009. С. 218; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. С. 426.

² Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью: моногр. Красноярск, 1999. С. 23–24.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013. С. 106.

⁴ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2008. С. 89; Быков В. Виды преступных групп: проблемы разграничения // Уголовное право. 2005. № 2. С. 18.

⁵ Савельев Д. В. Преступная группа: вопросы уголовно-правовой интерпретации и ответственности: моногр. Екатеринбург, 2002. С. 80.

⁶ Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 220.

⁷ Здесь и далее с известной долей условности под группой мы будем понимать «объединение двух или более лиц, умышленно, совместно и согласованно друг с другом непосредственно воздействующих на объект уголовно-правовой охраны, полностью или частично выполняющих объективную сторону состава единого умышленного преступления» (Ананьин А. Ф., Новоселов Г. П. Понятие преступной группы и ее уголовно-правовое значение // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1981. С. 107).

общество (преступная организация)». Таким образом, понятие «группа лиц по предварительному сговору» является родовым по отношению к понятиям организованной группы и преступной организации, а понятие «организованная группа» в свою очередь выступает родовым по отношению к понятию преступного сообщества.

Итак, наличие сговора на совершение преступления – единственный критерий деления понятий «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору». При этом такой сговор может быть выражен в любой форме, но всегда должен состояться до совершения преступления. Даже если лица договорились о совершении преступления за секунду до его начала, следует констатировать наличие группы лиц по предварительному сговору.

Гораздо сложнее определить, по каким критериям происходит ограничение понятия группы лиц по предварительному сговору и чем каждая последующая группа отличается от предыдущей. Отличительным признаком организованной группы служит ее устойчивость. Иными словами, если некоторая группа заранее сговорившихся лиц характеризуется устойчивостью, то она в силу уголовного законодательства признается организованной. Однако сказанное не снимает поставленного вопроса, так как признак устойчивости является оценочным и может интерпретироваться достаточно широко. В теории уголовного права его толкуют с помощью множества других, частных, факультативных, признаков, отмечая, что требуется установление не всех из них, а большинства¹. Такое решение кажется не совсем верным. Во-первых, неясно, что означает большинство, если учесть, что разные авторы выделяют разные обстоятельства, свидетельствующие об устойчивости. Во-вторых, возникает весьма странная ситуация: организованной может признаваться группа, обладающая одним набором признаков, и группа, имеющая совершенно иной набор признаков. Полагаем, что все же понятие «устойчивость» предполагает конечное число раскрывающих его признаков, при наличии которых группа может считаться устойчивой и, следовательно, организованной.

В юридической литературе и на практике выделяется множество обстоятельств, свидетельствующих об устойчивости группы². Обобщая их, обозначим следующие наиболее важные, на наш взгляд, атрибуты устойчивости: наличие организатора, стабильность состава группы, согласованность действий соучастников, распределение между ними ролей, планирование и тщательная подготовка преступления. Выделение первого признака обосновывается тем, что организованная группа представляет собой организационную систему, требующую наличия механизмов управления. Второй тесно связан с первым, так как эффективное управление возможно только при стабильном состоянии системы. Оставшиеся три атрибута характеризуют организованность группы в целом. Только при наличии всех пяти признаков можно говорить об устойчивости группы.

Видовым признаком преступной организации, по нашему мнению, является наличие в составе организованной группы структурных подразделений. Дело в том, что согласно теории управления такая организационная система, как организованная группа³, вмещает лимитированное число подчиненных, которыми можно не-

¹ Быков В. Указ. соч. С. 21.

² См., например: Бессонов А. А. Организованная группа как субъект уголовно-правовой ответственности // Уголовный процесс. 2008. № 6; Теплова Д. О. Устойчивость как доминантный признак организованной группы, совершающей мошенничества: анализ судебной практики // Рос. судья. 2013. № 7; О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // URL: http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=7236.

³ См., например: Кунц Г., О'Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: в 2 т. / общ. ред. и предисл. Д. М. Гвишиани. М., 1981. Т. 1. С. 403.

посредственно руководить. Только деление группы на структурные подразделения предоставляет возможность ее неограниченного расширения и сохранения при этом ее эффективности. В результате распределения участников по структурным подразделениям и поручения им разных видов работ организованная группа преобразуется в преступную организацию. При установлении наличия структурных подразделений, а также выявлении нацеленности группы на совершение тяжких и особо тяжких преступлений для получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды речь необходимо вести о преступном сообществе.

Приведенное нами толкование ст. 35 УК РФ может использоваться для квалификации действий двух и более лиц, образующих преступную группу¹. В первую очередь правоприменителю нужно установить наличие предварительного сговора. Если таковой не обнаружен, то данное объединение признается группой лиц. Если между участниками имел место предварительный сговор, следует рассмотреть вопрос о наличии признака устойчивости группы. При его отсутствии действия виновных квалифицируются как совершенные в составе группы лиц по предварительному сговору. При установлении признака устойчивости группы можно констатировать факт существования организованной группы. В данном случае необходимо проверить, есть ли в ее составе структурные подразделения. Наличие последних наряду с направленностью группы на совершение тяжких и особо тяжких преступлений для получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды позволяет безусловно признать данное объединение преступной организацией. При отсутствии структурных подразделений в группе, а равно специальной цели ее создания действия виновных нужно квалифицировать как совершенные организованной группой.

Итак, предложенный нами подход к толкованию ст. 35 УК РФ отличается логичностью и может служить хорошей методологической базой для безошибочной квалификации правоохранительными органами действий участников преступных формирований.

Библиография

Ананьин А. Ф., Новоселов Г. П. Понятие преступной группы и ее уголовно-правовое значение // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1981.

Бессонов А. А. Организованная группа как субъект уголовно-правовой ответственности // Уголовный процесс. 2008. № 6.

Быков В. Виды преступных групп: проблемы разграничения // Уголовное право. 2005. № 2.

Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: моногр. Екатеринбург, 1999.

Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Общая часть: учеб. для академического бакалавриата. М., 2015.

Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., испр., доп. и перераб. / под ред. А. И. Чучаева. М., 2010.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013.

¹ Подобная схема квалификации описана в учебнике И. Я. Козаченко и Г. П. Новоселова, что свидетельствует о схожести нашего подхода к толкованию ст. 35 УК РФ с тем, что предложен авторами (Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Общая часть: учеб. для академического бакалавриата. М., 2015. С. 229–231).

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2013.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2008.

Кунц Г., О'Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: в 2 т. / общ. ред. и предисл. Д. М. Гвишиани. М., 1981. Т. 1.

О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7236.

Савельев Д. В. Преступная группа: вопросы уголовно-правовой интерпретации и ответственности: моногр. Екатеринбург, 2002.

Теплова Д. О. Устойчивость как доминантный признак организованной группы, совершающей мошенничества: анализ судебной практики // Рос. судья. 2013. № 7.

Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2009.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012.

Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью: моногр. Красноярск, 1999.

Bibliography

Anan'in A. F., Novoselov G. P. Ponyatie prestupnoy gruppy i ee ugovolno-pravovoe znachenie // Ugolovnyj zakon i sovershenstvovanie mer bor'by s prestupnost'yu: mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1981.

Bessonov A. A. Organizovannaya gruppya kak sub'ekt ugovolno-pravovoj otvetstvennosti // Ugolovnyj process. 2008. № 6.

Bykov V. Vidy prestupnykh grupp: problemy razgranicheniya // Ugolovnoe pravo. 2005. № 2.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., испр., доп. и перераб. / под ред. А. И. Чучаева. М., 2010.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А. В. Брилиантова. М., 2015.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2013.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2013.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2008.

Kovalev M. I. Souchastie v prestuplenii: monogr. Ekaterinburg, 1999.

Kozachenko I. Ya., Novoselov G. P. Ugolovnoe pravo. Obshhaya chast': ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata. M., 2015.

Kozlov A. P. Souchastie: tradicii i real'nost'. SPb., 2001.

Kunc G., O'Donnel S. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: в 2 т. / общ. ред. и предисл. Д. М. Гвишиани. М., 1981. Т. 1.

О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7236.

Savel'ev D. V. Prestupnaya gruppya: voprosy ugovolno-pravovoj interpretacii i otvetstvennosti: monogr. Ekaterinburg, 2002.

Shesler A. V. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s gruppovoj prestupnost'yu: monogr. Krasnoyarsk, 1999.

Теплова Д. О. Устойчивость как доминантный признак организованной группы, совершающей мошенничества: анализ судебной практики // Рос. судья. 2013. № 7.

Уголовное право России. Общечаст' / под ред. А. И. Рарога. М., 2009.

Уголовное право Российской Федерации. Общечаст': учеб. дlya вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012.

**СБОРНИК ЮНСИТРАЛ ПО ПРЕЦЕДЕНТНОМУ ПРАВУ,
КАСАЮЩЕМУСЯ КОНВЕНЦИИ ООН
О МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ ТОВАРОВ 2008 г.:
ОБЗОР И КОММЕНТАРИИ****Беляева Анастасия Николаевна**

Аспирант Института философии и права
Сибирского отделения РАН (Новосибирск),
e-mail: megadelicious@yandex.ru

Приводится обзор Сборника по прецедентному праву, касающемуся Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров, выпущенного Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 2008 г. В нем собрана и обобщена обширная база судебных решений, основанных на применении Конвенции. Сборник имеет большое значение для единообразного толкования и применения Конвенции. Автор фокусирует внимание на тех ее положениях, которые встречаются в судебных решениях наиболее часто либо неоднозначно толкуются судами.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи товаров, существенное нарушение договора, средства правовой защиты в случае нарушения договора, освобождающие от ответственности обстоятельства

**THE UNCITRAL DIGEST OF CASE LAW
ON THE UNITED NATIONS CONVENTION
ON THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS OF 2008:
A REVIEW AND COMMENTS****Belyaeva Anastasia**

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk),
e-mail: megadelicious@yandex.ru

The article provides a review of the Digest of Case Law on the United Nations Convention on the International Sale of Goods released by the UN Commission on International Trade Law (UNCITRAL) in 2008. This Digest covers an extensive database of judicial decisions based on implementation of the Convention. It could be useful in unifying the interpretation and application of the Convention. The author focuses on those provisions of the Convention which are most often found in judicial decisions or ambiguously interpreted by courts.

Key words: contract for the international sale of goods, material breach of contract, remedies for breach of contract, exempting circumstances

Договор международной купли-продажи товаров является наиболее распространенным видом внешнеэкономических сделок. Как известно, при регулировании внешнеэкономических сделок в международном частном праве используются два метода: материально-правовой и коллизионный. Материально-правовой метод состоит в непосредственном применении к договору норм права, предназначенных для регулирования таких отношений. Это нормы главным образом международного происхождения. Так, в 1980 г. в Вене для унификации правил международной торговли была

принята Конвенция о договорах купли-продажи товаров¹, разработанная Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Участницей Конвенции является и Россия. Если в соответствии с нормами о применимости Конвенции сделка регулируется ее положениями, последние обязательны для сторон.

ЮНСИТРАЛ не раз подчеркивала, что необходимо обеспечить единообразие применения норм Конвенции. С этой целью в 1988 г. Комиссия приняла решение о создании системы сбора и распространения судебных и арбитражных решений, касающихся правовых текстов ЮНСИТРАЛ (конвенций и типовых законов). Данная система получила название «Прецедентное право текстов ЮНСИТРАЛ» – ППТЮ (*Case Law on UNCITRAL Texts – CLOUT*). На национальном уровне функционирование системы поддерживают национальные корреспонденты, назначаемые правительствами стран. В России таким национальным корреспондентом является А. С. Комаров.

По числу представленных судебных решений лидируют Германия (218), Канада (160), Швейцария (100), Испания (108), США (112), Гонконг (94), Россия (92), Китай (88).

Первый Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров, увидел свет в 2004 г. Тогда насчитывалось 63 государства-участника Конвенции. За четыре года их число увеличилось до 70. Для подготовки второго Сборника² было проанализировано свыше тысячи судебных решений. Таким образом, его изучение позволяет оценить, насколько единообразно суды толкуют те или иные нормы Конвенции.

Сборник открывается кратким обзором структуры Конвенции, которая состоит из преамбулы и четырех частей. Первая часть (ст. 1–13) регламентирует сферу применения Конвенции и включает общие положения, вторая (ст. 14–24) посвящена вопросам заключения договора международной купли-продажи, в третьей (ст. 25–88) закреплены материально-правовые нормы, регулирующие содержание договора международной купли-продажи (общие положения, обязательства продавца, обязательства покупателя, переход риска, положения, общие для обязательств продавца и покупателя), четвертая часть (ст. 89–101) содержит заключительные положения. Структура Сборника повторяет структуру Конвенции.

Охарактеризуем нормы Конвенции, представляющие наибольший интерес с точки зрения их применения и толкования судами.

Преамбула, в которой названы цели и направления Конвенции, используется судами для доказательства того, что нормы Конвенции обладают приоритетом перед нормами национального права.

К статьям первой части суды часто прибегают для обоснования применимости Конвенции. Так, ст. 1 устанавливает приоритет Конвенции перед нормами международного частного права (прежде чем обращаться к последним, суды должны определить, применяется ли Конвенция), а также указывает, какие договоры регулируются Конвенцией. В первую очередь это договор купли-продажи товаров. Под товаром, по мнению большинства судов, следует понимать предметы, которые на момент поставки являются движимыми и осязаемыми. Договор купли-продажи признается

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) (вместе со Статутом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) // Вестн. ВАС РФ. 1994. № 2.

² Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 2008 г.) // URL: http://www.uncitral.org/pdf/russian/clout/Second_edition_russian.pdf.

международным, если на момент его заключения коммерческие предприятия сторон находились в разных государствах. Исходя из судебной практики можно констатировать, что коммерческое предприятие – это место, где де-факто осуществляется коммерческая деятельность.

Конвенция применяется непосредственно (самостоятельно), если государства, в которых расположены коммерческие предприятия сторон, являются договаривающимися государствами либо если нормы международного частного права страны суда предусматривают применение права договаривающегося государства.

В ст. 2 перечислены случаи купли-продажи, которые исключены из сферы применения Конвенции. Это, в частности, приобретение товаров для личных, а не коммерческих (профессиональных) целей, продажа товаров с аукционов, в порядке исполнительного производства, продажа фондовых бумаг, судов водного и воздушного транспорта, а также судов на водной подушке, электроэнергии.

Статья 4 определяет соотношение материального и коллизионного регулирования договоров международной купли-продажи путем перечисления вопросов, которые регламентирует Конвенция (заключение договора, права и обязательства сторон), и вопросы, которых она не касается (действительность договора или отдельных его положений или любого обычая, последствий, которые может иметь договор в отношении права собственности на товар). В Сборнике на основе судебной практики приводятся и другие вопросы, не затрагиваемые Конвенцией, а именно: действительность условия о выборе суда, действительность условия о штрафной санкции, действительность соглашения об урегулировании, уступка дебиторской задолженности, уступка договора, взаимозачет (по крайней мере, в случае, когда не вся дебиторская задолженность возникает из договоров, регулируемых Конвенцией), срок исковой давности, вопрос о том, обладает ли суд юрисдикцией, и любой другой вопрос процессуального права, принятие долгов, признание долгов, последствия договора для третьих лиц, а также вопрос о том, несет ли лицо совместную ответственность. Статья 5 исключает из сферы применения Конвенции также вопрос об ответственности за причиненные товаром вред здоровью либо смерть лица.

В силу ст. 6 стороны могут исключить применение Конвенции полностью либо в части. Как следует из судебных решений, намерение сторон исключить применение Конвенции должно быть ясно выражено. Следует отметить, что одни суды признают возможность подразумеваемого исключения применения Конвенции, другие – отказывают сторонам в такой возможности на том основании, что в Конвенции она прямо не предусмотрена.

В ст. 7 освещены вопросы толкования Конвенции. Исходя из судебной практики можно сделать вывод о том, что в силу международного характера Конвенции судам надлежит толковать ее не на основе норм внутреннего права, а самостоятельно, при этом допустимо учитывать историю ее разработки, а также ссылаться на некоторые международные научные труды. Кроме того, в целях обеспечения единообразия применения Конвенции судам следует принимать во внимание решения других судов по аналогичным вопросам. Конвенция должна толковаться в соответствии с принципом добросовестности, который реализован в ее нормах. Пробелы Конвенции восполняются посредством обращения и к другим ее принципам, которые можно вывести из судебной практики, обобщенной в Сборнике. Речь, в частности, идет о принципах автономии воли, лишения права возражения, принципах, касающихся

места исполнения денежных обязательств, валюты платежа, бремени доказывания, принципах полной компенсации, свободы выбора формы договора, *favor contractus* (согласно этому принципу нужно применять подходы, обеспечивающие сохранение силы договора, а не ее утрату) и др. Суды также используют Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и Принципы европейского договорного права.

Статья 8 касается толкования заявления или иного поведения сторон, если они относятся к вопросу, регулируемому Конвенцией. Суды пытаются установить в первую очередь субъективное намерение стороны (субъективное толкование); при невозможности сделать это «заявление либо иное поведение стороны должны толковаться в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона при аналогичных обстоятельствах» (разумное толкование)¹.

Статья 9 регламентирует вопрос о применимости обычая, относительно которого договорились стороны, и практики, которую они установили в своих взаимоотношениях, а также обычаев, применение которых к договору подразумевалось сторонами. Вместе с тем поскольку Конвенция не затрагивает вопроса о действительности обычаев, он регулируется нормами внутреннего права. По мнению судов, стороны могут быть связаны как международными, так и местными обычаями, при этом не обязательно, чтобы обычаи были широко известными. А практика считается установленной, если продолжается какое-то время и упоминается в нескольких договорах. Обычаи, применение которых к договору подразумевалось сторонами, должны, по мнению судов, отвечать следующим критериям: обычай известен сторонам, а также широко известен и постоянно соблюдается в международной торговле. Обычай считается известным сторонам, если они имеют коммерческие предприятия в том географическом районе, где установлен этот обычай, либо на протяжении длительного времени занимаются торговлей в этом районе. Однако если сторона, принявшая на себя бремя доказывания, не в состоянии нести его, обычай, на который ссылаются, лишается обязательной силы.

Согласно ст. 10 если сторона имеет более одного коммерческого предприятия, то ее коммерческим предприятием считается то, которое обладает наиболее тесной связью с договором и его исполнением. Если у стороны нет коммерческого предприятия, принимается во внимание ее постоянное местожительство. Суды обращаются к данной статье при установлении применимости Конвенции к договору.

Статья 11 закрепляет принцип свободы выбора формы договора. Иными словами, договор необязательно заключать в письменной форме.

Статья 14 содержит условия, при которых предложение о заключении договора считается офертой. Это товар, количество и цена. Суды признают надлежащим условием указание количества и цены товара, в том числе приблизительных, а также заданных числовым промежутком. Прямое требование о том, чтобы в предложение была включена информация о качестве товара, в Конвенции отсутствует, однако если стороны не могут договориться о качестве заказанного товара, договор считается незаключенным.

¹ Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 2008 г.). С. 34.

Статья 18, в которой регламентируется акцепт оферты, применяется судами не только к офертам о заключении договора, но и к акцептам встречных оферт, предложениям изменить и прекратить договор.

Статья 24 определяет момент, когда сообщение считается полученным другой стороной. Так, устное сообщение признается полученным адресатом, когда оно передано ему лично. Другое сообщение считается полученным, когда оно доставлено лично, на коммерческое предприятие, по почтовому адресу, по привычному месту пребывания. При этом, как указывают суды, сообщение, доставленное по соответствующему адресу, расценивается как действительное, даже если адресат сменил адрес. Следует помнить, что правила ст. 24 применяются к сообщениям, отправленным до или в момент заключения договора. В отношении сообщений, отправленных после заключения договора, действует ст. 27.

Статья 25 содержит нормы о существенном нарушении договора. В качестве такового суды в разных случаях признавали полное невыполнение одного из основных договорных обязательств (окончательная непоставка товара, окончательный неплатеж). Просрочка исполнения обязательств представляет собой существенное нарушение договора, только если срок, необходимый для исполнения обязательства, имеет значение. Поставка дефектного товара признается судами существенным нарушением договора, если дефект является серьезным и неисправимым.

Статья 38 устанавливает обязанность покупателя осмотреть товар или обеспечить его осмотр в максимально короткий срок. Время на осмотр товара тесно связано со временем, необходимым покупателю, чтобы обнаружить несоответствие товара, – событие, с которого начинается отсчет времени, в течение которого покупатель обязан направить извещение о несоответствии товара (ст. 39). В связи с этим невыполнение обязательства осмотреть товар может иметь серьезные последствия: если покупатель не обнаружит факт несоответствия товара в силу того, что он не произвел надлежащий и своевременный осмотр, и если в результате он не направит извещение, то он лишится средств правовой защиты, предоставляемых Конвенцией в случае несоответствия товара.

В ряде судебных решений указано, что цель требования, закрепленного в ст. 39, заключается в том, чтобы способствовать скорейшему выяснению факта нарушения обязательства. Отмечается также, что извещение продавца о несоответствии товара требуется для того, чтобы продавец мог получить необходимую информацию о претензии покупателя и решить, как действовать в дальнейшем, а точнее – для того, чтобы помочь продавцу устранить дефекты его товара. В одном из решений говорится, что единственная цель этого положения – ускорить урегулирование споров и дать возможность продавцу защитить себя. В другом указано, что оно ограждает продавца от необоснованных претензий покупателя. Требование о направлении извещения также связывается с обязательством покупателя действовать добросовестно.

Срок, в течение которого покупатель должен направить извещение о несоответствии товара, по мнению судов, должен меняться в зависимости от обстоятельств дела, например от того, легко ли обнаружить дефект или он очевиден, является ли товар скоропортящимся или сезонным и пр. В среднем этот срок должен составлять от двух недель до одного месяца после поставки товара; крайний срок для подачи извещений (например, в случае скрытых дефектов) достигает двух лет. При этом одни суды включают в данный срок время, в течение которого покупатель должен осмотреть товар и обнаружить недостатки, другие – разделяют эти сроки.

Статья 40 освобождает покупателя от последствий несоблюдения требования ст. 38 и 39, если несоответствие товара связано с такими фактами, о которых продавец знал или не мог не знать. Несмотря на то что покупателю зачастую трудно доказать в суде факт осведомленности продавца о недостатках товара, суды применяют данную статью как воплощение общего принципа, лежащего в основе Конвенции, – принципа честной торговли. Ибо даже самый невнимательный покупатель заслуживает большей защиты, чем склонный к обману продавец.

Как показывает судебная практика, из всех средств правовой защиты, предоставленной покупателю Конвенцией (требование об исполнении продавцом своих обязательств, о замене товара, об исправлении недостатков, о снижении покупной цены), наибольшей популярностью пользуется требование о возмещении убытков.

Статья 49 предусматривает такое средство правовой защиты покупателя, как расторжение договора. Это крайняя мера (*ultima ratio*), о которой покупатель должен известить продавца. При этом начало производства по иску о расторжении договора расценивается некоторыми судами как извещение о его расторжении. Основаниями для расторжения договора выступают его существенное нарушение или непоставка товара в течение дополнительного срока, установленного покупателем. Нарушение признается существенным, когда сторона договора (продавец) обманула обоснованные ожидания покупателя в отношении товара. Решение вопроса о том, какие ожидания считаются обоснованными, зависит от конкретного договора и предусмотренного им распределения риска, обычаев и практики (если таковые существуют), которую стороны установили в своих взаимных отношениях, а также от дополнительных положений Конвенции.

Нарушение расценивается как существенное, только если совершившая его сторона могла предвидеть, что вследствие него ожидания другой стороны в отношении товара не оправдаются. К таким нарушениям относятся, в частности, окончательная непоставка товара продавцом, у которого не было причин для неисполнения обязательства; просрочка, если своевременное исполнение договора имело решающее значение. Непоставка товара в течение дополнительного срока, установленного покупателем, служит эквивалентом существенного нарушения договора. Сложнее всего определить, является ли существенным нарушением поставка дефектного товара. Суды приходят к выводу, что несоответствие в качестве признается простым, т. е. несущественным нарушением договора, когда покупатель без неудобств может использовать или перепродать товар, даже если перепродажа предполагает скидку. Существенным же нарушением договора выступает поставка дефектного товара, который не может быть использован или перепродан, а также поставка дефектного товара, необходимого покупателю для производства собственных продуктов.

Проблемы возникают, когда товар имеет дефект (пусть даже серьезный), который можно устранить. Некоторые суды признают, что несоответствие, которое легко может быть исправлено, не составляет существенного нарушения. Если продавец предлагает и осуществляет быстрое исправление или замену товара без причинения неудобства покупателю, суды могут прийти к выводу об отсутствии существенного нарушения. Это согласуется с нормами ст. 48 Конвенции, предусматривающей право продавца устранить недостаток. Вместе с тем если устранение дефекта отсрочивается или причиняет покупателю неудобство, нарушение квалифицируется как существенное.

Основные обязанности покупателя состоят в уплате цены за товар и принятии поставки товара (ст. 58). Суды настаивают на том, что непринятие покупателем мер, необходимых для осуществления платежа, есть нарушение договора и покупатель несет за него ответственность.

Продавец, как и покупатель, может заявить о расторжении договора в случае существенного нарушения его покупателем или неисполнения покупателем в течение дополнительного срока своего обязательства по уплате цены или принятию товара (ст. 64). В прецедентном праве приводится ряд примеров существенных нарушений договора покупателем: окончательное неисполнение обязательства по уплате цены, отказ открыть аккредитив, окончательный отказ принять поставку или возврат товара продавцу при отсутствии существенного нарушения со стороны последнего.

По общему правилу продавец, исполнивший обязательство по поставке товара или документов, более не несет риска утраты или повреждения. Бремя доказывания поставки товара возлагается на продавца, который предъявляет иск о взыскании цены за поставленный товар. Если поврежденный товар поставлен и существуют разногласия относительно того, когда было нанесено повреждение – до или после перехода риска утраты к покупателю, последний должен доказать, что повреждение произошло до перехода на него риска утраты.

В силу ст. 71 продавцу или покупателю предоставлено право приостановить исполнение обязательств по договору купли-продажи, если вероятность того, что сторона получит значительную часть встречного исполнения, обещанного другой стороной, слишком мала. На основании судебных решений можно заключить, что приостановление исполнения стороной договорных обязательств правомерно в следующих ситуациях: отказ продавца исполнить обязательства в отношении определенных элементов договора; неспособность продавца поставить товар свободным от ограничений, наложенных на поставщика продавца; неисполнение покупателем обязательства по уплате цены за товар; неуплата или просрочка уплаты цены по одному или нескольким прежним договорам купли-продажи; неисполнение покупателем обязательства по открытию юридически действительной банковской гарантии.

В то же время суд признает покупателя не имеющим права на приостановление исполнения своих обязательств в случае частичной поставки товара продавцом, предыдущих поставок товара несоответствующего качества. В нескольких решениях суд признал неубедительными доводы покупателя о том, что продавец не исполнил значительной части своих обязательств. Продавцу было отказано в праве приостановить исполнение своих обязательств, когда покупатель не уплатил покупной цены за две поставки; покупатель аннулировал платежное поручение банку. По мнению суда, приостановление также является неоправданным, если продавец не доказал, что покупатель будет не в состоянии принять поставку или уплатить цену за товар.

В ст. 72 установлено право продавца или покупателя расторгнуть договор, если даты исполнения становится ясно, что другая сторона совершит существенное нарушение. Данное право возникает при следующих условиях: покупатель не оплатил предыдущие отгрузки; покупатель не открыл аккредитив; продавец не снизил цену за несвоевременно поставленные модные товары и не обязался поставить следующую партию товара своевременно; продавец намеренно прекратил поставку товара. В то же время сторона не может расторгнуть договор на указанных основаниях, если: продавец удерживал товар из-за разногласий с покупателем; продавец выразил

заинтересованность в приостановке поставок, но при этом согласился продолжить переговоры; покупатель не оплатил одну партию товара.

Убытки, понесенные в связи с нарушением договора как продавцом, так и покупателем, исчисляются в соответствии со ст. 74, которая предусматривает возмещение всех убытков, в том числе упущенной выгоды. Однако возмещению подлежат только те убытки, которые нарушившая договор сторона предвидела или должна была предвидеть в момент заключения договора. Статья 74 не конкретизирует виды убытков. Исходя из судебной практики можно заключить, что данной статьей регламентируются убытки, возникающие в результате причинения ущерба другому имуществу, а также нематериальным интересам (например, деловой репутации); убытки, возникающие в результате изменения стоимости денег; разумные расходы, понесенные при подготовке или после заключения договора, который был нарушен. При этом суды неоднозначно решают вопрос о том, можно ли взыскать в качестве возмещения убытков расходы, связанные с взиманием долга, в том числе расходы на услуги адвоката.

В ст. 78 закреплено право потерпевшей стороны на проценты с цены или иной суммы, в частности с суммы убытков (о чем свидетельствует судебная практика). Мнения судов о том, с какого момента начинают начисляться проценты, расходятся: некоторые заявляют, что проценты не начисляются, пока кредитор не направит официальное извещение с требованием платежа в адрес нарушившего обязательство должника; другие утверждают, что право на проценты не зависит от направления извещения и проценты начинают начисляться, как только должник просрочит платеж.

Проблемы вызывает определение процентной ставки. Одни суды (и их большинство) квалифицируют данный вопрос как не регулируемый Конвенцией и, следовательно, подчиняющийся внутреннему праву страны суда; другие – как вопрос, который должен решаться согласно ст. 7 в соответствии с общими принципами, на которых основана Конвенция. В судебных решениях, базирующихся на втором подходе, процентная ставка определяется исходя из общего принципа полной компенсации, что требует применения права страны кредитора, поскольку именно он должен замещать денежные средства. Некоторые суды просто ссылаются на такую коммерчески обоснованную ставку, как ставка предложения на Лондонском межбанковском рынке депозитов (ЛИБОР).

Как показывает судебная практика, стороны часто обращаются к ст. 79, предусматривающей освобождение стороны от ответственности за неисполнение ею обязательств при наличии определенных обстоятельств (форс-мажорные обстоятельства, экономическая невозможность, крайняя затруднительность и др.). Однако суды редко находят возможным освободить сторону от ответственности. Они, как правило, исходят из того, что при применении ст. 79 следует сосредоточиться на оценке риска, который брала на себя претендующая на освобождение от ответственности сторона, когда заключала договор. Иными словами, важно выяснить, взяла ли на себя эта сторона риск наступления того события, которое стало причиной неисполнения ею обязательств.

В судебных решениях приводятся следующие обстоятельства, препятствующие исполнению стороной обязательства: отказ государственных должностных лиц разрешить ввоз товара в страну покупателя (признается основанием для освобождения покупателя, который оплатил товар, от ответственности за убытки в результате не-

принятия поставки); изготовление дефектного товара поставщиком продавца (признается основанием для освобождения продавца от ответственности за убытки в результате поставки несоответствующего товара, если не представлены доказательства недобросовестных действий продавца); несоблюдение перевозчиком условия о своевременной поставке товара (признается альтернативным основанием освобождения продавца от ответственности за убытки, причиненные в результате просрочки в поставке, при условии, что продавец исполнил свое обязательство по обеспечению перевозки и передаче товара перевозчику); поставка продавцом несоответствующего товара (признается основанием для освобождения покупателя от ответственности за просрочку уплаты цены товара) и др.

Наконец, четвертая часть Конвенции (напомним) содержит заключительные положения, которые относятся к сфере международного публичного права и адресованы договаривающимся государствам или государствам, которые в дальнейшем могут ими стать. Данные положения в судебных решениях не фигурируют.

Таким образом, приведенный краткий обзор Сборника ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров, показывает, что суды, рассматривающие дела, которые требуют обращения к нормам Конвенции, постепенно вырабатывают единообразный подход к ее толкованию и применению, несмотря на то что по отдельным вопросам их мнения расходятся. Формирование единообразной судебной практики способствует большей стабильности и прогнозируемости при разрешении споров, позволяет сторонам лучше осознавать свои права и обязанности, а следовательно, более грамотно и добросовестно подходить к исполнению обязательств по договору международной купли-продажи товаров. В связи с этим трудно переоценить значение периодического опубликования Комиссией ООН по праву международной торговли сборников по прецедентному праву. Обращение к Сборнику 2008 г. помогает сторонам спора правильно формулировать как иски, так и правовую позицию, с тем чтобы иметь максимальные шансы на успешное разрешение дела в суде.

Библиография

Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) (вместе со Статутом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) // Вестн. ВАС РФ. 1994. № 2.

Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 2008 г.) // URL: http://www.uncitral.org/pdf/russian/clout/Second_edition_russian.pdf.

Bibliography

Konvenciya Organizacii Ob"edinennykh Nacij o dogovorax mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov (Vena, 1980 g.) (vmeste so Statusom Konvencii Organizacii Ob"edinennykh Nacij o dogovorax mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov (Vena, 1980 g.) // Vestn. VAS RF. 1994. № 2.

Sbornik YuNSITRAL po precedentnomu pravu, kasayushhemusya Konvencii Organizacii Ob"edinennykh Nacij o mezhdunarodnoj kuple-prodazhe tovarov (N'yu-Jork, 2008 g.) // URL: http://www.uncitral.org/pdf/russian/clout/Second_edition_russian.pdf.

О ПОНЯТИИ ТРУДОПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ

Мрих Александр Сергеевич

Аспирант кафедры трудового права

Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),

e-mail: mrih@mail.ru

Автор утверждает, что существует международная практика по созданию «интегрированного» правового регулирования трудовых отношений. Отмечается, что в международных договорах и литературе отсутствует единообразие в использовании терминов, описывающих процесс сближения правовых систем. Автор пытается разграничить термины «сближение», «гармонизация», «унификация», «интеграция» права. Предлагается определение понятия трудовой правовой интеграции государств.

Ключевые слова: глобализация, сближение права, гармонизация права, унификация права, трудовая правовая интеграция

ON THE CONCEPT OF LABOUR LAW INTEGRATION

Mrikh Alexander

Urals State Law University (Yekaterinburg),

e-mail: mrih@mail.ru

The author points out that an international practice of making «integrated» legal regulation exists. It is noted that, in literature and international treaties, there is no uniformity in using terms describing the process of approximation of legal systems. The author attempts to distinguish the concepts of approximation, harmonization, unification, and integration of law. He also proposes a definition of labour law integration.

Key words: globalization, approximation of law, harmonization of law, unification of law, labor law integration

В качестве исходной посылки мы используем следующее суждение: в международных отношениях существует практика, в рамках которой государства, участвующие в экономической интеграции и создавшие единый рынок труда на своих территориях, совершают некоторые действия, направленные на достижение качественного сходства в регулировании трудовых отношений. Можно ли назвать эту практику трудовой правовой интеграцией государств и насколько обоснованно введение этого понятия в понятийный аппарат науки трудового права?

Доказательством истинности исходной посылки являются тексты посвященных экономической интеграции международных договоров, большинство из которых содержат положения о сближении, гармонизации или унификации законодательства¹.

¹ Подробнее см.: Договор стран СНГ о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г. (ст. 26), Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь о Таможенном союзе от 6 января 1995 г. (ст. 1, 2, 5), Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности от 20 января 1995 г. (ст. 4, 5, 6), Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. (гл. V), Договор между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. (ст. 2), Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. (ст. 7), Декларация о евра-

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо разграничить понятия сближения, гармонизации и унификации законодательства, а также стандартизации и имплементации, единое понимание которых отсутствует как в практике, так и в отечественной и зарубежной литературе¹. Очевидно, что за большинством приведенных понятий (но не за всеми) скрывается одно и то же – взаимодействие государств, направленное на достижение качественного сходства в правовом регулировании однотипных общественных отношений. Вместе с тем имплементацию и стандартизацию следует трактовать как нечто другое.

Вопросы имплементации международно-правовых норм, в частности о труде, подробно изучены Э. М. Аметистовым. Под имплементацией норм международного права автор понимает поведение государств, направленное на осуществление целей международных норм и выражающееся в соответствующих их действиях или в воздержании от действий². Имплементация включает в себя две стадии: трансформацию международно-правовых норм в нормы национального права и их исполнение³. При этом вне зависимости от субъективной позиции государства трансформационный процесс объективно происходит посредством выражения окончательного согласия государства на обязательность для него международного договора (в форме ратификации и т. п.)⁴. Исполнение соответствующих положений международного договора либо вообще отсутствует (в том случае если международный договор является самоисполнимым⁵), либо выражается в издании национального закона, в котором эти положения детализируются и уточняются.

В п. 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» устанавливается, что «положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты». Эта норма свидетельствует о том, что российское законодательство восприняло концепцию деления договорных положений на самоисполнимые и несамоисполнимые.

Таким образом, имплементация является одним из этапов достижения качественного сходства в правовом регулировании государствами однотипных общественных

зийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г., Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ст. 2), Договор о функционировании Европейского союза от 25 марта 1957 г. (ст. 48, 54, 59, 69).

¹ Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. Л. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004. С. 78; *Ердомаев Г. Г.* Рецепция как форма взаимодействия международного права и конституционного права Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15. С. 76; *Богатырев В. В.* Глобализация позитивного права // Рос. следователь. 2008. № 19. С. 93; *Ковалькова Е. Ю.* К вопросу о сближении и гармонизации законодательств // Внешнеторговое право. 2011. № 2. С. 132; *Доронина Н. Г.* Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журн. рос. права. 1998. № 6. С. 152; *Маркова-Мурашова С. А.* Существование и взаимодействие правовых систем современности в условиях правовой конвергенции // Юрист-Правоведъ. 2005. № 1. С. 21, 22; *Маковский А. Л.* Международная унификация морского права // Международное частное морское право. Л., 1984. С. 35; *Goode R.* Reflections on the Harmonization of Commercial Law // Commercial and Consumer Law National and International Dimensions / ed. by R. Cranston, R. Goode. Oxford, 1993. P. 54–74.

² *Аметистов Э. М.* Факторы имплементации международных норм о труде (на примере международных норм о труде): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983. С. 7.

³ Там же. С. 218.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ См., например: *Осминин Б. И.* Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=13&art=3036>.

отношений путем реализации норм дву- или многостороннего международного договора или конвенции международной организации.

Стандартизация вообще не связана с государствами, а касается непосредственных участников международного коммерческого оборота, ее цель – признание за ними функций создателей определенных правил, предназначенных для регулирования гражданско-правовых договорных отношений¹.

Прежде чем приступить к анализу понятий сближения, гармонизации и унификации законодательства, нужно сделать уточнение: в теоретическом плане правильнее говорить о сближении, гармонизации и унификации правовых систем, а не законодательства. Это связано с тем, что качественного сходства в регулировании однотипных общественных отношений государства достигают не только и не столько путем изменения своего законодательства, сколько в результате заключения международных договоров. Вместе с тем международный договор, к примеру, Российской Федерации в силу ч. 4 ст. 15 ее Конституции является составной частью ее правовой системы, а не законодательства. Международный договор, содержащий нормы права, по своей правовой природе суть нормативный договор. Но нормативные договоры не входят в объем понятия законодательства в отечественной теории права, включающий в себя лишь систему нормативных правовых актов (законодательных и подзаконных).

Следует также прояснить значение понятия правовой системы. В литературе упоминаются узкая и широкая его трактовки. В узком значении правовая система – это «структурно и функционально упорядоченный массив взаимосвязанных нормативно-правовых актов, создаваемых и действующих на основе единых принципов»², т. е. позитивное право. В широком – «это все позитивное право, рассматриваемое в единстве с активными элементами правовой действительности – правовой идеологией и судебной (юридической) практикой»³.

Для целей настоящей статьи понятие правовой системы используется в узком значении, т. е. как совокупность действующих на основе единых принципов норм права, содержащихся в нормативных правовых актах и нормативных договорах государства.

Дихотомическое деление объема понятия сближения правовых систем по критерию достижения (недостижения) единообразия позволяет обозначить два вида сближения: направленное на единообразное правовое регулирование и направленное на сходное, но учитывающее национальные особенности правовое регулирование.

О. Н. Садиков отмечает, что с конца прошлого века вследствие наличия многочисленных и далеко не одинаковых национальных законов началась разработка правовых норм, которые после принятия их заинтересованными государствами заменили бы разнородные положения национального законодательства и устранили бы тем самым отмеченные трудности⁴. Так возникло *droit uniforme* – унифицированные материальные правила, непосредственно касающиеся международных отношений, а процесс их выработки был назван международной унификацией правового регу-

¹ Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М., 2004. С. 33.

² Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 33.

³ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 47.

⁴ Садиков О. Н. Унифицированные нормы в международном частном праве // Лунц Л. А., Марышева Н. И., Садиков О. Н. Международное частное право. М., 1984. С. 39.

лирования¹. Следовательно, сближение правовых систем, направленное на единообразное правовое регулирование, следует именовать унификацией правовых систем.

Н. Г. Доронина предлагает рассматривать унификацию права как движение к гармоничному взаимодействию различных правовых систем или как взаимодействие национально-правовых систем, уже достигшее определенной степени гармонии². Соответственно сближение правовых систем, направленное на достижение сходного, гармоничного, но не единообразного правового регулирования, закономерно называть гармонизацией правовых систем.

Таким образом, понятие сближения правовых систем является родовым по отношению к понятиям гармонизации и унификации правовых систем.

Сегодня широко обсуждается вопрос о методах сближения правовых систем, т. е. о том, как оно достигается³. Можно привести пять таких методов.

1. Рецепция, т. е. принятие отдельными государствами нормативных актов на основе учета законодательства других государств или путем заимствования законодательных конструкций из законодательства других государств.

2. Принятие отдельными государствами нормативных актов, воспроизводящих положения какой-либо конвенции без ее ратификации. Как отмечал Н. Вальтикос, «нормы, содержащиеся в конвенциях, представляют собой в некотором роде справочный материал, к которому обычно обращаются государства, и эти нормы в определенной мере играют в социальной области роль общего международного права (*droit commun nationale*)»⁴. Этот метод сближения правовых систем также упоминал С. Н. Лебедев⁵.

Примером здесь служит воспроизведение в российском законодательстве положений Европейской социальной хартии задолго до ее ратификации⁶.

Аналогично происходит сближение правовых систем посредством воспроизведения в национальном законодательстве положений модельного акта.

3. Кодификация законодательства. Это деятельность компетентных государственных органов по переработке несистематизированного правового массива и созданию новых нормативных правовых актов, содержащих взаимосвязанные нормы. Естественно, такой процесс осуществляется не в «безвоздушном» юридическом пространстве, происходит взаимовлияние и взаимообогащение правовых культур и систем.

Следует согласиться с А. Л. Маковским, который считает, что «создание в разных государствах единообразных правовых норм в результате влияния различных право-

¹ *Lalive P. Tendances et methodes en droit international prive (cours general) // Recueil de cours. 1977-II. Vol. 155. P. 48.*

² *Доронина Н. Г. Указ. соч. С. 43.*

³ *Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1: Основы / пер. с нем. М., 2000; David R. The Methods of Unification // American Journal of Comparative Law. 1968. Vol. 16. P. 13–27; Pilotti M. Les Methodes de l'Unification. Rapport general // Actes du Congres international de droit prive, tenu a Rome en juillet. Rome, 1950. P. 336–338.*

⁴ *Valticos N. Droit International du travail. P., 2001. P. 136.*

⁵ *Лебедев С. Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей: тр. кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД. М., 1979. С. 28.*

⁶ *Кашкин С. Ю. и др. Право Европейского союза: учеб. пособие. М., 2008. С. 145.*

вых систем друг на друга» является сближением без использования международно-правовых средств¹.

4. Имплементация актов международных организаций. Речь идет, например, об имплементации государствами-участниками Европейского союза принимаемых органами ЕС директив, посвященных регулированию трудовых отношений.

Частным случаем сближения правовых систем, достигаемого с помощью указанного метода, является ратификация конвенций МОТ. Дело в том, что конвенции МОТ нельзя относить к классическим международным договорам. Последними называются соглашения между двумя или более государствами, которые в силу своего суверенитета способны придать международному праву обязательный характер². Двусторонние международные договоры в сфере труда, предусматривающие сближение правовых систем, принимаются, как правило, по отдельным вопросам, касающимся сотрудничества государств, например по вопросам трудовой миграции³. Конвенции МОТ в свою очередь – это международные договоры, заключаемые в рамках международных организаций⁴. Они принимаются на Международной конференции труда и вступают в силу через год после того, как ее ратифицирует необходимое количество членов Конвенции.

Однако, как справедливо указывает Н. Л. Лютов, если два государства ратифицировали конвенцию МОТ и она после этого вступила в силу, это не означает, что данная конвенция – двусторонний договор между этими государствами⁵. В каждом случае сближение правовых систем государств достигается за счет односторонних действий того или иного государства, выражающихся в самостоятельном выборе конвенции и ее ратификации.

5. Заключение международного договора. С. Н. Лебедев называет сближение правовых систем конвенционным путем одним из наиболее распространенных в международной практике способов сближения; при этом выделяются две его основные формы: инкорпорация соответствующих правил в текст интегральной конвенции (*convention integrale*) и изложение их в виде единообразного закона (*loi uniforme*), составляющего приложение к конвенции⁶.

При использовании первой формы договаривающиеся государства обязуются применять правила, сформулированные в соответствующих статьях конвенции, при использовании второй – ввести в действие на своих территориях принятый на основе международной конвенции и составляющий приложение к ней единообразный закон. Вместе с тем, как отмечает Р. Давид, важно различать традиционные положения, касающиеся обязательств государств, и единообразные предписания, затрагивающие

¹ Маковский А. Л. Указ. соч. С. 35.

² Лукашук И. И. Суверенная власть государства в механизме международно-правового регулирования // Сов. ежегодник международного права. М., 1979. С. 127–144.

³ См., например: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации от 4 июля 2007 г. // СЗ РФ. 2009. № 46. Ст. 5422.

⁴ При этом важно разделять международные договоры, принимаемые в рамках международных организаций, и международные договоры с участием международных организаций. Подробнее см.: Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2009. С. 91–98.

⁵ Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 77.

⁶ Лебедев С. Н. Указ. соч. С. 25.

непосредственно частных лиц и содержащиеся в единообразном акте, который является приложением к конвенции¹.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что сближение правовых систем давно известно международной практике. Как метко подметил Э. Рабель, «здоровое национальное право развивается, как нормальный человек, только в совместной социальной жизни со своими товарищами»². Р. Давид писал, что трудовое право и право социального обеспечения разных стран «имеют сходство в многочисленных законодательных тенденциях, совпадение не только в крупных вопросах, но и в юридических частностях. В течение двадцати, десяти лет и даже в более сжатые сроки реформа, проведенная в какой-либо стране и доказавшая свою целесообразность, повторялась в других странах с некоторыми модификациями, отражающими специфические условия этих стран или направленными на ликвидацию пробелов и недостатков первого законодательного решения»³.

Большую роль в сближении национальных правовых систем сыграла деятельность различных международных организаций, в частности деятельность МОТ по созданию и продвижению Международных трудовых стандартов.

Отсюда вопрос: если стремящиеся к экономической интеграции государства-участники международных организаций, формируя единое экономическое пространство⁴, занимаются, по сути, сближением правовых систем, то зачем вводить в науку трудового права новое понятие трудовправовой интеграции государств? Дело в том, что трудовправовая интеграция является видом сближения правовых систем, выделенным по иному критерию – цели. Ее цель – превенция «гонки на дно», «социального демпинга» и искажения условий конкуренции на общем рынке. Эта цель специфична, сложна и требует разработки поэтапной стратегии ее достижения. Следовательно, такой подход предполагает не только введение в науку трудового права нового понятия, но и создание концепции трудовправовой интеграции государств.

С учетом того что трудовправовая интеграция государств является видом сближения правовых систем, все изложенные выше существенные аспекты этого сближения справедливы и для нее. Внесем лишь некоторые уточнения.

Во-первых, будучи видом сближения правовых систем, выделенным по критерию цели, а не по критерию достижения (недостижения) единообразия, трудовправовая интеграция может быть направлена на достижение как схожего, так и единообразного правового регулирования.

Во-вторых, поскольку трудовправовая интеграция государств является составляющей единой социальной политики государств-участников общего рынка труда, она по определению может осуществляться только с помощью международных средств, т. е. с помощью заключения международных договоров и имплементации актов международных организаций, за счет чего и реализуется общая социальная политика.

¹ David R. Op. cit. P. 21.

² Рабель Э. Задачи и необходимость сравнительного правоведения / пер. с нем. под науч. ред. Б. М. Гонгало. Екатеринбург, 2000. С. 45.

³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 11.

⁴ Головина С. Ю., Кучина Ю. А., Перминов Ю. В. Сравнительно-правовой анализ трудовых кодексов государств-членов ЕврАзЭС: проект доклада // Проблемы и перспективы развития правового сотрудничества в рамках ШОС, ЕврАзЭС и партнерских отношений с ЕС: доклады исполнительного комитета к третьей сессии конгресса. Екатеринбург, 2009. С. 25.

Подводя итог, предложим определение понятия трудовправовой интеграцией государств: это осуществляемое путем заключения международных договоров или имплементации актов международных организаций взаимодействие государств-участников общего рынка, направленное на достижение схожего или единообразного регулирования трудовых отношений в целях предотвращения искажений условий конкуренции на общем рынке и недопущения ухудшения положения работников одних государств по сравнению с положением трудящихся других государств.

Библиография

- David R. The Methods of Unification // American Journal of Comparative Law. 1968. Vol. 16.
- Goode R. Reflections on the Harmonization of Commercial Law // Commercial and Consumer Law National and International Dimensions / ed. by R. Cranston, R. Goode. Oxford, 1993.
- Lalive P. Tendances et methodes en droit international prive (cours general) // Recueil de cours. 1977-II. Vol. 155.
- Pilotti M. Les Methodes de l'Unification. Rapport general // Actes du Congres international de droit prive, tenu a Rome en juillet. Rome, 1950.
- Valticos N. Droit International du travail. P., 2001.
- Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
- Аметистов Э. М. Факторы имплементации международных норм о труде (на примере международных норм о труде): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983.
- Богатырев В. В. Глобализация позитивного права // Рос. следователь. 2008. № 19.
- Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М., 2004.
- Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. Л. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004.
- Головина С. Ю., Кучина Ю. А., Перминов Ю. В. Сравнительно-правовой анализ трудовых кодексов государств-членов ЕврАзЭС: проект доклада // Проблемы и перспективы развития правового сотрудничества в рамках ШОС, ЕврАзЭС и партнерских отношений с ЕС: доклады исполнительного комитета к третьей сессии конгресса. Екатеринбург, 2009.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999.
- Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журн. рос. права. 1998. № 6.
- Ердомаев Г. Г. Рецепция как форма взаимодействия международного права и конституционного права Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15.
- Кашкин С. Ю. и др. Право Европейского союза: учеб. пособие. М., 2008.
- Ковалькова Е. Ю. К вопросу о сближении и гармонизации законодательств // Внешнеторговое право. 2011. № 2.
- Лебедев С. Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей: тр. кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД. М., 1979.
- Лукашук И. И. Суверенная власть государства в механизме международно-правового регулирования // Сов. ежегодник международного права. М., 1979.
- Люттов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
- Маковский А. Л. Международная унификация морского права // Международное частное морское право. Л., 1984.
- Маркова-Мурашова С. А. Существование и взаимодействие правовых систем современности в условиях правовой конвергенции // Юрист-Правоведъ. 2005. № 1.
- Осминин Б. И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=13&art=3036>.
- Рабель Э. Задачи и необходимость сравнительного правоведения / пер. с нем. под науч. ред. Б. М. Гонгало. Екатеринбург, 2000.

Садилов О. Н. Унифицированные нормы в международном частном праве // Луц Л. А., Марышева Н. И., Садилов О. Н. Международное частное право. М., 1984.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации от 4 июля 2007 г. // СЗ РФ. 2009. № 46. Ст. 5422.

Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества // Сов. государство и право. 1979. № 7.

Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2009.

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1: Основы / пер. с нем. М., 2000.

Bibliography

Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999.

Ametistov E. M. Faktory implementatsii mezhdunarodnykh norm o trude (na primere mezhdunarodnykh norm o trude): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1983.

Bogatyrev V. V. Globalizatsiya pozitivnogo prava // Ros. sledovatel'. 2008. № 19.

Cvajgert K., Kets X. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1: Osnovy / per. s nem. M., 2000.

David R. The Methods of Unification // American Journal of Comparative Law. 1968. Vol. 16.

David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. V. A. Tumanova. M., 1999.

Doronina N. G. Unifikatsiya i garmonizatsiya prava v usloviyakh mezhdunarodnoy integratsii // Zhurn. ros. prava. 1998. № 6.

Erdomaev G. G. Receptsiya kak forma vzaimodejstviya mezhdunarodnogo prava i konstitucionnogo prava Rossijskoj Federatsii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 15.

Globalizatsiya i razvitie zakonodatel'stva: ocherki / otv. red. Yu. L. Tixomirov, A. S. Pigolkin. M., 2004.

Golovina S. Yu., Kuchina Yu. A., Perminov Yu. V. Sravnitel'no-pravovoj analiz trudovykh kodeksov gosudarstv-chlenov EvrAzEhS: projekt doklada // Problemy i perspektivy razvitiya pravovogo sotrudnichestva v ramkax ShOS, EvrAzEhS i partnerskix otnoshenij s ES: doklady ispolnitel'nogo komiteta k tret'ej sessii kongressa. Ekaterinburg, 2009.

Goode R. Reflections on the Harmonization of Commercial Law // Commercial and Consumer Law National and International Dimensions / ed. by R. Cranston, R. Goode. Oxford, 1993.

Kashkin S. Yu. i dr. Pravo Evropejskogo soyuza: ucheb. posobie. M., 2008.

Koval'kova E. Yu. K voprosu o sblizhenii i garmonizatsii zakonodatel'stv // Vneshnetorgovoe pravo. 2011. № 2.

Lalive P. Tendances et methodes en droit international prive (cours general) // Recueil de cours. 1977-II. Vol. 155.

Lebedev S. N. Unifikatsiya pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnykh xozyajstvennykh otnoshenij // Yuridicheskie aspekty osushchestvleniya vneshneekonomicheskix svyazej: tr. kafedry mezhdunarodnogo chastnogo i grazhdanskogo prava MGIMO MID. M., 1979.

Lukashuk I. I. Suverennaya vlast' gosudarstva v mexanizme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Sov. ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. M., 1979.

Lyutov N. L. Ehffektivnost' norm mezhdunarodnogo trudovogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2013.

Makovskij A. L. Mezhdunarodnaya unifikatsiya morskogo prava // Mezhdunarodnoe chastnoe morskoe pravo. L., 1984.

Markova-Murashova S. A. Sushhestvovanie i vzaimodejstvie pravovykh sistem sovremennosti v usloviyakh pravovoj konvergentsii // Yurist'-Pravoved". 2005. № 1.

Osmenin B. I. Voprosy samoispolnimosti mezhdunarodnykh dogovorov (na primere SShA, Niderlandov i Rossii) // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=13&art=3036>.

Pilotti M. Les Methodes de l'Unification. Rapport general // Actes du Congres international de droit prive, tenu a Rome en juillet. Rome, 1950.

Rabel' Eh. Zadachi i neobxodimost' sravnitel'nogo pravovedeniya / per. s nem. pod nauch. red. B. M. Gongalo. Ekaterinburg, 2000.

Sadikov O. N. Unificirovannye normy v mezhdunarodnom chastnom prave // *Lunc L. A., Marysheva N. I., Sadikov O. N.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. M., 1984.

Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o trudovoj deyatel'nosti i zashhite prav trudyashhixsya-migrantov, yavlyayushhixsya grazhdanami Rossijskoj Federacii, v Respublike Uzbekistan i trudyashhixsya-migrantov, yavlyayushhixsya grazhdanami Respubliki Uzbekistan, v Rossijskoj Federacii ot 4 iyulya 2007 g. // SZ RF. 2009. № 46. St. 5422.

Tixomirov Yu. A. Pravovaya sistema razvitogo socialisticheskogo obshhestva // Sov. gosudarstvo i pravo. 1979. № 7.

Tunkin G. I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. M., 2009.

Valticos N. Droit International du travail. P., 2001.

Vilkova N. G. Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote. M., 2004.

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права
Новосибирского государственного университета,
главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск),
e-mail: vlt73@mail.ru

Автор рассматривает состояние современной российской доктрины международного права и констатирует проявления ее кризиса. Среди них – отсутствие собственной идеологической основы, монополия волюнтаризма, сосредоточенность на анализе договорных источников, низкий уровень аргументации, немногочисленность оригинальных разработок, институциональная деградация, тематический дисбаланс и др. Кризис доктрины обусловлен различными причинами, в том числе глобальными трансформациями, общим упадком интеллектуальной сферы, неэффективной образовательной политикой. В этих условиях и отдельные ученые, научная корпорация в целом должны проявлять повышенную ответственность, добросовестность и внимание.

Ключевые слова: международное право, доктрина, юридическая наука, право Евразийского экономического союза

THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW: AN ESSAY

Tolstykh Vladislav

Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk),
e-mail: vlt73@mail.ru

The author considers the current state of the Russian doctrine of international law and notes manifestations of its crisis. Among them, there are the lack of own ideological foundations, monopoly of voluntarism, focus on the analysis of treaty sources, poor reasoning, scarcity of original works, institutional degradation, thematic imbalances, etc. The crisis of doctrine is caused by various reasons relating to global transformations, general decline of the intellectual sphere, ineffective education policy. Under these conditions, any individual scientist or scientific corporation as a whole must demonstrate their special responsibility, conscientiousness and attention.

Key words: international law, doctrine, legal science, law of the Eurasian Economic Union

Советская доктрина международного права, помимо заимствуемой у Запада догматической формы, имела собственное идеологическое (политическое) содержание, основанное на марксистско-ленинском учении и противоположное либеральному содержанию западной доктрины. Используя терминологию, предложенную Д. Кеннеди¹, можно сказать, что советская доктрина формулировала собственные «мягкие»

¹ Д. Кеннеди определяет «жесткие» аргументы как предполагающие подчинение норме в силу согласия государства, а «мягкие» – как предполагающие подчинение норме на основе принципов справедливости. Данные аргументы исключают друг друга («мягкий» аргумент обязывает, только преодолевая согласие). Одновременное использование «жестких» и «мягких» аргументов обеспечивает независимость юридиче-

аргументы и благодаря этому избегала связанности «мягкими» аргументами западной доктрины и претендующими на универсальность «жесткими» аргументами. Например, отрицание юрисдикции международных судов обосновывалось тезисом об идеологической предвзятости западных судей, а неучастие в международных экономических институтах – империалистическим характером используемых ими рецептов экономической помощи.

После поражения в «холодной войне» отечественная доктрина отказалась от собственной идеологии и была вынуждена заимствовать идеологию бывших противников. Это повлекло ряд неблагоприятных последствий. *Во-первых*, новые идеи вступили в конфликт с сохранившимися элементами старой идеологии – в итоге отечественная теория международного права стала внутренне противоречивой. *Во-вторых*, новые идеи не были заимствованы во всей своей полноте: некоторые были упрощены до уровня лозунгов, другие – проигнорированы, третьи – извращены; в результате, будучи перенесенными на отечественную почву, они оказались неспособны обеспечить высокий уровень правовой риторики. *В-третьих*, российская доктрина так и не стала полноправным участником западной дискурсивной практики¹, в рамках которой вырабатываются новые идеи, поэтому она не влияет на их содержание, порой вступающее в конфликт с национальными интересами России.

В целом переход к западной идеологии ознаменовал утрату отечественной доктриной самостоятельного статуса и превращение ее в периферийную ветвь западной доктрины.

«Жесткие» аргументы российской доктрины довольно однородны: они отражают главным образом постулаты волюнтаризма, сформулированные в конце XIX – начале XX в. (Г. Еллинек, Д. Анцилотти и др.). Эти постулаты в свое время были творчески переработаны представителями советской доктрины, прежде всего Г. И. Тункиным. Ключевой волюнтаристской идеей является производность международного права от индивидуальной государственной воли; критерий происхождения позволяет определить норму как существующую или несуществующую. Волюнтаризм может работать лишь в том международном сообществе, где государства играют главную роль, – сообщество эпохи «холодной войны» было именно таким. Современное сообщество, однако, другое – его активными субъектами помимо государств выступают наднациональные структуры и неправительственные организации, влияние которых постоянно растет по мере того, как ослабевает влияние государств. К такому положению вещей можно относиться по-разному, однако оно имеет место.

Новая реальность обосновывается в рамках новых подходов, которые часто, прямо не оппонируя волюнтаризму, заостряют внимание на игнорируемых им аспектах. Среди них – концепция глобального управления (Дж. Розенау), нормативизм (Г. Кельзен), аналитическая школа (Г. Харт), правовой реализм (Г. Моргентау), структурализм (Д. Кеннеди, М. Коскенниemi), неонатурализм (Ф. Аллот); международное конституционное право (А. Петерс, А. фон Богданди) и др. Все эти подходы по большому счету незнакомы отечественной доктрине и не обсуждаются ею. Негативными

ского дискурса. Правовые доктрины формируются не путем выбора между «жесткими» и «мягкими» аргументами, а путем установления баланса между ними (*Kennedy D. International legal structures. Baden-Baden, 1987*).

¹ Этот термин, согласно М. Фуко, означает «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» (Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 227–228).

следствиями монополии волюнтаризма являются, *во-первых*, догматическая слабость доктрины и ее неспособность к полемике с неволюнтаристскими концепциями; *во-вторых*, оторванность доктрины от общественных отношений и, как результат, ее практическая неэффективность.

Российская доктрина, ограниченная волюнтаристскими рамками, сосредоточивается на анализе крупных *договорных* источников. Отечественные авторы настороженно относятся к международному *обычаю*: признавая его существование, они предпочитают не работать с ним. Многие воспринимают его как вспомогательный источник, значение которого близко к значению обычая делового оборота в гражданском праве. Обращение к *общим принципам* права цивилизованных наций еще более проблематично: чаще всего они неверно отождествляются с принципами международного права¹, иногда – с нормами *jus cogens*. Судебная практика долгое время вызывала глубокое недоверие; в подавляющем большинстве монографий и учебников она продолжает игнорироваться. В последние годы здесь, однако, произошли качественные изменения (прежде всего благодаря усилиям А. С. Смбатян, А. С. Исполинова, И. В. Рачкова и авторов, связанных с журналом «Международное правосудие»). Феномен *мягкого права* в целом признается, но его исследования, как правило, не выходят за пределы рассмотрения проблемы его существования.

Результатами такого избирательного отношения к источникам выступают: *во-первых*, отсутствие научной методологии описания институтов, состоящих из договорных норм (признание, правопреемство, ответственность и др.); *во-вторых*, отсутствие обоснованной позиции по практическим проблемам, выходящим за рамки договорного регулирования (примером может служить недавний вопрос о вхождении Крыма в состав России); *в-третьих*, отсутствие координации и взаимодействия между недоговорными источниками и внутренним порядком (отсюда трудности, связанные с толкованием ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); *в-четвертых*, пассивное отношение к процессам формирования недоговорных источников; *в-пятых*, неполный анализ договорных источников.

Уровень аргументации отечественной доктрины по сравнению с уровнем аргументации западной доктрины можно назвать низким. Основные его недостатки: неразвитость техник интенционального, лингвистического и телеологического толкования; неумение выстраивать связи между элементами правовой системы (толкования, вытеснения, дополнения, иерархии и др.); неумение оперировать базовыми правовыми категориями («воля», «субъект», «акт» и др.); подчиненность правового дискурса политическим установкам; невнимание к историческим, политологическим и культурологическим аспектам права. Правовой аргумент часто формулируется как прямой и очевидный вывод из нормы, не развивающий ее содержание, либо как умозрительное высказывание, не основанное на твердых посылах. Хорошим примером в этом смысле служит практика постсоветских международных судов: в то время как для решений Экономического суда СНГ характерна первая крайность

¹ Возможно, первым такой подход обозначил В. М. Корецкий: «К каким же выводам можно прийти относительно значения „общих принципов права“ в международном праве? Казалось бы ясным, что в международном праве они должны выражать общие (основные) принципы международного права... Если толковать выражение „общие принципы права“ в том смысле, что они дают обобщение принципов внутреннего права, то пришлось бы признать: Международный суд не должен считаться с основными принципами международного права, ибо статья 38 не упоминает – среди возможных источников международного права – иных принципов, кроме „общих принципов права“» («Общие принципы права» в международном праве // Корецкий В. М. Избранные труды: в 2 кн. Киев, 1989. Кн. 2. С. 194–195).

(очевидность), решениям Суда ЕАЭС присуща вторая крайность (необоснованность). То же касается отечественных учебников, содержание которых в отличие от содержания западных учебников носит преимущественно справочный, а не аналитический характер: проблема в лучшем случае констатируется, но не раскрывается и не решается.

Не владея необходимым инструментарием, доктрина, *во-первых*, оказывается неспособной к осмыслению теоретических закономерностей и выстраиванию позиции в правовых спорах (не случайно почти во всех межгосударственных процессах с участием России ее интересы представляют иностранные юристы); *во-вторых*, стремится выйти за пределы правового дискурса и использовать неправовые аргументы (апеллировать к истории, политическому конфликту, предвзятости оппонента, неважности вопроса и пр.); *в-третьих*, превращается в ритуал, оторванный от реальности, метод психологической разгрузки, оправдывающий собственное бессилие в избегаемом риторическом поединке.

Оригинальных и самостоятельных российских исследований немного. *Во-первых*, это продолжающиеся разработки советской доктрины, касающиеся права договоров, дипломатического права, соотношения права и политики, деятельности ООН и др. Как отмечалось, многие из них уже неадекватны реальности. *Во-вторых*, это работы К. А. Бекашева, А. Н. Вылегжанина, С. А. Гуреева, В. Н. Гуцуляка, А. А. Ковалева, А. Л. Колодкина и др. по морскому праву; помимо названных работ, влияние российской доктрины в данной сфере обусловлено председательством в Международном трибунале по морскому праву В. В. Голицына, богатым опытом «морских» споров с участием России¹, большой площадью прилегающих морских пространств, спецификой российских интересов в отношении Арктики. К сожалению, доктринальная активность в этой сфере не сопровождается значительными дипломатическими или судебными успехами. *В-третьих*, это немногочисленные критические исследования (труды Г. М. Вельяминова по международному экономическому праву и А. Б. Мезяева по международному уголовному праву). *В-четвертых*, некоторые исследования историко-правового характера (работы Л. Л. Кофанова по истории *jus gentium*).

Остальные разработки отечественной науки сводятся в лучшем случае к адекватному воспроизводству современных западных подходов (экономическое, экологическое, европейское, международное гуманитарное право); в худшем – к созданию псевдонаучного дискурса (большинство работ по праву ЕАЭС) или заимствованию конституционно-правовых или теоретико-правовых концепций, часто не соответствующих природе международного права. Крайне остро стоит проблема дефицита серьезных исследований в области теории, истории и философии международного права – то, что историей российской науки занимаются не отечественные авторы, а эстонский профессор Л. Мялксоо², кажется парадоксом.

Основой отечественного подхода к решению вопроса о соотношении международного и внутреннего права является классический дуализм Г. Трипеля и Д. Анцилотти. Наиболее квалифицированным отечественным дуалистом можно назвать С. В. Чер-

¹ Подробнее см.: решения Международного трибунала ООН по морскому праву по делам «Волга» («Россия против Австралии») от 23 декабря 2002 г., «Хошинмару» («Япония против России») от 6 августа 2007 г., «Томимару» («Япония против России») от 6 августа 2007 г.; «Arctic Sunrise» («Голландия против России») от 22 ноября 2013 г.; решение арбитражного суда по делу «Arctic Sunrise» от 14 августа 2015 г.

² Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford, 2015.

ниченко. Исключение из общего правила составляют труды тяготеющих к монизму Г. В. Игнатенко и И. П. Блищенко. Академический дуализм, однако, мало влияет на позицию законодателя. И ст. 15 Конституции, и документы, подписанные в связи с присоединением к ВТО, свидетельствуют, скорее, в пользу монизма (прямое действие договоров, их определение как части правовой системы, их приоритет перед законами). Вместе с тем Конституционный Суд РФ проводит дуалистическую линию и стремится утвердить приоритет норм Конституции перед положениями договоров и свое право контролировать исполнение решений ЕСПЧ. В итоге между тремя уровнями дискурса (академическим, законодательным и судебным) возникает напряжение, не способствующее прояснению ситуации.

Другая проблема состоит в том, что многие позиции о соотношении международного и внутреннего права формулируются конституционалистами, порой плохо разбирающимися в международном праве. Примерами могут служить некорректное толкование понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ», сомнительная критика позиций ЕСПЧ с точки зрения их соответствия ст. 31 Конвенции о праве международных договоров 1969 г., изложенная в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. по делу о проверке конституционности ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека».

Еще одной проблемой является «белый шум»: наряду с глубокими его исследованиями Л. П. Ануфриевой, В. В. Гаврилова, Б. Л. Зимненко, С. Ю. Марочкина существует много поверхностных работ.

Большую перспективу для эволюции отечественной доктрины дает право Евразийского экономического союза, которое, как и право Европейского союза, представляет собой обособленный региональный правовой порядок, развивающийся по своим законам. Так, в последние годы появились серьезные исследования различных аспектов права ЕАЭС, прежде всего связанных с деятельностью Суда ЕАЭС (Т. Н. Нешатаева, А. С. Исполинов, А. С. Сибатян и др.).

Проведение евразийских исследований, однако, затруднено рядом проблем.

Проблемы *первой группы* связаны с несовершенством нормативной базы Союза: базовые документы содержат противоречия, пробелы, неточности или просто написаны плохим русским языком. Многие вопросы не решены (не определены объем понятия «право Союза», порядок взаимодействия Евразийской экономической комиссии с хозяйствующими субъектами и др.). Неизбежным следствием дефектов первичного права являются дефекты решений Комиссии и Суда ЕАЭС, анализ которых становится крайне сложной задачей.

Проблемы *второй группы* вызваны несовершенством институциональной структуры Союза, архитекторы которой, кажется, так и не смогли сформировать целостное видение его природы: является ли он улучшенной версией СНГ или по-настоящему наднациональным образованием?

Проблемы *третьей группы* обусловлены деятельностью Суда ЕАЭС, первый этап которой оказался, скорее, неудачным: Суд часто и не всегда обоснованно выносил активистские решения. По всей видимости, именно поэтому он был лишен ряда важнейших компетенций (прежде всего, преюдициальной) в силу Договора о ЕАЭС

2014 г. И сегодня будущее Суда (а значит, и перспектива судебного содействия интеграционному импульсу) видится не в самом лучшем свете. Ситуация усугубляется тем, что перечисленные проблемы практически не раскрываются в научных текстах, большая часть которых содержит общую и далекую от действительности апологетику интеграции.

Институциональная среда отечественной доктрины деградирует; симптоматика деградации обширна и разнообразна. Наука сосредоточивается преимущественно в Москве, некогда сильные региональные школы (Екатеринбург, Казань, Санкт-Петербург, Томск) приходят в упадок, предпосылки возникновения новых научных центров отсутствуют. Преемственность поколений разорвана: доктрина представлена учеными, взгляды которых сформировались в советскую эпоху, и молодыми людьми, защитившими диссертации в последние 10–15 лет. Представителей среднего поколения, выполняющих функцию связующего звена и генерирующих свежие идеи, почти нет. В условиях отсутствия внутренней конкуренции и упадка корпоративных традиций академическая среда привлекает лиц, не имеющих специального образования, – выпускников школ милиции, военных училищ, непрофильных вузов, исторических и экономических факультетов. Политика Министерства образования приводит к тому, что большинство ученых вместо того, чтобы читать и писать научные тексты, разрабатывают бессмысленные методические материалы и соревнуются за количество публикаций и величину индекса Хирша. Речь идет уже не столько о дефиците времени, необходимого для работы, сколько о системном вытравливании навыков научного анализа. Связи с постсоветскими республиками ослабевают (страны Средней Азии) или полностью разрываются (Прибалтика, Украина). Не лучшие времена переживает Российская ассоциация международного права: ее собрания все в большей степени утрачивают привлекательность. Малозаметна деятельность центров Академии наук, их будущее в свете проводимой реформы выглядит туманным.

Ученый не может эффективно работать в таких условиях: он превращается в ремесленника, уезжает работать за границу, уходит из академической сферы. Институциональная деградация прогрессирует: пространство здравого смысла свертывается со все возрастающей скоростью.

Традиционное отечественное научное мероприятие состоит из серии докладов и выступлений, в которых подобранные по чину докладчики излагают тезисы, изначально не предназначенные для верификации в ходе научного диалога. Аудитория, как правило, лишена возможности задать вопросы, а докладчик – возможности определить реакцию аудитории. Целями участия в таких мероприятиях становятся праздное любопытство, стремление установить деловые контакты, составление научного отчета, освоение бюджетных средств, академический туризм – все что угодно, кроме первой и главной цели – непосредственного научного общения. В итоге многие ученые, мнение которых могло бы представлять интерес, будучи изложенным как в форме доклада, так и в форме вопроса, избегают участия в таких мероприятиях, справедливо воспринимая их как профанацию. Зарубежные научные мероприятия организуются по другим стандартам: на обсуждение доклада выделяется не меньше времени, чем на сам доклад (а часто даже больше). Доклад, таким образом, становится публичной защитой выдвигаемых идей, предъявляющей строгие требования к компетенции докладчика и аргументированности тезисов.

Неэффективность российских научных мероприятий обусловливается не только их форматом, но и новой университетской политикой, ориентированной на увеличение количественных показателей. Каждый университет считает своим долгом организовывать как можно больше мероприятий: предполагается, что таким образом он повышает свой статус. В результате вместо интенсификации научного общения происходит его распад: ни одно из сотен мероприятий не обеспечивает уровень представительства, необходимый для постановки общих задач и выработки общих позиций.

Отдельно следует отметить проблему игнорирования российскими форумами актуальных практических проблем (дело ЮКОСа, воссоединение Крыма и России, война в Сирии, дела «Arctic Sunrise» и др.).

Качество отечественных научных текстов по международному праву низко по сравнению с качеством не только западных текстов, но и текстов советского периода. Их характерными недостатками являются: пересказ положений официальных документов (объем такого рода заимствований порой больше объема авторского материала); констатация под видом открытий очевидных фактов; выдвижение сомнительных, часто утопических предложений; навязчивая антизападная риторика; частое цитирование политических деятелей и отыскивание в их словах глубокого смысла; неиспользование современного научного инструментария; злоупотребление стереотипами, в частности почти ритуальное упоминание прав человека; отсутствие серьезных экономических, социологических, исторических выкладок; неиспользование иностранной доктрины и судебной практики; избыточная схоластичность (пристрастие к выстраиванию определений и классификаций); речевые дефекты (смещение стилей, использование громоздких формулировок, непоследовательность изложения); игнорирование фундаментальных проблем, неспособность к их постановке и решению. Ситуация усугубляется тем, что в результате введения новых требований к трудовому договору и защите диссертаций опубликование научных текстов стало *обязанностью* преподавателей, в том числе тех, кто не имеет к этому способностей.

В целом отечественные научные тексты не обеспечивают формирования полных и всесторонних знаний; не поддерживают серьезные научные дискуссии; часто образуют псевдонаучный дискурс, дезориентирующий студентов и отторгающий глубокие исследования. Для многих выходом из положения является обращение к зарубежным работам; их использование, однако, поднимает свои проблемы: невозможность полноценного участия в дискуссии, генерирование интеллектуальной пассивности, деградация юридического языка, фрагментация знаний и пр.

Серьезного анализа требует ситуация, связанная с защитой диссертаций по международному праву. С 2009 по 2013 г. по специальности 12.00.10 «Международное право» защитились 19 докторов и 227 кандидатов наук¹. Согласно данным официальных сайтов, с 2015 по апрель 2016 г. на защиту в МГИМО были представлены шесть диссертаций.

¹ Для сравнения: по специальности 12.00.01 «Теория государства и права» были защищены 95 докторских и 964 кандидатских диссертаций; по специальности 12.00.02 «Конституционное право» – 65 докторских и 756 кандидатских; по специальности 12.00.03 «Гражданское право» – 60 докторских и 1203 кандидатских; по специальности 12.00.08 «Уголовное право» – 55 докторских и 1018 кандидатских (Пахомов С. И. О функционировании сети диссертационных советов по юриспруденции: презентация, представленная в ходе Координационного совещания руководителей диссертационных советов по юриспруденции (Саратов, 24 мая 2014 г.).

ций¹; в РУДН – 15²; в МГЮА – четыре³; в РАП – одна⁴; в ИГПАН – три⁵; в ИЗИСП – три⁶, в Дипломатическую академию – три⁷ (итого – 35). Наиболее острыми здесь являются следующие проблемы.

Во-первых, многие диссертации (возможно, большинство) защищаются людьми, не работающими в науке или преподавании: защита нужна им для самореализации и повышения социального статуса. Таким образом, защита перестает быть научным событием и становится услугой, оказываемой научным сообществом заинтересованному потребителю.

Во-вторых, диссертации часто содержат выводы, которые сложно признать новыми и научными. Речь идет о констатации очевидных фактов, новых определениях старых понятий, введении сомнительной терминологии и др. Новизна некоторых диссертаций состоит исключительно в переносе зарубежных теорий на отечественную почву⁸.

В-третьих, тематика диссертаций характеризуется серьезным дисбалансом. Из 35 диссертаций, представленных на защиту за последние полтора года, в девяти исследуются проблемы прав человека, а в десяти – проблемы экологического права. Таким образом, в большинстве диссертаций рассматриваются проблемы всего двух

¹ «Международно-правовые механизмы обеспечения безопасности обращения лекарственных средств»; «Международно-правовые аспекты выплаты компенсации при разрешении инвестиционных споров государств»; «Конкурентное право ЕС и соблюдение прав человека»; «Особенности имплементации права ЕС о прямом налогообложении»; «Взаимодействие Суда ЕС и ЕСПЧ по делам о защите прав человека после Лиссабонского договора»; «Взаимодействие международного экологического и международного экономического права».

² «Международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в регионе Юго-Восточной Азии»; «Право на здоровье в современном международном праве»; «Международно-правовая охрана окружающей среды в ситуациях вооруженных конфликтов»; «Международно-правовые аспекты ответственности в области космической деятельности»; «Перспективы международно-правового регулирования аэрокосмической навигации»; «Право человека на высшее образование по международному праву и проблемы его обеспечения в условиях глобализации»; «Региональные и субрегиональные правовые механизмы защиты окружающей среды в Африке»; «Международно-правовые аспекты защиты дипломатических агентов»; «Институт реадмиссии в международном праве»; «Международно-правовые аспекты укрепления системы договорных органов по правам человека»; «Противодействие актам ненадлежащего использования гражданской авиации: международно-правовые аспекты»; «Международно-правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в субрегионе ЭКОВАС в условиях глобального изменения климата»; «Мирное использование атомной энергии и защита окружающей среды: международно-правовой анализ»; «Соглашение об учреждении зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии в свете международного права»; «Международно-правовая защита прав женщин в Африке».

³ «Правовое регулирование полицейского сотрудничества в ЕС»; «Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды»; «Соотношение „права ВТО“ и национального права государств-членов»; «Правовые аспекты деятельности ЕС в области противодействия незаконному обороту наркотиков».

⁴ «Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров».

⁵ «Уголовная ответственность должностных лиц государства за преступления по международному праву»; «Поощрение и защита прав инвалидов в международном праве»; «Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия».

⁶ «Агрессия как международное преступление»; «Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики»; «Взаимодействие норм международного и национального права в сфере охраны экологических прав коренных народов».

⁷ «Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве»; «Международно-правовой режим иностранных инвестиций»; «Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека».

⁸ Вопрос о научной ценности таких диссертаций нуждается в дополнительном обсуждении: с одной стороны, их научный уровень часто превосходит научный уровень работ, основанных на отечественном материале, с другой – они являются *адаптациями*, а не самостоятельными исследованиями.

отраслей международного права. Половина диссертаций, защищаемых в МГИМО и МГЮА, посвящена праву ЕС, и этот факт не поддается разумному объяснению в свете неучастия России в ЕС и почти полного пренебрежения проблематикой евразийской интеграции (одна диссертация, защищенная в РАП). Исследования, затрагивающие проблемы теории, истории и философии международного права и проблемы его общей части, практически не проводятся.

В целом отечественная доктрина международного права переживает глубокий кризис. Он обусловлен различными причинами как объективного, так и субъективного характера: *во-первых*, неадекватностью современного международного права тем глубоким трансформациям, которые переживает мир, неспособностью доктрины воспринимать их, оценивать и контролировать; *во-вторых*, общей деградацией интеллектуальной сферы в результате политических, экономических и идеологических изменений, связанных с распадом СССР; *в-третьих*, губительной образовательной политикой, направленной на последовательное разрушение лучших советских традиций и поощрение симуляций; *в-четвертых*, пассивностью самих университетов, оказавшихся неспособными противостоять вредоносному воздействию; *в-пятых*, недостатком консолидации, ответственности, добросовестности и внимания самой научной корпорации.

Отдельный ученый (и научная корпорация в целом) не в состоянии противодействовать всем этим вызовам: в отношении первых четырех он может лишь сформировать и заявить активную личную позицию. Только пятая проблема может быть предметом его непосредственной заботы. В связи с этим следует поставить и решить следующие задачи: разработка системы «мягких» аргументов; изучение новых теоретических подходов; обращение к недоговорным источникам; повышение уровня рациональной аргументации; преодоление тематического дисбаланса; изменение формата научных мероприятий; предъявление более строгих требований к качеству текстов и др. Реформа доктрины имеет шансы на успех, только если ее необходимость будет осознана крупными университетами, научно-исследовательскими институтами и наиболее авторитетными учеными.

Библиография

Kennedy D. International legal structures. Baden-Baden, 1987.

Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford, 2015.

Общие принципы права» в международном праве // Избранные труды: в 2 кн. Киев, 1989. Кн. 2.

Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

Bibliography

Fuko M. Arxeologiya znaniya. SPb., 2004.

Kennedy D. International legal structures. Baden-Baden, 1987.

Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. Oxford, 2015.

Obshhie principy prava» v mezhdunarodnom prave // Izbrannye trudy: v 2 kn. Kiev, 1989. Kn. 2.

**ВЛАСТНЫЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
ЕКАТЕРИНБУРГА В 1917 г.****Константинов Сергей Иванович**

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: konstantinov2904@mail.ru

На основе документов, текстов периодической печати, воспоминаний современников, архивных материалов дается картина политических событий 1917 г. в Екатеринбурге. Рассматриваются вопросы смены властных и правоохранительных органов в городе. Особое внимание уделяется персоналиям действующих лиц того времени, не нашедших достаточного освещения в исследованиях советского периода.

Ключевые слова: Екатеринбург, Комитет общественной безопасности, Совет рабочих и солдатских депутатов, милиция, армия, суд, 1917 г.

**POWERFUL AND LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES
IN YEKATERINBURG IN 1917****Konstantinov Sergey**

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: konstantinov2904@mail.ru

Using different documents, articles from press, recollection of contemporaries, archive materials the author provides a picture of political events of 1917 in Yekaterinburg. He also considers the change of powerful and law-enforcement authorities in the city. Particular attention is paid to the individual bibliography of participants of those events which hadn't been sufficiently covered in Soviet studies.

Key words: Yekaterinburg, Committee of Public Security, Soviet of workers' and soldiers' deputies, police, army, court, 1917

Февральская революция 1917 г. – событие, которое до 1930-х гг. было «красным днем» в советском календаре. 28 февраля 1917 г. в уездный город Екатеринбург поступило телеграфное сообщение о том, что Государственная Дума берет в свои руки дело создания новой власти. В город тогда как раз прибыли с визитом пермский губернатор, юрист, действительный статский советник М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский¹ и некоторые представители губернской администрации, но оказать влияние на развитие событий они уже не смогли. Правда, губернатор запретил распространение этой информации и даже грозил служащим телеграфа арестом. Но уже несколько дней спустя сам был арестован².

¹ Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский Михаил Александрович (1865–?) окончил Императорское училище правоведения. С мая 1885 г. состоял на государственной службе, с 1900 г. – по ведомству МВД. Член консультации при Министерстве юстиции. С 22 августа 1914 г. по 6 марта 1917 г. – пермский губернатор. По распоряжению Временного правительства передал власть председателю губернской земской управы Е. Д. Калугину, комиссару Временного правительства. Дважды арестовывался в Перми. После освобождения в мае 1917 г. выехал в Петроград. Дальнейшая судьба неизвестна.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 65. Л. 132.

2 марта в Екатеринбурге начались митинги, демонстранты добивались освобождения политзаключенных. 3 марта городская дума объявила об установлении нового порядка и приступила к формированию Комитета общественной безопасности (КОБ) – временного коалиционного органа городского самоуправления¹.

Не замедлила последовать и политическая амнистия. В телеграмме от 8 марта на имя прокурора Екатеринбургского окружного суда сообщалось, что указом от 6 марта 1917 г. Временное правительство постановило объявить амнистию, распространяющуюся на большой ряд статей Уголовного уложения, и «предать навсегда забвению дела о воспрещенных уголовными законами деяниях, совершенных по политическим побуждениям, за исключением побуждений изменнического свойства в течение времени с 23 февраля сего года до дня издания указа» (п. 3)². В результате, как отмечают современные исследователи, в истории страны даже был день, в течение которого в тюрьмах не оставалось ни одного человека³. Более того, царские тюрьмы как наиболее одиозные учреждения царского режима были буквально демонтированы. В 1917–1918 гг. эта участь постигла более 400 пенитенциарных заведений России, но екатеринбургского тюремного замка она не коснулась. И даже представители старой администрации не потеряли своих мест⁴.

Обязанности смещенных губернаторов по воле Временного правительства были возложены на председателей губернских земских управ. Так, 4 марта 1917 г. председатель Пермской губернской земской управы Е. Д. Калугин пообещал поддержку новому правительству, а через два дня уже принял управление губернией.

В городах правительственными представителями стали главы городских дум. В их подчинение передавалась полиция, которая вскоре была распущена и заменена народной милицией. Жандармские управления упразднялись. Вышли из подполья организации ряда политических партий. Начались аресты представителей старой власти, смещение представителей прежней администрации, в том числе заводской⁵.

Глава Екатеринбургской епархии епископ Серафим⁶ заявил, что признает власть Временного правительства и будет подчиняться его распоряжениям, но вскоре отошел от дел.

3 марта 1917 г. в 19 ч в Новом городском театре (ныне Театр оперы и балета) состоялось заседание Екатеринбургской городской думы, на котором присутствова-

¹ Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 622.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 71. Л. 61.

³ Смыкалин А. С. История судебной системы России. М., 2010. С. 126.

⁴ В декабре 1923 г. председатель Уралоблсовета А. Г. Белобородов вспоминал, что в поисках помещения для размещения царской семьи он с членом президиума Облсовета левым эсером Хотимским посетил и Екатеринбургскую тюрьму № 1. Начальником ее был Павел Петрович Шечеков, который прежде служил помощником начальника Пермской тюрьмы (1911–1912 гг.), когда там сидел сам Белобородов, и неоднократно отправлял последнего под арест в карцер (Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург, 2008. Т. 2. С. 59). Тем не менее Шечеков оставался начальником тюрьмы и после занятия города белыми. Он покинул Екатеринбург вместе со своими помощниками Шурыгиным и Трубниковым в числе последних – 13 июля 1919 г., когда в город уже входили красные (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 103. Л. 57–60).

Начальником Екатеринбургской тюрьмы № 2 в начале 1918 г. был назначен Михаил Георгиевич Кабанов (1879–1960-е), рабочий на строительстве динамитного завода в пос. Таватуй Екатеринбургского уезда, член РСДРП с 1912 г. Состоял на партийной и советской работе. Впоследствии жестокими мерами проводил коллективизацию на Северном Кавказе. Персональный пенсионер (Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. С. 221).

⁵ Попов Н. Н. Время смуты и катастроф (1914–1921) // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 108.

⁶ В миру – Голубятников Сергей Георгиевич (1856–1921), был расстрелян в Московском Новоспасском монастыре.

ли почти все ее члены (гласные), а также члены местного комитета Союза городов и около 400 человек публики. Один из участников превратившегося в митинг заседания Я. М. Юровский (будущий председатель Екатеринбургской ЧК) вспоминал: «Первый большой митинг 3 марта в Большом театре состоял исключительно из солдат... Из товарищей членов партии, руководивших этим митингом, были тт. Сосновский, Клавдия Завьялова, Горохов, Мрачковский, Малышев и другие. Выступали тт. Сосновский, Клавдия Завьялова, как будто, анархист Жебенев и (от) солдат я, так как был тогда на военной службе...»¹. Было принято решение воздержаться от любых контактов с «представителями старой власти» и оглашены последние телеграммы Временного исполнительного комитета Государственной Думы. Депутаты от большевиков выступили за создание Комитета общественной безопасности².

«Вечером 4 марта, – вспоминал гласный Екатеринбургской думы В. П. Аничков³, – в думе вместо назначенного заседания гласных образовался митинг совершенно неизвестных нам людей, среди коих много было и солдат... Трудно припомнить и передать, что именно говорилось на том многочисленном митинге, где слово брали ни перед кем не ответственные люди. Почти все они отличались недюжинными ораторскими способностями, большой наглостью и самым беззастенчивым отношением к подтасовке фактов и цифр. Словом, началось повторение того же безобразия, которое так поражало меня в революцию 1905 года. Государя иначе как „Николай Кровавый“ никто не называл. Народу было так много, что городской голова предложил присутствующим перейти для развития прений в зал музыкального училища...»⁴.

Мне, в качестве гласного, тоже пришлось выступать... Не знаю, чем кончился этот митинг, ибо я покинул его часов в одиннадцать. Помню только, что особый успех выпал на долю некой Завьяловой, вероятно, потому, что это было первое робкое выступление женщины на местной политической арене. Впоследствии Завьялова играла большую роль в Екатеринбурге, в профессиональных союзах и Комиссариате общественного призрения, где она, будучи гражданской женой комиссара Сосновского, тоже занимала должность комиссара»⁵.

Вечером 5 марта в здании городского театра состоялось экстренное расширенное заседание городской думы. На нем присутствовали в числе прочих генерал Нецветаев, а также жандармский генерал Фортвенглер. На этом бурном заседании, названном впоследствии демократическим собранием, был создан Комитет общественной безопас-

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 14.

² Комитеты, в задачи которых входили поддержка Временного правительства, обеспечение порядка, пресечение монархических выступлений и т. д., на первых порах нельзя назвать узкоклассовыми организациями. Провозглашенные демократические лозунги в тот период объединили представителей буржуазии, рабочего класса, интеллигенции, средних городских слоев населения, воинских чинов и даже крестьянство (Вехи истории. 1917–1920. Выставка архивных документов. Екатеринбург, 2007. С. 4–6).

³ Аничков Владимир Петрович (1871–1939) окончил Коммерческое училище в Санкт-Петербурге и Высшее техническое училище в Москве. Четверть века возглавлял отделение Волжско-Камского банка в Екатеринбурге, одновременно являясь директором-распорядителем Алапаевского горного округа. Впоследствии член совета при министре финансов Правительства А. В. Колчака. Эмигрант. В Сан-Франциско открыл первый русский книжный магазин. Автор воспоминаний «Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922». Похоронен в Сан-Франциско.

⁴ Речь идет о переходе из здания Общественного собрания на углу Клубной улицы (ныне ул. Первомайская) и Вознесенского проспекта (ныне ул. Карла Либкнехта, д. 38), где размещается Екатеринбургский театральный институт (позднее, в 1917 г., в этом же здании проходила областная конференция РСДРП), в здание концертного зала И. З. Маклецкого по ул. Клубной (ныне ул. Первомайская, д. 22) (Свод памятников истории и культуры Свердловской области: в 2 т. Екатеринбург. 2007. Т. 1. С. 206–208, 374–375).

⁵ Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922 // URL: <http://mobooka.ru/?tp=book&path>.

ности. В него вошли десять членов от имени демократического собрания (в том числе В. Пиньжаков), десять солдат и офицеров (в том числе прапорщик Воробьев, капитан Захаров и др.) и десять гласных городской думы во главе с А. Е. Обуховым¹ (среди них – Я. М. Питерский, В. П. Аничков, В. С. Вяткин, П. Ф. Давыдов, А. А. Ардашев, И. И. Климшин, И. С. Соколов, В. А. Кенигсон²).

Думские депутаты рассчитывали принять участие в первом заседании Комитета, однако Временная исполнительная комиссия потребовала от них признать полномочия вновь образованного органа, с чем городские думцы категорически не согласились и покинули здание городского театра. Оставшихся членов КОБа это не смутило, и они без участия членов Думы вынесли решение о разоружении полиции и жандармерии и обратились к городскому голове с требованием о немедленном его выполнении. После совещания с присутствовавшими младшими офицерами Екатеринбургского гарнизона было решено не арестовывать расквартированных в городе командиров запасных полков.

На следующий день вновь состоялось экстренное заседание городской думы. На нем собрались начальник бригады полковник Карабан (вскоре он вынужден был подать в отставку), командир 149-го пехотного полка В. И. Тимченко (смещен солдатами, уехал в Саратов, где застрелился), командир 108-го пехотного полка полковник Соколов, командир 124-го пехотного полка полковник Рогойский, командиры нескольких батальонов и еще ряд офицеров. Высшие военные чины Екатеринбургского гарнизона заявили, что «считают городскую думу облеченной властью и доверием со стороны нового правительства и обязуются помогать городскому самоуправлению в лице его главного представителя – городского головы – в деле восстановления и поддержания порядка»³.

Отметим, что мнение военных нельзя было не учитывать. Достаточно сказать, что весной 1917 г. на Урале насчитывалось около 250 тыс. военнослужащих, а в таких уездных городах, как Ирбит, Камышлов, Кунгур, гарнизоны по своей численности не уступали городскому населению.

Городской голова частично исполнил резолюцию Временной исполнительной комиссии, разоружив наружную полицию (но не это ли был первый шаг к анархии?).

Что же касается Временной исполнительной комиссии, то гласный А. А. Ардашев⁴ заявил, что она избрана «непроверенным порядком, без участия свыше 40 обще-

¹ Обухов Александр Евлампиевич (1864–?) – общественный деятель, из семьи чиновника из Воткинска. Окончил Лисинское лесное училище (1884 г.), в 1905–1908 гг. – лесничий Нижнеисетского завода. С 1906 г. – гласный Екатеринбургской городской думы, с 1908 г. по октябрь 1917 г. – городской голова Екатеринбурга. Директор Екатеринбургского тюремного отделения, почетный мировой судья (1906–1917 гг.), председатель Екатеринбургского обывательского комитета (с 1915 г.), член комиссии по строительству горного института и т. д. Летом 1919 г. уехал из города. Эмигрировал в Харбин. Похоронен в Гонконге.

² Вехи истории. С. 6.

В воспоминаниях участника заседания В. П. Аничкова вместо Вяткина и Климшина названы Ипатьев, Доброскок, Замятин и Степанов (Аничков В. П. Указ. соч. С. 7). При этом отмечено, что председателем выбран П. Ф. Давыдов, но уже на следующий день – Л. А. Кроль. Позднее в состав КОБа вошли еще по два человека от всех организаций города, всего 600 человек, составивших «парламент Урала». Возглавил его кадет Л. А. Кроль, его заместителем избран кадет Н. Н. Бегишев (юрист, прапорщик), а секретарем – кадет Н. П. Чистосердов (юрист). В Исполнительный комитет КОБа вошли 30 человек – от городской думы, демократического собрания и военных. Председателем исполкома стал эсер А. А. Кашеев (присяжный поверенный), его заместителями – В. П. Аничков и большевик А. И. Парамонов (рабочий); секретарями – анархист П. И. Жебенев и правый социалист В. А. Воробьев (прапорщик).

³ Аничков В. П. Указ. соч.

⁴ Ардашев Александр Александрович (1863–1933) – общественный деятель, юрист. Из семьи чиновника. По материнской линии – двоюродный брат В. И. Ульянова (Ленина). Окончил физико-математический фа-

ственных организаций». В результате до окончательного формирования КОБа городская дума поручила выполнять его функции трем городским комиссарам: А. А. Ардашеву, В. А. Кенигсону и Я. М. Питерскому. Они должны были наблюдать за деятельностью КОБа и проверять полномочия представителей общественных организаций, желающих участвовать в работе Комитета. Принимая такое решение, дума вступала в прямое противостояние с так называемыми демократическими силами, а демократы были многочисленны и довольно хорошо организованы, к ним если не сочувственно, то во всяком случае внимательно относилась городская пресса.

Надо сказать, что комитеты общественной безопасности (иногда выступали под другими названиями) в тот период формировались практически во всех городах края, во многих уездах и даже в волостях и селах. Функции их были довольно широкими. В Екатеринбурге в их компетенцию входили вопросы, связанные с организацией митингов и собраний, учреждением милиции, охраной государственных и общественных учреждений, снабжением населения продовольствием, предотвращением эпидемий и т. д., вплоть до требования проституток освободить себя от врачебного осмотра. В Перми они решали даже вопросы установки новых телефонов и разбирали конфликты между квартиронанимателями и хозяевами¹.

Первыми в Екатеринбурге (уже 6 марта) новому правительству присягнули члены и служащие Окружного суда². Через несколько дней был составлен текст телеграммы на имя министра юстиции Временного правительства: «Екатеринбургский Окружной Суд, совместно с Уездными Членами Суда, Судебными Следователями, Городскими Судьями, кандидатами на судебные должности, судебными приставами, нотариусами и служащими канцелярии, прокурорский надзор и адвокатура, продолжая непрерывно, твердо и неуклонно исполнять возложенные на них законом обязанности, собравшись 10 марта на общей молитве по поводу открывшейся зари народной свободы, с благодарной памятью о павших борцах за нее, приветствует временное правительство»³. Телеграмму подписали председатель Суда Казем-Бек⁴,

культет Казанского университета со степенью кандидата наук. Служил в средних учебных заведениях Перми. В 1889–1895 гг. избран мировым судьей Екатеринбургского судебного округа, затем назначен городским судьей Ирбита. В 1895 г. стал нотариусом в Екатеринбурге, в 1898 г. – одновременно директором отделения Тюремного комитета (до 1910 г.). С 1910 г. по 5 ноября 1917 г. – член Екатеринбургской городской думы. Один из руководителей партии кадетов в городе. Нотариальная контора А. А. Ардашева находилась на Кафедральной площади (ныне Площадь им. 1905 года) по Главному проспекту, д. 25 (ныне проспект Ленина). Придерживался демократических взглядов, события октября 1917 г. и большевизм принял отрицательно. В конце декабря 1917 г. уезжал в Петроград, где встречался с В. И. Лениным, а в его отсутствие 15 января 1918 г. в Екатеринбурге был убит его брат Виктор. В июле 1918 г. Александр Александрович подвергся аресту по делу своего сына Юрия, участвовавшего в антибольшевистском выступлении и расстрелянного тогда же. Работал нотариусом и после занятия города белыми в июле 1918 – июле 1919 г. Зимой 1919/1920 г. переехал в Москву, трудился некоторое время в Совнарком, затем вышел на пенсию (Плотников И. Ф. Дворянские братья В. И. Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная. Екатеринбург, 2005).

¹ Попов Н. Н. Указ. соч. С. 108.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 71. Л. 61.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Казем-Бек Владимир Николаевич (1862–?) – действительный статский советник. Окончил Императорский Казанский университет, 13 октября 1886 г. назначен кандидатом на судебные должности при прокуратуре Казанской Судебной палаты. В 1888 г. утвержден в степени кандидата юридических наук. С 1890 г. – товарищ прокурора Симбирского, затем Казанского окружного суда. С 1901 г. – прокурор Уфимского, Оренбургского, Пензенского окружного суда. С 1906 г. – член Саратовской судебной палаты, товарищ прокурора, прокурор. С 8 февраля 1916 г. по 19 января 1918 г. – председатель Екатеринбургского окружного суда (Павлова Л. А. Творить суд по закону и чистой совести... Екатеринбург, 2004. С. 79).

прокурор Суда Гильков, представитель Екатеринбургской адвокатуры присяжный поверенный Магницкий.

Еще через три дня в тот же адрес за подписью председателя Суда было отправлено следующее послание: «Присяжные заседатели мартовской сессии Екатеринбургского Окружного Суда, впервые собравшись сегодня 13 марта 1917 г. при новом правительстве, одухотворенные общим чувством гражданской радости по поводу свершившегося Государственного переворота, шлют свой горячий привет временному правительству Свободной России с пожеланием успешной и плодотворной работы на благо Родины, на водворение правопорядка и победоносного окончания войны»¹.

18 марта Временному правительству присягнули гласные городской думы².

8 марта 1917 г. был образован Екатеринбургский совет солдатских депутатов (председатель – большевик, прапорщик 124-го пехотного запасного полка П. М. Быков), а 19 марта – Совет рабочих депутатов. 23 марта они объединились под руководством большевиков. Представители Совета вошли в коалиционный КОБ и активно работали в нем до мая 1917 г.

В апреле, после семилетней (с небольшими перерывами) ссылки, в Екатеринбург приехал Я. М. Свердлов. В последней нарымской ссылке он познакомился с И. И. Голощекиным, ставшим его правой рукой в Екатеринбурге. Пробыв в городе всего две недели, Свердлов воссоздал большевистскую партийную организацию. По его утверждению, численность организации за апрель выросла с нескольких сот до 14 тыс. членов³.

Однако большевики не сразу стали руководящей силой в городе. «В первый период Февральской революции до начала Октября и в особенности в период созывов 1-го и 2-го Екатеринбургских Советов, – отмечал Я. М. Юровский, – влияние большевиков было меньше, чем влияние главным образом эсеров и частью анархистского влияния. К моменту выборов 3-го, в канун Октябрьской революции, большевистское влияние было почти безраздельное. 126-й полк в своем большинстве оставался эсеровским. Среди эвакуированных во главе комитета стоял бывший унтер-офицер (тоже эвакуированный) – эсер Панов, большой демагог... Среди эсеровских лидеров, кроме Моксунова, Успенского, Барабошкина, Доброклонского, Тарабукина и других, в этот период появился эсер Хотимский, являвшийся главным лидером эсеров... (впоследствии большевик, чекист. – К. С.). Вновь избранный 2-й совет состоял в большинстве из эсеров, меньшевиков, часть беспартийных которые шли за эсерами-меньшевиками. Исполком был также эсерово-меньшевистский, председателем этого Совета был не то прапорщик, не то поручик Павловский... Секретарем Совета был солдат Левин и как будто еще солдат Иванов. В этот период в казармах солдатские комитеты были почти все эсеровскими»⁴.

Председатель Екатеринбургского совета первого созыва П. М. Быков в 1918 г. прямо писал, что в мае 1917 г. Совет был разогнан меньшевиками и эсерами⁵.

В марте 1917 г. в гарнизоне также начали создаваться солдатские комитеты⁶. «Заседание первого совета солдатских депутатов состоялось в кинотеатре (угол Главного

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 71. Л. 78.

² Эпоха больших потрясений (1914–1917) // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/545>.

³ Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М., 1971. С. 145 (Жизнь замечательных людей: сер. биограф. Вып. 13).

⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 17–19.

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

⁶ Екатеринбург: энциклопедия. С. 203, 622.

проспекта и Вознесенской улицы¹)... – вспоминал Я. М. Юровский. – Председателем избран был Быков... На пленумах Совета у нас большей частью председательствовал офицер (уже революционный командир 126 полка), кадет Бегишев (с 1918 г. он коммунист). Я помню требование, поддерживавшееся несомненно эсэрами и меньшевиками, об отправке на фронт т. Быкова и большевика Анучина, тоже бывшего офицера, которого впоследствии отправлявшаяся на фронт часть (в которой он состоял на службе. – К. С.) взяла его силой на квартире... Быков решительно отказался ехать на фронт как председатель Совета...»²

Для проведения партийно-массовой работы среди солдат 108-го, 124-го, 126-го, 149-го полков, солдат отдельных частей: конского запаса, инженерной части и других (насчитывающих несколько десятков тысяч солдат, более 2 тыс. офицеров, около 4 тыс. эвакуированных) – было организовано военное бюро. В него вошли Парамонов, Килин (солдат инженерной части), Юровский и др.³

19 марта в помещении Совета солдатских депутатов (Покровский проспект, дом Поклевских-Козелл, ныне ул. Малышева, д. 46) состоялось организационное собрание Совета рабочих депутатов, в котором приняли участие более 100 человек. А так как каждый из них представлял 100 рабочих, то в общей сложности они выражали интересы 10 тыс. рабочих. Председателем собрания был избран Л. С. Сосновский, товарищами председателя – Давыдов (рабочий ВИЗа) и Куренных (работница спичечной фабрики Логинова), секретарями – Горохов и Лирман. Собрание приветствовал председатель Совета П. М. Быков. Был сформирован исполнительный комитет из 15 представителей от рабочих групп и партийных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров, а также пяти граждан-рабочих для участия в губернском съезде по избранию комиссара Пермской губернии. Председателем исполкома назначили Л. С. Сосновского⁴.

23 марта в помещении Нового городского театра состоялось общее заседание Советов рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов. Одним из первых решений объединенного Совета стало введение с 1 апреля 1917 г. 8-часового рабочего дня для рабочих и 6-часового для служащих⁵.

Таким образом, после февраля 1917 г. в Екатеринбурге функционировали сразу три центра власти: старая городская дума; Комитет общественной безопасности, образованный при участии большевиков, эсеров и других партийцев; большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В «межреволюционный» период в работе Екатеринбургской городской думы преобладали три направления: во-первых, гласные думы по-прежнему пытались привести в порядок городские финансы; во-вторых, много хлопот доставляло создание милицеских отрядов – новый предмет ведения городской власти; в-третьих, как и следовало предполагать, многие проекты «увязали», блуждая по кругу между думой, КОБом и Советом рабочих и солдатских депутатов, которые сплошь и рядом мешали друг другу, занимаясь одними и теми же вопросами⁶.

¹ Ныне угол проспекта Ленина и ул. Карла Либкнехта, тогда и сейчас – кинотеатр «Колизей» (в советское время – «Октябрь»).

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 17–18.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Зауральский край. 1917. 22 марта. С. 3 // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/567>.

⁵ ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 60. Л. 16; Борьба. 1917. 29 марта. С. 3 // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/567>.

⁶ Пономарев А. Как работала городская Дума Екатеринбурга между двух революций в 1917 году. Интересные параллели // URL: <http://www.ystav.com/edyard-koridorov-rasskazal-kak-zhil-ekaterinburg-mezhdy-dvyyh-revolutsij-v-1917-gody>.

Армия тем временем все больше «разлагалась». Член КОБа В. П. Аничков вспоминал: «Знаменитый своим безобразием Сто двадцать шестой полк отправился в лагерь под Камышлов. Но едва высадившись из поезда, вояки решили, что не дело солдату самому разбивать свои палатки. – Наше дело воевать, а не работать. – И вернулись обратно. С этого времени погрузка войск в вагоны пошла за деньги». Командиром 126-го полка вместо Богданова был избран прапорщик Бегишев, а командиром 149-го полка вместо полковника Тимченко – простой солдат из унтер-офицеров. Командир бригады, полковник Карабан вышел в отставку, и на его месте оказался заместитель командира бригады полковник Мароховец. «Этот офицер точно усвоил „революционную дисциплину“: прежде чем отдавать приказания, собирал митинг и в точности исполнял то, что постановило большинство...

Больше всего „товарищей“ волновала успешность арестов жандармских офицеров. Они то и дело бегали к телефону и сносились с теми, кто присутствовал при обысках и арестах, выпрашивая у меня и Кащеева¹ мандаты на дальнейшие действия... В последствии я понял причину беспокойства „товарищей“. Не аресты жандармов здесь играли роль, а желание выкрасть у них компрометирующие „товарищей“ документы. Многие из „товарищей“ находились ранее на службе у жандармов...»²

Правоту В. П. Аничкова подтверждает телеграмма от 17 ноября 1917 г. на имя министра юстиции за подписью председателя следственного комитета Совдепа прапорщика Селянина: «Следственным комитетом Совдепа зарегистрировано вновь из дела жандармского архива до 70 секретных сотрудников, провокаторов и филеров бывшей полиции Екатеринбургского и Верхотурского уездов. Ввиду отказа прокурора суда и губернского комиссара (Турцевича) произвести арест означенных лиц комиссия просит г-на Министра Ваших телеграфных распоряжений»³. Как свидетельствовал Аничков, «с первого дня и почти все время существования Комитета общественной безопасности не проходило ни одного заседания, чтобы не выдвигался вопрос о милиции... Плоха была полиция главным образом потому, что ей мало платили, чем толкали на взяточничество. Наскоро заменившая ее милиция была во много раз хуже. В милицию после выпуска из тюрем попало много уголовных преступников»⁴.

Целый месяц милицейские отряды создавались и действовали стихийно, потом Совет обратился к КОБу с предложением до 15 апреля «вычистить» из городской милиции бывших полицейских.

Проекты штатного расписания и денежного довольствия городской милиции разрабатывались самым демократическим образом – на собрании служащих милиции. Утверждение штатов и объемов финансирования было предоставлено городской думе. А городская управа обязывалась снабжать стражей порядка обмундированием и вооружением. Город было решено разделить на три части, и для каждой определили штат работников: один письмоводитель, один старший писарь, три младших писаря, одна паспортистка, пять районных наблюдателей, один старший милиционер и 34 младших милиционера, а также начальник части и его помощники.

¹ Кащеев Аркадий Анатольевич – присяжный поверенный, гласный думы, член КОБа. После захвата города белыми на первом заседании городской думы 31 июля 1918 г. вновь был избран гласным от партии социалистов-революционеров (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1994. Л. 2).

² Аничков В. П. Указ. соч.

³ ГАСО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

Остается добавить, что в то время должность прокурора исполнял Новиков, а комиссия имела статус Соединенной следственной комиссии Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета общественной безопасности (ГАСО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 1. Л. 43).

⁴ Аничков В. П. Указ. соч.

Первым начальником городской милиции был избран Николай Надежин (часто в прессе его фамилию писали иначе – «Надеждин»), по партийной принадлежности – социалист-революционер. Узнать этого деятеля получше екатеринбуржцы не успели: в августе он выехал из города и безвестно пропал. Обнаружить его удалось только в октябре 1917 г. в должности инспектора московской милиции.

Слабость городской милиции вскоре стала очевидной¹. Изгнание профессионалов из милицеских рядов и дефицит надежных кадров способствовали тому, что город захлестнул «девятый вал криминала». «Правда, в первые недели существования Комитета общественной безопасности милиция держала себя прилично, – писал В. П. Аничков, – но затем вновь началось взяточничество и даже грабежи. Комиссаром милиции состоял инженер Лебединский, очень милый и неглупый человек. Начальником был избран капитан Захаров, добродушный толстяк. Работали они оба не покладая рук, приходя в полное отчаяние от объема необходимого сделать. Да и что могли они, когда в самой милиции по образцу воинских частей образовался совдеп, созывались митинги, на которых выносились постановления и порицания начальству. И главным обвинением, конечно, выставлялась контрреволюционность...»².

В начале октября 1917 г. уездный и городской комиссар обратился к Екатеринбургской думе с просьбой о реорганизации бюро уголовного розыска, указав: «Участившиеся за последнее время случаи краж и почти открытых нападений на граждан с целью ограбления принимают угрожающие размеры. Население, терроризированное дерзостью грабителей, начинает терять веру во власть, в ее способность обеспечить личную и имущественную безопасность». Более того, по словам репортера газеты «Зауральский край» от 19 октября 1917 г., екатеринбургские милиционеры любили «пошалить», и эти шалости всегда граничили с самым безудержным произволом и самоуправством³.

В. П. Аничков отмечал: «Один только суд остался совершенно нетронутым. По крайней мере в Екатеринбурге первые две – а может, и больше – недели окружной суд выносил постановления от имени Императора, ожидая по этому поводу сенатских указаний.

А центр бездействовал. Бездействовал настолько, что даже не отвечал на телеграфные запросы. Видно было, что там разруха еще большая, чем у нас. В Комитете общественной безопасности ожидали, что в самом непродолжительном времени пришлют новых губернаторов, назначенных Государственной Думой из числа ее членов. Но, увы, этого сделано не было. Все лица, ввергшие и Думу, а следом за ней и всю страну в революцию, оказались далеко не государственными людьми. В сущности, именно им мы больше, чем Керенскому, Ленину и Троцкому, обязаны революцией...

КОБ просуществовал не более трех месяцев. Левые его члены предложили слияние его с Советом рабочих и солдатских депутатов, предоставив ему малое количество мест. А после отказа прекратили посещение заседаний. Последним председателем вместо Л. А. Кроля был избран член местного суда И. С. Сергеев и постепенно, за отсутствием кворума, комитет прекратил свое существование»⁴.

О том, как восприняли буржуазные слои Екатеринбурга августовский корниловский «мятеж» и события октября 1917 г., вспоминал В. П. Аничков: «С праздником „Займа Свободы“ совпали события, связанные с предательством Керенским генерала

¹ Пономарев А. Указ. соч.

² Аничков В. П. Указ. соч.

³ Цит. по: Там же.

⁴ Аничков В. П. Указ. соч.

Корнилова. В сердцах всей буржуазии и интеллигенции Екатеринбурга теплилась вера и надежда на благополучный исход борьбы. Да и как было не верить в успех, если провал выступления означал провал России? Мозг человеческий отказывался верить в захват власти большевиками». Правда, в городе уже тогда власть фактически находилась в руках Советов рабочих и солдатских депутатов, «но учреждения большевикам принадлежали не вполне. После провала выступления Корнилова эти учреждения все больше становились коммунистическими... Из Петрограда шли вести о полном разгроме верных Временному правительству войск... На стороне Временного правительства были лишь юнкера, студенты и гимназисты и лишь небольшая горстка офицеров... В Екатеринбурге никакого противодействия захвату власти большевиками сделано не было. Власть и до этого находилась в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, там она и осталась. По всей вероятности, все более или менее правые депутаты были удалены и заменены коммунистами...»¹

Зачастую власть большевиков на местах устанавливалась, вопреки устоявшемуся в советской литературе мнению, усилиями прибывших из центра революционных солдат и матросов. Так произошло, например, в Вятке². В Тюмени большевики захватили власть с помощью «северного летучего отряда» мичмана С. Д. Павлова 4 января 1918 г.³

Еще раньше, в августе 1917 г., в Екатеринбург из Кронштадта была направлена группа моряков, которой руководил председатель судового комитета РСДРП линкора «Заря свободы» (бывший «Император Александр II») матрос П. Д. Хохряков. Он и возглавил центральный штаб Красной гвардии в Екатеринбурге и стал членом исполкома Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов, а в конце ноября занял пост начальника созданного при исполкоме отдела по борьбе с контрреволюцией. Позднее, после октября 1917 г., «в Екатеринбург из Кронштадта прибыла сотня матросов, „красы и гордости Русской революции“. Начались обыски по квартирам... Официально искалось оружие, но бралось обычно все, что нравилось...»⁴

Партийное и советское руководство Урала и Екатеринбурга в 1917–1918 гг. составили преимущественно профессиональные революционеры. Все они неоднократно побывали в тюрьмах и ссылках и приехали в Екатеринбург после Февральской революции, благодаря которой получили свободу. При этом практически все они были людьми одного поколения в возрасте от 26 до 34 лет.

Так, партийное руководство в городе осуществляли: *Я. М. Свердлов* (1885–1919), в партии с 1901 г., в апреле 1917 г. руководил 1-й Уральской свободной конференцией большевиков, воссоздавшей областной комитет партии, с 8 ноября – председатель ВЦИК; *Н. Н. Крестинский* (1883–1938), в партии с 1903 г., с апреля 1917 г. – председатель обкома партии, с 29 октября по 22 ноября 1917 г. – председатель военно-революционного комитета (претендовал на высшую власть в городе), в декабре 1917 г. уехал в Петроград; *И. М. Малышев* (1889–1918), единственный уроженец Урала (г. Верхотурье), в партии с 1907 г., с 1915 г. – член Екатеринбургского комитета партии, с февраля 1917 г. – его председатель, с апреля – член Уралобкома партии, затем замести-

¹ Аничков В. П. Указ. соч.

² Тимкин Ю. Н. К вопросу об установлении советской власти в г. Вятке // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1995. С. 120–121.

³ Московкин В. В. 1917 год в Тобольской губернии // Вестн. Тюменского гос. ун-та. Сер. История. 1996. Вып. 1. С. 32–45.

⁴ Аничков В. П. Указ. соч. С. 61.

тель председателя городского и член Уральского областного советов, с января 1918 г. – председатель Уралобкома партии, член облисполкома; *И. И. Голощекин* (1876–1941), в партии с 1903 г., в мае 1917 г. – член Пермского городского комитета партии, а в июле – член и секретарь Уралобкома партии в Екатеринбурге, с января 1919 г. – областной комиссар юстиции, комиссар Уральского военного округа, член исполкома облсовета, член обкома партии; *И. А. Акулов* (1888–1939), в партии с 1907 г., с декабря 1917 г. по январь 1918 г. – секретарь Екатеринбургского комитета партии, с января по апрель 1918 г. – Уралобкома партии, с сентября 1918 г. по январь 1919 г. – председатель Вятского губкома партии и губисполкома, с 1930 г. – первый заместитель председателя ОГПУ, в 1933–1935 гг. – прокурор СССР.

Советское руководство осуществляли: *Л. С. Сосновский* (1886–1937), в партии с 1904 г., в апреле 1917 г. избран членом Уралобкома партии, а в августе – председателем Уральского облсовета рабочих и солдатских депутатов и Уральского облсовета профсоюзов, в октябре – председателем Екатеринбургского совета; *С. К. Тарабукин (Тарин)* (1878–?), единственный в городском руководстве член партии эсеров (с 1903 г.), с марта 1917 г. – председатель Екатеринбургского комитета партии эсеров, с июня 1917 г. по январь 1918 г. – товарищ председателя исполкома Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Екатеринбургского и член исполкома Уральского советов крестьянских депутатов¹; *П. М. Быков* (1888–1953), в партии с 1902 г., в 1917 г. – прапорщик Екатеринбургского гарнизона, в марте того же года – председатель Екатеринбургского совета солдатских депутатов, входил в состав Екатеринбургского окружного и Уральского областного советов, с ноября 1917 г. – гласный Екатеринбургской городской думы; *В. Н. Андронников* (1885–1942), в партии с 1905 г., кандидат в члены Уральского обкома партии, в июне 1917 г. – председатель окружного совета, с января по февраль 1918 г. – председатель Уралоблсовета; *С. Е. Чуцкаев* (1876–1944), в партии с 1903 г., эмигрант, после февраля 1917 г. избран городским головой, член облсовета, после октября – член исполкома облсовета, председатель Екатеринбургского совета и один из заместителей председателя областной ЧК; *Г. И. Сафаров (Вольпин)* (1891–1942), в партии с 1908 г., эмигрант, после февраля 1917 г. вместе с Лениным и Зиновьевым вернулся в Россию, с сентября 1917 г. – товарищ председателя Уралоблсовета, одновременно с января 1918 г. – товарищ председателя, член президиума Уралобкома партии.

Ряд активных большевиков Екатеринбурга были арестованы как раз накануне Февральской революции. 16 января 1917 г. Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ивановский докладывал прокурору Екатеринбургского окружного суда о заключении им под стражу в Екатеринбургскую уездную тюрьму *И. М. Малышева*, *С. В. Мрачковского* (будущий командующий войсками Приуралья военного округа), *А. К. Лепы* (будущий член Екатеринбургского совета и Уралобкома РСДРП(б)), кандидат в члены ЦК ВКП(б), *С. Ф. Баранова* (будущий член Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)), *А. Л. Фектера*, *Л. Л. Дзерве*, *Е. И. Кочкиной*².

Тот же ротмистр Ивановский докладывал прокурору Судебной палаты, что, «по имеющимся у помощника начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском и Шадринском уездах агентурным данным, в июле 1916 г. в Верх-Исетском заводе под руководством прибывшего на Урал студента-техноло-

¹ На первом после захвата города белыми заседании городской думы, состоявшемся 31 июля 1918 г., *С. К. Тарабукин* был избран гласным от партии эсеров (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1994. Л. 2).

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 44. Л. 82.

га, фамилию которого выяснить не удалось, организовалась группа большевиков...». Среди руководителей группы названы И. М. Малышев, С. Ф. Баранов, А. Л. Фехтер, С. В. Мрачковский, а также Герш-Лейба Сосновский¹.

Но грянул Февраль. И уже 3 марта 1917 г. ротмистр Ивановский по соглашению с прокурором Екатеринбургского окружного суда, пермским губернатором и особоуполномоченным по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам генералом Фортвенглером постановил «вышеупомянутых лиц из-под стражи освободить»².

Я. М. Юровский вспоминал о деятельности большевистской организации в городе: «Я бы начал с первых дней – кто у нас был в организации: Вайнеры двое, Линде, Лепа, Яков Шейнкман, Жилинский, Уфимцева Мария Николаевна, Кривоногов (Невский), Сосновский, Клавдия Завьялова, Горохов, Парамонов, интернационалист-меньшевик Пиньжаков Василий, Быков Павел, Медведко, Бартенев, Давыдов, Авдеев (с Злоказовского завода), Ермаков, Иван Мрачковский, Малышев, М. Юровская, Я. Юровский, Украинцев (с завода Злоказова). Первый подпольный комитет был на Фетисовской улице дом № 6. Там же был и подпольный комитет Союза печатников. Хозяином квартиры был тов. Медведко (член партии). Обязанности партийного секретаря выполнял т. Линде...»³

Несложно представить, как относились к царскому режиму революционеры, лучшие годы жизни проводившие в тюрьмах, ссылках, эмиграции. Академик В. В. Алексеев отмечает, что, возвращаясь из сибирской ссылки, Я. М. Свердлов и Ф. И. Голощекин «покаялись застрелить „Николая Кровавого“»⁴. Г. И. Сафаров (Вольпин) писал: «Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца... Николай второй был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда февральская революция опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить „по недоразумению“»⁵. Я. М. Юровский в воспоминаниях 1922 г. заметил: «Восставший пролетариат, забитый нуждой, безграмотный, имел полную возможность и полное право излить свою вековую злобу на попавших в их руки злодеев»⁶.

Немаловажно следующее соображение: солдат-строитель, а затем член Совета рабочих депутатов в пос. Таватуй, екатеринбургский чекист, участник расстрела царской семьи Г. П. Никулин считал, что с царем поступили даже гуманно, расстреляв его без пыток. В своем интервью в 1964 г. он заявил: «Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски»⁷.

Каков был реальный путь в революцию, по крайней мере у некоторых большевиков, можно судить по автобиографии одного из соратников Я. М. Свердлова Николай Ивановича Дербышева (1879–1955). Написанная в 1925 г., сразу после победы в Гражданской войны, она поражает редкой откровенностью. «Родился в Томске... Отец мой – кожевник... к моменту моего рождения жил не нуждаясь... С 14 лет – ученик

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 44. Л. 85.

² Там же. Л. 93.

³ Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 3.

⁴ Алексеев В. В. Тайна века // Урал в панораме XX века. С. 137.

⁵ Сафаров Г. Казнь Николая Кровавого // Уральский рабочий. 1918. 23 июля; см.: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149а. Л. 338. Цит. по: Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. С. 56.

⁶ Юровский Я. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0. С. 108–116.

⁷ Плотников И. Ф. Указ. соч. С. 90.

в типографии... Втянулся в пьянку, забросил охоту и все свободное время проводил в пьяной компании. Ранняя половая жизнь и пьянки не удовлетворяли меня, появилось стремление к чему-то необычному... В 1896 г. я уже вступил в только что начавшуюся организацию Сибирского социал-демократического союза... После года одиночного заключения был выслан в г. Омск... В Омске организовал большевистский комитет... арестован и просидел около трех лет в тюрьме, затем сослан в г. Березов на 4 года... После 2,5 лет ссылки по амнистии 1905 г. приехал в Екатеринбург и сразу же вошел в Уральский областной комитет, где работал с покойным Я. М. Свердловым... После 9 месяцев тюрьмы был сослан в Олонецкую губернию... откуда бежал и жил нелегально в Петрограде почти до Февральской революции... За это время годы тюрьмы, где пришлось много читать и думать, создали из меня – бурного и эксцентричного человека – более или менее уравновешенного революционера борца... Я не любил подчиняться никому. Я был по природе непокорный и самолюбивый, но Андрея (подпольная кличка Свердлова. – К. С.) я любил, и слова его были для меня законом... Рабочие выбрали меня председателем центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда... После Октябрьской революции принял пост народного комиссара по делам печати... После фронтовой борьбы с Юденичем, заболев тяжелой формой истерии, был отправлен на отдых в Одессу, но по приезде туда был назначен комиссаром транспорта Черного моря... В 1921 г. выбран на съезде председателем ЦК печатников... Одновременно с этим три года выбирался членом пленума ВЦСПС и членом ВЦИКа РСФСР и ЦИКа СССР»¹.

Не сразу большевистские руководители становились похожими на те портреты, которые впоследствии описывали авторы учебников истории КПСС и героических биографий. «В период июльских дней 1917 г. у нас происходило соглашение с эсерами и меньшевиками для отпора Корнилову... – откровенно повествовал Я. М. Юровский. – Второе соглашение, насколько помню, было в период после Октября, в связи с отсутствием сведений о положении в Петербурге и других центрах России (курсив мой. – К. С.), так как почтово-телеграфные работники, вернее союз их, саботировали и сведений никаких не давали. Кроме того, в указанный период были большие производственные затруднения и на почве этих затруднений голод...»²

«После Октября прошел слух о движении казаков со стороны Московского тракта. Но навстречу им были выдвинуты 10-я и 15-я роты 108 полка и конского запаса во главе не с большевиком, а беспартийным поручиком Браницким. Большевики в это время срочно создавали объединенный революционный комитет... („2–3 дня сидели ночи напролет, вели переговоры“ Вайнер, Крестинский, Юровский, эсеры Доброклонский, Хотимский)... В революционный комитет вошли Крестинский, (как будто) Войков и поручик Браницкий... Сосновский, который был в тот период председателем октябрьского большевистского Совета, где-то отсутствовал (сдрейфил, очевидно, где-то прятался)... Это было несомненно результатом паникерства в части Уральской организации... дней через 20 Крестинский заявил, что Революционный комитет заканчивает свое существование и власть снова переходит целиком в руки Советов»³.

Важную роль в ликвидации дореволюционного суда сыграл знаменитый Декрет Совнаркома от 24 ноября 1917 г., который вошел в историю как Декрет о суде № 1. Он предписывал упразднить прежние общие судебные установления, институт су-

¹ Деятели СССР и революционного движения России: энциклопед. словарь. М., 1989. С. 406–407.

² Там же.

³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 7–8.

дебных следователей, прокуратуру, адвокатуру, приостановить действие института мировых судей и создать местные суды. Тем не менее даже после принятия Декрета в ряде мест некоторое время сохранялись старые суды. В литературе данное обстоятельство объясняется влиянием партии левых эсеров, входивших в коалицию с большевиками до июля 1918 г. Эта партия стремилась сохранить основы судебно-следственной системы, предусмотренной Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Кроме того, сказывались несвоевременное доведение до местных властей текста Декрета, их нерасторопность, наличие более неотложных задач. Так, Екатеринбургский совет в январе 1918 г. вместо того, чтобы ликвидировать прокуратуру, взял у прокурора Окружного суда подписку в том, что его действия не будут противоречить распоряжениям органов Советской власти. Органы, подлежащие упразднению, продолжали функционировать в Омске, Туле, Курганском уезде Тобольской губернии, в Ставропольской губернии¹.

В силу Декрета о суде № 1 также создавались рабочие и крестьянские революционные трибуналы. Судьи и заседатели ревтрибуналов избирались местными органами Советской власти. Лиц, совершивших государственные преступления, следовало судить по новым советским законам либо на основе правосознания трудящихся классов. Сложным оказался вопрос, что делать с теми, кто сопротивлялся революционному движению еще в царской России. Речь шла о сотрудниках царского политического сыска, а также о провокаторах и предателях.

В трудах К. Маркса имелся ответ и на этот чисто практический вопрос: «Когда успешно совершают революцию, можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебный приговор. Их можно убрать с дороги как побежденных врагов, но нельзя судить как преступников. После совершенной революции или контрреволюции нельзя обращать ниспровергнутые законы против защитников этих законов»². К чему привела попытка применить старые законы к противникам нового режима, показала деятельность Временного правительства: созданная им специальная чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противоправных деяний высших чиновников царизма вынуждена была их освободить за отсутствием состава преступления.

До принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. законодательство не предусматривало ответственности за контрреволюционные деяния, совершенные до Октябрьской революции, однако активные поборники царского режима и провокаторы привлекались к уголовной ответственности. 19 декабря 1917 г. Наркомат юстиции принял Инструкцию о революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний³, которая устанавливала исчерпывающий перечень применявшихся ревтрибуналами наказаний, не включивший, однако, смертную казнь (расстрел). В результате в декабре 1917 г. – первой половине 1918 г. ревтрибуналы зачастую прибегали к чрезмерно мягким, с точки зрения большевиков, наказаниям.

Советские историки еще в 1990 г. писали: «Недостатки в организации и деятельности ревтрибуналов привели к тому, что органы ВЧК вынуждены были внесудебным порядком разрешать некоторые уголовные дела, что наносило ущерб авторитету со-

¹ Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990. С. 21.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 256.

³ Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

ветского правосудия, ибо органы ВЧК иногда непосредственно применяли уголовное право, не проводя судебного следствия... Чрезвычайные комиссии как бы дополняли то, что не успевали сделать ревтрибуналы»¹.

Чтобы очертить историю создания и деятельность чрезвычайных органов Советской власти в Екатеринбурге, необходимо перенестись в следующий, самый короткий в современной истории страны (из-за перехода на григорианский календарь) 1918 г.

Библиография

Алексеев В. В. Тайна века // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.

Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922 // URL: <http://mobooka.ru/?tp=book&path>.

Борьба. 1917. 29 марта // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/567>.

Вехи истории 1917–1920. Выставка архивных документов. Екатеринбург, 2007.

Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М., 1971 (Жизнь замечательных людей: сер. биограф. Вып. 13).

Государственный архив Свердловской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1994. Л. 2; Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–44; Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 26. Л. 7; Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 60. Л. 16.

Деятели СССР и революционного движения России: энциклопед. словарь. М., 1989.

Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002.

Зауральский край. 1917. 22 марта // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/567>.

Инструкция о революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний от 19 декабря 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.

Московкин В. В. 1917 год в Тобольской губернии // Вестн. Тюменского гос. ун-та. Сер. История. 1996. Вып. 1.

Павлова Л. А. Творить суд по закону и чистой совести... Екатеринбург, 2004.

Плотников И. Ф. Двоюродные братья В. И. Ленина (Ульянова) Ардашевы и их родословная. Екатеринбург, 2005.

Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург, 2008. Т. 2.

Пономарев А. Как работала городская Дума Екатеринбурга между двух революций в 1917 году. Интересные параллели // URL: <http://www.ystav.com/edyard-koridorov-rasskazal-kak-zhil-ekaterinburg-mezhdy-dvuyh-revolutsij-v-1917-gody>.

Попов Н. Н. Время смуты и катастроф (1914–1921) // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.

Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990.

Сафаров Г. Казнь Николая Кровавого // Уральский рабочий. 1918. 23 июля.

Свод памятников истории и культуры Свердловской области: в 2 т. Екатеринбург. 2007. Т. 1.

Смыкалин А. С. История судебной системы России. М., 2010.

Тимкин Ю. Н. К вопросу об установлении советской власти в г. Вятке // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1995.

Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 44. Л. 82, 85, 93; Д. 65. Л. 132; Д. 71. Л. 61, 77, 78; Д. 103. Л. 57–60; Д. 149а. Л. 338; Оп. 2. Д. 28. Л. 3, 7–8, 14, 17–19.

Эпоха больших потрясений (1914–1917) // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/545>.

Юровский Я. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0.

Bibliography

Alekseev V. V. Tajna veka // Ural v panorame XX veka. Ekaterinburg, 2000.

Anichkov V. P. Ekaterinburg – Vladivostok. 1917–1922 // URL: <http://mobooka.ru/?tp=book&path>.

Bor'ba. 1917. 29 marta // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/567>.

¹ Портнов В. П., Славин М. М. Указ. соч. С. 60.

- Centr dokumentacii obshhestvennykh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 41. Op. 1. D. 44. L. 82, 85, 93; D. 65. L. 132; D. 71. L. 61, 77, 78; D. 103. L. 57–60; D. 149a. L. 338; Op. 2. D. 28. L. 3, 7–8, 14, 17–19.
- Deyateli SSSR i revolyucionnogo dvizheniya Rossii: ehncikloped. slovar'. M., 1989.
- Ehpoxa bol'shix potryasenij (1914–1917) // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/545>.
- Ekaterinburg: ehnciklopediya. Ekaterinburg, 2002.
- Gorodeckij E., Sharapov Yu. Sverdlov. M., 1971 (Zhizn' zamechatel'nyx lyudej: ser. biogr. Vyp. 13).
- Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti. F. 8. Op. 1. D. 1994. L. 2; F. R-674. Op. 1. D. 1. L. 43–44; F. R-1204. Op. 1. D. 26. L. 7; F. R-1573. Op. 1. D. 60. L. 16.
- Instrukciya o revolyucionnom tribunale, ego sostave, delax, podlezhashhix ego vedeniyu, nalagaemyx im nakazaniyax i o poryadke vedeniya ego zasedanij ot 19 dekabrya 1917 g. // Sobranie zakonov RSFSR. 1917. № 12. St. 170.
- Marks K., Ehngel's F. Soch. 2-e izd. T. 4.
- Moskovkin V. V. 1917 god v Tobol'skoj gubernii // Vestn. Tyumenskogo gos. un-ta. Ser. Istoriya. 1996. Vyp. 1.
- Pavlova L. A. Tvorit' sud po zakonu i chistoj sovesti... Ekaterinburg, 2004.
- Plotnikov I. F. Dvojurodnye brat'ja V. I. Lenina (Ul'janova) Ardashevy i ih rodoslovnaja. Ekaterinburg, 2005.
- Plotnikov I. F. Pravda istorii. Gibel' carskoj sem'i. Ekaterinburg, 2008. T. 2.
- Ponomarev A. Kak rabotala gorodskaya Duma Ekaterinburga mezhdv dvux revolyucij v 1917 godu. Interesnye paralleli // URL: <http://www.ystav.com/edyard-koridorov-rasskazal-kak-zhil-ekaterinburg-mezhdy-dvyh-revolyutsij-v-1917-gody>.
- Popov N. N. Vremya smuty i katastrof (1914–1921) // Ural v panorame XX veka. Ekaterinburg, 2000.
- Portnov V. P., Slavin M. M. Stanovlenie pravosudiya Sovetskoj Rossii (1917–1922 gg.). M., 1990.
- Safarov G. Kazn' Nikolaya Krovavogo // Ural'skij rabochij. 1918. 23 iyulya.
- Smykalin A. S. Istoriya sudebnoj sistemy Rossii. M., 2010.
- Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti: v 2 t. Ekaterinburg. 2007. T. 1.
- Timkin Yu. N. K voprosu ob ustanovlenii sovetskoj vlasti v g. Vyatke // Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashhem. Kirov, 1995.
- Vexi istorii 1917–1920. Vystavka arxivnyx dokumentov. Ekaterinburg, 2007.
- Yurovskij Ya. Ispoved' palacha // Istochnik. 1993. № 0.
- Zaural'skij kraj. 1917. 22 marta // URL: <http://www.eqd.ru/abaut/481/515/567>.

О КРИЗИСЕ СВОБОД ШЕНГЕНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Молоков Алексей Игоревич

Магистрант Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: Legion52008@gmail.com

Автор высказывает мнение о том, что кризисные явления в ЕС непосредственно влияют на пространство свободы, безопасности и правосудия (ПСБП), образовавшееся в результате действия Шенгенского соглашения. Выделены два основных направления реформирования ПСБП, приведена информация о законопроектах в этой сфере.

Ключевые слова: шенгенское право, миграция, интеграционные процессы

ON THE CRISIS OF SCHENGEN FREEDOMS

Molokov Alexsey

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: Legion52008@gmail.com

The author points out that crises in the EU directly influence the common space of freedom, security and justice, which was formed in result of the Schengen Agreement. Two major areas of reforming of the mentioned space are presented; some EU draft laws concerning this issue are described.

Key words: Schengen law, immigration, integration processes

Понятие кризиса в Европе чаще всего связывают с длительным европейским кризисом, который начал зарождаться в 2009 г.¹ в финансовой сфере и выразился в росте государственных заимствований ряда европейских стран. Впоследствии кризис охватил почти всю зону евро. Сегодня понятие «кризис в Европе» можно рассматривать как собирательное, включающее в себя кризисные явления в различных областях европейской интеграции.

Кризис не смог обойти стороной и один из главных проектов, реализуемых в рамках Европейского союза, – пространство свободы, безопасности и правосудия (далее – ПСБП).

Сейчас проект ПСБП, осуществляемый наравне с введением зоны евро, созданием внутреннего рынка, единого таможенного пространства, выступает не только сферой для сотрудничества, но и одним из атрибутов общеевропейской интеграции. Главные достижения последней – отмена паспортно-визового контроля на внутренних границах, возможность свободного перемещения в границах Шенгенской зоны, формирование единого правового пространства.

Определим основные проблемы, связанные с эволюцией пространства свободы, безопасности и правосудия, а также векторы реформирования данной системы.

Одна из главных проблем – неконтролируемая миграция в ЕС, которая, без сомнения, приводит к снижению эффективности механизма пересечения внешних и внутренних границ. Любые трудности, возникающие в данной сфере, неизбежно

¹ Бардина Л. Европейский долговой кризис: причины, последствия и варианты решения // URL: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts01273>.

окажут пагубное влияние на все пространство свободы, безопасности и правосудия, поскольку именно отмена контроля на внутренних границах стала движущей силой Шенгенского процесса.

Серьезным вызовом для ЕС в области ПСБП стали события, связанные с массовым притоком нелегальных мигрантов в Италию. Весной 2011 г. большая группа нелегальных мигрантов из Северной Африки прибыла на итальянский остров Лампедуза¹. Италия обратилась за помощью в Европейскую комиссию, однако, не получив поддержки, приступила к оформлению и выдаче мигрантам необходимых документов, дающих им право свободно перемещаться по территории Шенгенского пространства. В ответ на действия итальянских властей Франция в одностороннем порядке временно восстановила контроль на франко-итальянской границе с целью предотвращения перемещения на свою территорию почти 25 тыс. североафриканских мигрантов². Ситуация обострилась, когда в мае 2011 г. об одностороннем восстановлении контроля на внутренних границах заявила Дания³.

Дело в том, что государства-члены ЕС не вправе осуществлять пограничный контроль на внутренних границах. Согласно их законодательству восстановление контроля возможно лишь в исключительных случаях и только на временной основе. Неоправданные внутренние пограничные проверки указывают на нарушение фундаментального принципа Шенгенского пространства – права на свободу передвижения. В этом случае все остальные шенгенские достижения – единая виза, право иностранцев на свободные перемещения в рамках Шенгенского пространства и т. д. – теряют смысл.

Становится ясно, что Шенгенская система недостаточно эффективна для того, чтобы справиться со слабостями отдельных государств-членов в критических ситуациях и предотвратить потенциальные угрозы. Данные проблемы способствуют постановке новых задач, требующих немедленного решения. ЕС необходимо реформировать созданное в результате действия Шенгенских соглашений пространство, чтобы обеспечить его сохранение и дальнейшее развитие.

Можно выявить два направления реформирования европейского ПСБП. С одной стороны, ЕС пытается внедрить новые механизмы и поддержать углубление интеграции. С другой – ЕС приступил к ликвидации слабых мест в существующих механизмах.

Первый вектор развития связан с дальнейшим укреплением внешних границ Шенгенского пространства. В политическом лексиконе ЕС возникло образное понятие «fortress Europe» («крепость Европа»), обозначающее надежную систему защиты внешних границ ЕС, а в повестку дня включен вопрос создания «электронной крепости», т. е. внедрения и максимального использования в сфере охраны и контроля границ современных информационных технологий. По мнению европейских политиков, применение информационных технологий позволит, кроме прочего, более эффективно осуществлять пограничный контроль.

Ключевая роль в сфере охраны границ принадлежит программе «EUROSUR» («Европейская система наблюдения за внешними границами» – «ЕВРОСУР»), а в области пограничного контроля – программе «Smart Borders» («Умные границы»). Послед-

¹ Зонова Т. Италия: вызовы иммиграции // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=52#top.

² Соколов А. Выдержит ли остров Лампедуза? // Вся Европа. 2011. № 4; URL: <http://www.alleuropa.ru/vidershhit-li-ostrov-lampedusa>.

³ Чернышов И. Дания отгораживается от соседей // Вся Европа. 2011. № 7–8; URL: <http://www.alleuropa.ru/daniya-otgorazhivaetsya-ot-sosedey>.

няя предполагает реализацию мер, нацеленных на оптимизацию системы пропуска через границу, и содержит два основных компонента: систему регистрации въезда / выезда и программу регистрации путешественников¹. Система регистрации въезда / выезда предполагает регистрацию всех въезжающих на территорию Шенгенского пространства и выезжающих с нее граждан и может быть воплощена в виде единой программы или программы, объединяющей национальные системы. Программа регистрации путешественников создана для законопослушных и добросовестных граждан третьих стран, регулярно посещающих Шенгенское пространство. Статус участника программы дает иностранцу возможность пересечения границы в упрощенном автоматическом порядке. Фактически это значит, что иностранец, являющийся участником данной программы, пересекает границу через электронный пункт контроля без прямого контакта с сотрудником пограничной службы. Сотрудники погранслужбы осуществляют лишь визуальный контроль за правильностью прохождения гражданами процедур, предусмотренных программой.

«Smart Borders» в значительной мере облегчает пересечение границы, понижает уровень коррупции на границе и уменьшает влияние человеческого фактора. Впервые о возможности внедрения элементов инициативы «Smart Borders» было заявлено в 2008 г., Европейская комиссия подготовила сообщение о системе въезда / выезда на внешних границах Шенгенского пространства и облегчения перемещения через границы добросовестных путешественников². По результатам неформальной министерской встречи по вопросам юстиции и внутренних дел в Сопоте был представлен доклад по инициативе «Smart Borders»³. Авторы рассуждали, в частности, о том, насколько эффективной станет предлагаемая к внедрению система, будут ли расходы на ее установку и поддержание пропорциональны полученным результатам.

28 февраля 2013 г. Европейская комиссия подготовила пакет законопроектов, нацеленных на реализацию программы «Smart Borders»: проект регламента об учреждении системы регистрации въезда / выезда⁴, проект регламента о внедрении программы регистрации путешественников⁵, проект регламента об изменении Шенгенского кодекса о границах в связи с использованием системы регистрации въезда / выезда и программы регистрации путешественников⁶.

¹ «Smart Borders»: enhancing mobility and security // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-162_en.htm.

² Communication from the Commission to the European Parliament and to the Council on an Entry / Exit System at the external borders of the European Union, facilitation of border crossings for *bona fide* travellers, and an electronic travel authorisation system. Brussels, COM(2008) final // URL: <http://www.statewatch.org/news/2008/feb/eu-com-exit-entry.pdf>.

³ Informal meeting of the Justice and Home Affairs Ministers. 18–19 July 2011, Sopot // URL: <http://www.statewatch.org/news/2011/jul/eu-council-informal-jha-smart-borders.pdf>.

⁴ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing an Entry / Exit System (EES) to register entry and exit data of third country nationals crossing the external borders of the Member States of the European Union. Brussels, 28 February 2013 COM(2013) 95 final 2013/0057 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v12.pdf.

⁵ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Registered Traveller Programme. Brussels, 28 February 2013 COM(2013) 97 final 2013/0059 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v14.pdf.

⁶ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) № 562/2006 as regards the use of the Entry / Exit System (EES) and the Registered Traveller Programme (RTP). Brussels, 28 February 2013 COM (2013) 96 final 2013/0060 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v6.pdf.

В конце 2011 г. Европейская комиссия представила проект регламента об учреждении «EUROSUR», но он пока не принят¹. «EUROSUR» должна представлять собой механизм сотрудничества и обмена информацией, позволяющий государствам-членам ЕС более эффективно осуществлять охрану границ². Данная система ориентирована преимущественно на южные морские и восточные сухопутные границы Союза. Однако в дальнейшем она будет распространена на все участки границ. Ключевую роль в этом механизме должно выполнять Европейское агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов Европейского союза («Frontex»), которое возьмет на себя, в том числе, функции его администрирования.

Планируется, что «EUROSUR» будет поддерживать тесные контакты с третьими странами, однако этот вопрос станет актуальным только после полного внедрения механизма.

Укажем второе направление реформирования ПСБП. В мае 2011 г. в ответ на франко-итальянский конфликт, связанный с временным проведением пограничных проверок на внутренних границах, Европейская комиссия представила сообщение о миграции, в котором посчитала возможным изменение установленного порядка данных проверок³. Инициатива нацелена на то, чтобы сделать механизм временного восстановления контроля на внутренних границах более понятным и эффективным и одновременно устранить возможность злоупотребления этим правом государствами-членами ЕС.

С точки зрения Европейской комиссии, укрепление и сохранение Шенгенского пространства возможно лишь путем усиления наднациональных институтов и механизмов урегулирования вопросов, касающихся перемещения лиц через внутренние границы ЕС. В частности, Комиссия пришла к выводу о том, что государства-члены ЕС должны иметь право на временное восстановление контроля на внутренних границах в любых экстренных ситуациях, однако такое решение надлежит принимать не самим государствам, а Европейской комиссии с учетом мнения всех стран Союза.

Комиссия исходила из следующего постулата: право на свободу передвижения, которое использует большинство граждан ЕС, нельзя ставить под угрозу односторонним решением отдельных государств-членов ЕС. Подобные решения на национальном уровне должны быть минимизированы, а общеевропейские интересы – обеспечены в рамках Шенгенского пространства.

Таким образом, Европейская комиссия надеялась взять под свой контроль принятие такого рода решений посредством реформирования системы временного восстановления контроля на внутренних границах. 16 сентября 2011 г. Комиссия представила сообщение⁴ и проект соответствующего регламента об изменении Шенгенского кодекса о границах. Согласно данному документу окончательное решение

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the European Border Surveillance System (EUROSUR). Brussels, 12 December 2011 COM(2011) 873 final 2011/0427 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/home-affairs/doc_centre/borders/docs/eurosur%20final.pdf.

² Commission Staff Working Paper Determining the technical and operational framework of the European Border Surveillance System (EUROSUR) and the actions to be taken for its establishment. Brussels, 28 January 2011, SEC(2011) 145 final // URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%205934%202011%20INIT>.

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Economic and social Committee of the regions on migration. Brussels, 4 May 2011, COM(2011) 248 final // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/pdf/1_en_act_part1_v11_en.pdf.

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. Schengen governance – strengthening the area without internal

о восстановлении контроля на внутренних границах должна принимать Комиссия. Государства-члены могут лишь ходатайствовать об осуществлении данной меры, право на самостоятельное принятие решений о восстановлении контроля сохраняется за ними только в исключительных случаях и только на период до пяти дней¹.

По мнению разработчиков законопроекта, восстановление контроля на внутренних границах должно восприниматься как крайняя мера, принимаемая, когда другие средства не могут устранить угрозу общественному порядку или внутренней безопасности. В частности, как полагает Европейская комиссия, прибытие около 25 тыс. экономических мигрантов весной 2011 г. нельзя считать веским основанием для осуществления пограничных проверок.

Подготовка указанных законопроектов может быть расценена как очередной этап «коммунитаризации» законодательства Союза о свободе передвижения граждан. Если законопроекты будут приняты, государства-члены ЕС утратят еще одну часть своего суверенитета, соответственно уменьшится значимость государственных границ внутри ЕС.

Библиография

Commission Staff Working Paper Determining the technical and operational framework of the European Border Surveillance System (EUROSUR) and the actions to be taken for its establishment. Brussels, 28 January 2011, SEC(2011) 145 final // URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%205934%202011%20INIT>.

Communication from the Commission to the European Parliament and to the Council on an Entry / Exit System at the external borders of the European Union, facilitation of border crossings for *bona fide* travellers, and an electronic travel authorisation system. Brussels, COM(2008) final // URL: <http://www.statewatch.org/news/2008/feb/eu-com-exit-entry.pdf>.

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Economic and Social Committee of the regions on migration. Brussels, 4 May 2011, COM(2011) 248 final // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/pdf/1_en_act_part1_v11_en.pdf.

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. Schengen governance – strengthening the area without internal border control. Brussels, 16 September 2011 COM(2011) 561 final // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/news/intro/docs/20110916/1_en_act_part1_v8.pdf.

Informal meeting of the Justice and Home Affairs Ministers. 18–19 July 2011, Sopot // URL: <http://www.statewatch.org/news/2011/jul/eu-council-informal-jha-smart-borders.pdf>.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing an Entry / Exit System (EES) to register entry and exit data of third country nationals crossing the external borders of the Member States of the European Union. Brussels, 28 February 2013 COM(2013) 95 final 2013/0057 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v12.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Registered Traveller Programme. Brussels, 28 February 2013 COM(2013) 97 final 2013/0059 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v14.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) № 562/2006 as regards the use of the Entry / Exit System (EES) and the Registered Traveller Programme (RTP). Brussels, 28 February 2013 COM (2013) 96 final 2013/0060 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v6.pdf.

border control. Brussels, 16 September 2011 COM(2011) 561 final // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/news/intro/docs/20110916/1_en_act_part1_v8.pdf.

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) № 562/2006 in order to provide for common rules on the temporary reintroduction of border control at internal borders in exceptional circumstances. Brussels, 16 September 2011, COM(2011) 560 final 2011/0242 (COD) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0560:FIN:EN:PDF>.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the European Border Surveillance System (EUROSUR). Brussels, 12 December 2011 COM(2011) 873 final 2011/0427 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/home-affairs/doc_centre/borders/docs/eurosur%20final.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) № 562/2006 in order to provide for common rules on the temporary reintroduction of border control at internal borders in exceptional circumstances, Brussels, 16 September 2011, COM(2011) 560 final 2011/0242 (COD) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0560:FIN:EN:PDF>.

«Smart Borders»: enhancing mobility and security // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-162_en.htm.

Бардина Л. Европейский долговой кризис: причины, последствия и варианты решения // URL: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts01273>.

Зонова Т. Италия: вызовы иммиграции // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=52#top.

Соколов А. Выдержит ли остров Лампедуза? // Вся Европа. 2011. № 4; URL: <http://www.alleuropa.ru/viderzhit-li-ostrov-lampeduza>.

Чернышов И. Дания отгораживается от соседей // Вся Европа. 2011. № 7–8; URL: <http://www.al-leuropa.ru/daniya-otgorazhivaetsya-ot-sosedey>.

Bibliography

Bardina L. Evropejskij dolgovoј krizis: prichiny, posledstviya i varianty resheniya // URL: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts01273>.

Chernyshov I. Daniya otgorazhivaetsya ot sosedej // Vsyа Evropa. 2011. № 7–8; URL: <http://www.alleuropa.ru/daniya-otgorazhivaetsya-ot-sosedey>.

Commission Staff Working Paper Determining the technical and operational framework of the European Border Surveillance System (EUROSUR) and the actions to be taken for its establishment, Brussels, 28 January 2011, SEC(2011) 145 final // URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%205934%202011%20INIT>.

Communication from the Commission to the European Parliament and to the Council on an Entry / Exit System at the external borders of the European Union, facilitation of border crossings for *bona fide* travellers, and an electronic travel authorisation system. Brussels, COM(2008) final // URL: <http://www.statewatch.org/news/2008/feb/eu-com-exit-entry.pdf>.

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Economic and Social Committee of the regions on migration. Brussels, 4 May 2011, COM(2011) 248 final // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/pdf/1_en_act_part1_v11_en.pdf.

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. Schengen governance – strengthening the area without internal border control. Brussels, 16 September 2011 COM(2011) 561 final // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/news/intro/docs/20110916/1_en_act_part1_v8.pdf.

Informal meeting of the Justice and Home Affairs Ministers. 18–19 July 2011, Sopot // URL: <http://www.statewatch.org/news/2011/jul/eu-council-informal-jha-smart-borders.pdf>.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing an Entry / Exit System (EES) to register entry and exit data of third country nationals crossing the external borders of the Member States of the European Union. Brussels, 28 February 2013 COM(2013) 95 final 2013/0057 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v12.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Registered Traveller Programme. Brussels, 28 February 2013 COM(2013) 97 final 2013/0059 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v14.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) № 562/2006 as regards the use of the Entry / Exit System (EES) and the Registered Traveller Programme (RTP). Brussels, 28 February 2013 COM (2013) 96 final 2013/0060 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v6.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the European Border Surveillance System (EUROSUR). Brussels, 12 December 2011 COM(2011) 873 final 2011/0427 (COD) // URL: http://ec.europa.eu/home-affairs/doc_centre/borders/docs/eurosur%20final.pdf.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) № 562/2006 in order to provide for common rules on the temporary reintroduction of border control at internal borders in exceptional circumstances, Brussels, 16 September 2011, COM(2011) 560 final 2011/0242 (COD) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0560:FIN:EN:PDF>.

«Smart Borders»: enhancing mobility and security // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-162_en.htm.

Sokolov A. Vyderzhit li ostrov Lampeduza? // *Vsya Evropa*. 2011. № 4; URL: <http://www.alleuropa.ru/viderzhit-li-ostrov-lampeduza>.

Zonova T. Italiya: vyzovy immigracii // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=52#top.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ:
ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА****Иванова Светлана Анатольевна**

Кандидат юридических наук, доцент

Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),

e-mail: spgms@mail.ru

**THE URGENT PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON CIVIL SERVICE
AND THE WAYS OF THEIR RESOLUTION:
A REVIEW OF THE ROUND TABLE****Ivanova Svetlana**

Urals State Law University (Yekaterinburg),

e-mail: spgms@mail.ru

19 ноября 2015 г. в зале Совета безопасности Администрации Губернатора Свердловской области при информационной поддержке «Российского юридического журнала» прошел очередной¹ круглый стол на тему «Актуальные проблемы практики применения законодательства Российской Федерации о государственной гражданской службе и пути их решения». Он проводился в целях совершенствования научно-методического обеспечения образовательного процесса, научной деятельности в Уральском государственном юридическом университете, реализации взаимодействия представителей УрГЮУ с представителями государственных органов (Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства юстиции РФ, Администрации Президента РФ, Генеральной прокуратуры РФ, их территориальных органов в Уральском федеральном округе, Арбитражного суда УрФО, Арбитражного суда Свердловской области, Свердловского областного суда, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в УрФО, государственных органов Свердловской области), а также повышения квалификации преподавателей УрГЮУ и практиков.

Организаторами круглого стола выступили Главное управление Министерства юстиции РФ по Свердловской области и кафедра социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮУ.

Координаторами круглого стола были заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области Л. В. Завьялова, начальник

¹ В период с 2007 по 2015 г. было проведено восемь круглых столов по актуальным проблемам практики применения законодательства РФ о государственной гражданской и муниципальной службе, организатором (одним из организаторов) которых был УрГЮУ (УрГЮА), в том числе кафедра социального права, государственной и муниципальной службы (заведующий – доктор юридических наук, профессор В. Ш. Шайхатдинов), учебно-научный центр государственной и муниципальной службы (директор – кандидат юридических наук, доцент С. А. Иванова) и отдел государственной и муниципальной службы ИППК (заведующий – С. А. Иванова). Более детальную информацию о круглых столах см.: Ученые и практики обсудили проблемы законодательства о государственной службе // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 3.

отдела государственной службы и кадров Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области И. П. Гирин, кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮУ С. А. Иванова, которая также выполняла функции модератора круглого стола.

С приветствием к участникам мероприятия обратились начальник Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области Д. В. Павин, начальник департамента по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград Аппарата полномочного представителя Президента РФ в УрФО В. А. Мельников, руководитель Администрации Губернатора Свердловской области С. В. Пересторонин, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права УрГЮУ, проректор по научной работе Н. Н. Тарасов, заместитель директора Департамента государственной службы и кадров Министерства юстиции РФ А. М. Терехин, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции Министерства труда и социальной защиты РФ Л. Е. Вахнин.

На круглом столе обсуждались вопросы применения отдельных положений Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 79-ФЗ), регламентирующих ротацию гражданских служащих (п. 7¹ ч. 4 ст. 25, ст. 60¹), испытание на гражданской службе (ст. 27), вопросы профессионального развития государственных гражданских служащих РФ во взаимосвязи с современными кадровыми технологиями, а также взаимодействия УрГЮУ и государственных органов.

О проблемах правового регулирования ротации на гражданской службе рассказали А. М. Терехин, И. П. Гирин, директор Департамента кадровой политики Губернатора Свердловской области Н. Ю. Пушина².

Ротация гражданских служащих в Российской Федерации неспроста была выбрана в качестве темы для обсуждения на круглом столе. В проекте Указа Президента РФ «О федеральной программе „Развитие государственной гражданской службы РФ (2015–2018 годы)“» и плане мероприятий по развитию государственной гражданской службы РФ на 2015–2018 годы»³ (далее – проект Указа) отмечено, что для решения затрудняющих реализацию антикоррупционного законодательства проблем следует, в частности, расширить использование механизма ротации гражданских служащих. Результатом выполнения этой задачи должно стать внедрение «механизма ротации гражданских служащих, основанного на анализе функциональных обязанностей ротируемых гражданских служащих, а также территориальном перемещении указанных лиц в порядке ротации в целях недопущения формального подхода к проведению ротации, выраженного в фактическом сохранении должностных обязанностей ротируемых гражданских служащих, предусматривающем взаимодействие с тем же кругом лиц, а также возможность прямого влияния на осуществление полномочий, которые они исполняли по ранее замещаемым долж-

¹ Рос. газ. 2004. 31 июля.

² Подробнее о положительных сторонах ротации, а также об опыте, о проблемах применения соответствующих правовых норм и предложениях по их решению см.: Ученые и практики обсудили проблемы законодательства о государственной службе.

³ URL: <http://regulation.gov.ru>. Преподаватели кафедры социального права, государственной и муниципальной службы кандидат юридических наук, доцент И. В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент А. С. Кузеванов по поручению ректора УрГЮУ подготовили заключение на данный проект.

ностям» (п. 5 абз. 10 ч. 3 разд. VII «Внедрение антикоррупционных кадровых технологий на государственной гражданской службе»).

В дискуссии по указанной теме принял участие Л. Е. Вахнин, и это не случайно, так как в соответствии с Положением о Департаменте государственной политики в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, утвержденным приказом Минтруда России от 12 января 2015 г. № 1¹, Департамент «разрабатывает проекты нормативных правовых актов по вопросам внедрения в практику механизма ротации гражданских служащих... (п. 6.3.2), а также осуществляет мониторинг... организации и проведения ротации гражданских служащих...» (п. 6.3.5.4). Л. Е. Вахнин обратил внимание на то, что практика применения соответствующих правовых норм о ротации только складывается, поэтому стоит вернуться к обсуждению данной темы позднее. Далее он представил доклад «Профессиональное развитие государственных гражданских служащих РФ во взаимосвязи с современными кадровыми технологиями».

С. А. Иванова рассказала о проблемах применения ст. 27 «Испытание на гражданской службе» Закона № 79-ФЗ.

Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственной гражданской службе Российской Федерации“» в ст. 27 были внесены существенные изменения. При ее реализации в новой редакции возникли определенные трудности. Так, в адрес УрГЮУ поступил запрос Арбитражного суда УрФО от 1 июля 2015 г. о применении ч. 2 ст. 27 Закона № 79-ФЗ. По поручению ректора УрГЮУ доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы А. В. Медведев подготовил соответствующее заключение. В ходе его обсуждения на заседании кафедры выявилась неоднозначность подходов к решению проблемы, обозначенной в запросе. А потому одной из тем круглого стола стало именно испытание на гражданской службе. С. А. Иванова высказала свою точку зрения на отдельные проблемы применения ст. 27 Закона № 79-ФЗ, которые уже возникли и могут, по ее мнению, возникнуть в будущем, и предложила пути их преодоления.

Актуальность данного исследования обусловлена также возрастающей ролью испытания гражданских служащих, которая подчеркивается в проекте Указа, где сказано о повышении «значимости испытания для лиц, впервые поступивших на гражданскую службу в целях проверки их профессиональных и личностных качеств, эффективности и результативности деятельности, а также делового потенциала, в том числе посредством наставничества...» (разд. III «Повышение качества отбора граждан, претендующих на замещение должностей государственной гражданской службы»). Новым подходом к повышению эффективности кадрового состава государственных органов является комплексная оценка гражданских служащих, в содержание которой входит, в том числе, испытание (разд. IV «Внедрение комплексной оценки государственных гражданских служащих» проекта Указа).

В дискуссии по указанным проблемам активное участие приняли А. М. Терехин и Л. Е. Вахнин.

Взаимодействию образовательных организаций высшего образования с государственными органами были посвящены выступления В. Ш. Шайхатдинова и С. Э. Несмеяновой.

Участники круглого стола подтвердили актуальность поднятых проблем и выразили готовность продолжать сотрудничество.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

Есть темы, которые мы планируем обсудить в рамках круглого стола в будущем. Так, представитель Уральского регионального центра МЧС России Н. А. Подвербная обозначила некоторые вопросы, связанные с проведением конкурса на замещение должности гражданской службы (на включение в кадровый резерв), достижением гражданским служащим предельного возраста и правовыми последствиями данного факта, присвоением классного чина гражданской службы после испытания. Представитель Прокуратуры Свердловской области И. Л. Мельникова обратила внимание на необходимость рассмотрения проблем, касающихся перевода на гражданской службе.

Библиография

О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Рос. газ. 2004. 31 июля.

Положение о Департаменте государственной политики в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации: утв. приказом Минтруда России от 12 января 2015 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

Проект Указа Президента РФ «О федеральной программе „Развитие государственной гражданской службы РФ (2015–2018 годы)“ и плане мероприятий по развитию государственной гражданской службы РФ на 2015–2018 годы» // URL: <http://regulation.gov.ru>.

Ученые и практики обсудили проблемы законодательства о государственной службе // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 3.

Bibliography

O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ // Ros. gaz. 2004. 31 iyulya.

Polozhenie o Departamente gosudarstvennoj politiki v sfere gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby, protivodejstviya korrupcii Ministerstva truda i social'noj zashhity Rossijskoj Federacii: utv. prikazom Mintruda Rossii ot 12 yanvarya 2015 g. № 1 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Proekt Ukaza Prezidenta RF «O federal'noj programme „Razvitie gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby RF (2015–2018 gody)“ i plane meroprijatij po razvitiju gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby RF na 2015–2018 gody» // URL: <http://regulation.gov.ru>.

Uchenye i praktiki obsudili problemy zakonodatel'stva o gosudarstvennoj sluzhbe // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2016. № 3.

ДНИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УрГЮУ

19–20 ноября 2015 г. в Уральском государственном юридическом университете прошла серия научно-практических мероприятий в рамках Дней международного права.

Открыла объявленные Дни публичная лекция известного западноевропейского специалиста по советской и российской международно-правовой доктрине профессора Университета Тарту (Эстония) Лаури Мьялксоо на тему «Approaches to International Law». Ученый рассказал о концептуальных подходах к изучению современного международного права в сравнительно-правовом разрезе.

После лекции состоялся круглый стол «Международные стандарты прав человека в российской правоприменительной практике», организованный Университетом совместно с Уполномоченным по правам человека в Свердловской области. В нем приняли участие представители ключевых федеральных и региональных государственных органов, среди них – председатель Уставного суда Свердловской области, заместитель председателя Арбитражного суда Свердловской области, судья Арбитражного суда Уральского округа, Уполномоченный по правам ребенка в Свердловской области, начальник Управления Генпрокуратуры РФ по Уральскому округу, первый заместитель руководителя Следственного управления СК РФ по Свердловской области, заместитель прокурора Свердловской области, а также представители областных управлений МВД, ФМС, ФСИН, представительства МИД РФ, Уполномоченного по правам предпринимателей и др. Участники выступили с докладами по актуальным проблемам применения норм международного права и исполнения постановлений ЕСПЧ.

Лекционную часть мероприятий продолжил заведующий кафедрой международного права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Алексей Станиславович Исполинов. В выступлении перед студенческой аудиторией ученый обозначил ключевые вызовы, стоящие перед современным международным правом, и перспективы их преодоления.

В рамках Дней международного права также был организован конкурс-семинар на лучшее студенческое выступление-презентацию, посвященное проблемам функционирования и путям повышения эффективности правозащитных механизмов ООН. Свои работы представили студенческие команды из московских вузов (РУДН, МГИМО, РГГУ), Тюменского государственного университета, Уральского института экономики, управления и права и две команды из УрГЮУ. Оценивало выступление студентов жюри в составе ответственного за программу Управления Верховного комиссара ООН по правам человека при системе ООН в РФ Рашида Алуаша, Лаури Мьялксоо, доцента кафедры международного и европейского права УрГЮУ Валентины Яковлевны Суворовой и заместителя заведующего кафедрой международного права РУДН Александра Михайловича Солнцева. Победителем конкурса стала сборная команда московских вузов.

20 ноября прошла уже ставшая традиционной третья ежегодная международная конференция «Соотношение международного и национального права: вопросы теории и практики», посвященная памяти профессора Геннадия Владимировича Игнатенко. В ходе конференции ученые и практики из Екатеринбурга, Москвы, Казани, Западной Европы представили доклады и научные сообщения по актуальным проблемам современного международного права, разгорелась интересная дискуссия о месте и роли международного права в современных правовых реалиях.

Ниже мы публикуем тезисы наиболее интересных выступлений, прозвучавших на конференции.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ООН С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПРАВОЗАЩИТНЫМИ МЕХАНИЗМАМИ

Алуаш Рашид

Кандидат наук, ответственный за программу

Управления Верховного комиссара ООН по правам человека при системе ООН в РФ (Москва),

e-mail: ralouach@ohchr.org

Представлен краткий обзор направлений взаимодействия договорных органов по правам человека и специальных процедур ООН с региональными судебными и квазисудебными механизмами в области защиты прав человека с 2008 по 2015 г., включая проведение рабочих совещаний, создание совместных рабочих групп, подготовку совместных заявлений и проведение конференций.

Ключевые слова: органы по правам человека, ООН, сотрудничество, региональный правозащитный механизм

THE UN INTERACTION WITH REGIONAL HUMAN RIGHTS MECHANISMS

Aluash Rashid

Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights in Russia (Moscow),

e-mail: ralouach@ohchr.org

The article gives a brief overview of main areas for cooperation between human rights treaty bodies, UN special procedures and regional juridical and quasi-juridical human rights mechanisms during 2008–2015, including workshops, establishment of joint working groups, development of common statements and organization of conferences.

Key words: human rights bodies, UN, cooperation, regional human right mechanism

Совет по правам человека (СПЧ), ссылаясь на Венскую декларацию и Программу действий, принятые на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г., а также ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, неоднократно признавал важную роль региональных, субрегиональных и межрегиональных механизмов в деле защиты прав человека. В резолюциях 6/20, 12/15, 18/14 и 24/19 Совет просил Верховного комиссара ООН по правам человека провести международные рабочие совещания для выдвижения конкретных предложений относительно путей и средств укрепления сотрудничества между механизмами ООН и региональными механизмами в области прав человека.

Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) провело четыре рабочих совещания в 2008, 2010, 2012 и 2014 гг. с участием экспертов ООН из договорных органов по правам человека и специальных процедур СПЧ, представителей региональных правозащитных механизмов из Африки, Европы, Северной и Южной Америки, Ближнего Востока и АСЕАН, национальных правозащитных учреждений (НПЗУ) и неправительственных организаций (НПО). После интенсивных обсуждений были определены следующие направления сотрудничества: укрепление координации и обмен информацией, проведение совместных мероприятий и принятие мер

по выполнению рекомендаций правозащитных механизмов ООН и региональных механизмов.

Для выполнения рекомендаций, вынесенных по результатам этих совещаний, УВКПЧ систематически применяет региональный и субрегиональный подходы, используя разнообразные взаимодополняющие средства и методы в целях достижения максимальной результативности деятельности ООН на национальном уровне.

В ходе рабочего совещания, состоявшегося в декабре 2012 г., участники более подробно рассмотрели вопросы, касающиеся механизмов сотрудничества (включая уровень координаторов); систематизированного обмена информацией; применения перекрестных ссылок на квазисудебную практику и рекомендаций правозащитных механизмов; внедрения передовой практики и укрепления сотрудничества между заинтересованными сторонами, в том числе национальными субъектами, такими как НПЗУ и НПО.

Подводя итоги рабочего совещания 2012 г., Совет по правам человека в резолюции 24/19 просил Верховного комиссара провести рабочее совещание, посвященное региональным механизмам по поощрению и защите прав человека, а также организовать три тематических обсуждения по вопросам защиты экономических, социальных и культурных прав, в частности прав инвалидов и женщин.

Главная цель совещания, которое прошло 8–9 октября 2014 г. в Женеве, заключалась в обмене информацией о передовой практике и возможных формах сотрудничества. Его участниками стали представители секретариатов договорных органов по правам человека и специальных процедур ООН, Африканской комиссии по правам человека и народов, Межамериканской комиссии по правам человека (МАКПЧ), Межамериканского суда по правам человека, Совета Европы, Межправительственной комиссии Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по правам человека, Комиссии АСЕАН по поощрению и защите прав женщин и детей и Независимой постоянной комиссии по правам человека Организации исламского сотрудничества (ОИС).

Участники совещания 2014 г. поделились информацией о прогрессе выполнения рекомендаций, вынесенных по итогам рабочего совещания 2012 г., и выступили с предложениями по укреплению сотрудничества.

Со времени проведения совещания 2012 г. значительно активизировался обмен информацией и укрепилось сотрудничество между специальными процедурами ООН и МАКПЧ, были подготовлены девять совместных заявлений, в основном по вопросу о свободе выражения мнений; в МАКПЧ в рамках слушания по вопросу об одиночном заключении в Северной и Южной Америке состоялось выступление специального докладчика на тему пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

МАКПЧ и Межамериканский суд по правам человека обращались к стандартам ООН в области прав человека как к весьма важному и полезному источнику при рассмотрении дел, по которым в межамериканской системе не устоялось прецедентное право.

В 2013 и 2014 гг. совместная рабочая группа представителей специальных процедур ООН и Африканской комиссии по правам человека и народов провела обзор хода осуществления Аддис-Абебской «дорожной карты» в области сотрудничества (принята в январе 2012 г. в Аддис-Абебе по итогам диалога между специальными процедурами и Африканской комиссией) и вновь подтвердила свою готовность к дальнейшему сотрудничеству. В рамках «дорожной карты» было проведено несколько совместных мероприятий: конференции и семинары, посвященные правозащит-

никам, мирным акциям протеста и предпринимательской деятельности и правам человека; совещания экспертов по вопросу о применении силы правоохранительными органами; а также подготовлено пять заявлений и налажен регулярный обмен информацией.

Европейский комитет по социальным правам неоднократно ссылаясь на результаты работы специальных процедур, в частности на выводы специального докладчика по вопросу о праве на жилище как компоненте права на достойный уровень жизни. Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) поддерживало тесные контакты со специальными процедурами ООН, в том числе со специальными докладчиками по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации и о положении правозащитников.

Специальные процедуры ООН сочли сотрудничество с региональными механизмами крайне полезным, оно помогло им сформировать более ясное представление о региональных аспектах отдельных проблем и с их учетом сформулировать выводы и рекомендации, которые принимались странами с большой готовностью.

В последние годы сотрудничество между договорными органами ООН по правам человека и региональными правозащитными механизмами стало более продуктивным.

Европейская комиссия по борьбе против расизма и нетерпимости внесла свой экспертный вклад в работу Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации.

Совет Европы содействовал подписанию и ратификации Факультативного протокола к Конвенции ООН о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений. В Стратегию Совета Европы в области прав ребенка (на 2012–2015 гг.) были включены ссылки на стандарты ООН в этой сфере и принятые Комитетом по правам ребенка замечания общего порядка. В свою очередь Комитет в заключительных замечаниях сослался на нормативные документы Совета Европы и подчеркнул большую ценность определенных Советом Европы стандартов в области прав ребенка.

Договорные органы сообщили, что при проведении обзоров они принимают во внимание рекомендации региональных правозащитных механизмов. Секретариаты договорных органов поддерживают связь с региональными правозащитными механизмами и обмениваются с ними сведениями об индивидуальных жалобах, чтобы не допускать одновременного рассмотрения одних и тех же жалоб различными механизмами и обеспечивать согласованность юридической практики.

В 2008 г., когда была учреждена процедура универсального периодического обзора (УПО), Верховный комиссар направил региональным организациям письма с предложением предоставить информацию в рамках этого процесса для включения в доклады заинтересованных сторон. Совет Европы предоставил данные о своих государствах-членах, которые подлежали обзору в рамках сотрудничества на низовом уровне между УВКПЧ и Советом Европы. В 2013 г. МАКПЧ подготовила материалы для УПО по Доминике, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Никарагуа, Уругваю и Чили, а в 2014 г. – по Боливии, Гондурасу, Панаме, Сальвадору, Соединенным Штатам Америки и Ямайке.

Участовавшие в обсуждениях представители Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Европейского комитета по социальным правам, Африканской комиссии по правам человека и народов, МАКПЧ, индонезийской Ко-

алиции НПО в поддержку международной правозащитной деятельности и Центра экономических, социальных и культурных прав отметили активизацию обмена информацией о судебной практике и ее применении между правозащитными механизмами на международном, региональном и национальном уровнях.

Европейский комитет по социальным правам заявил, что он признает взаимодополняющий характер международных и региональных нормативных документов по правам человека и обращается к международным договорам при толковании Европейской социальной хартии. Так, при рассмотрении дела об ограничениях права несовершеннолетних лиц из числа нелегальных иммигрантов на медицинское обслуживание и жилье Комитет ссылаясь на положения Конвенции ООН о правах ребенка.

МАКПЧ сообщила, что в 2013 г. в ее структуре было создано специальное подразделение, отвечающее за защиту экономических, социальных и культурных прав, и что к декабрю 2015 г. будет учреждена должность специального докладчика по экономическим, социальным и культурным правам.

Участники дискуссионной группы из числа представителей Межамериканского суда по правам человека, Африканского суда по правам человека и народов и Международной коалиции НПО в поддержку Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах признали важную роль деятельности региональных и субрегиональных судебных и квазисудебных органов в деле поощрения и защиты экономических, социальных и культурных прав.

Оказание межправительственными органами поддержки ООН и региональным организациям обусловлено необходимостью укрепления сотрудничества между ними. Участники дискуссионной группы призвали межправительственные организации и государства выделять достаточные финансовые и человеческие ресурсы для обеспечения их эффективного взаимодействия.

**ДОКУМЕНТЫ РКП(б) – ВКП(б) – КПСС
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА¹****Кодан Сергей Владимирович**

Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук,
профессор Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: tgp@usla.ru

Указывается роль документов РКП(б) – ВКП(б) – КПСС в изучении истории развития международного права. Обоснована необходимость включения партийных решений в исследовательские контексты и рассмотрения их в качестве идеологических и политических оснований международной деятельности и источников международно-правовых решений.

Ключевые слова: внешняя политика, история советского государства и права, история международного права, источники международного права

**DOCUMENTS
OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS –
ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS –
COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION
IN STUDYING HISTORY OF INTERNATIONAL LAW****Kodan Sergey**

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: tgp@usla.ru

The author mentions the role of documents of the Russian Communist Party of Bolsheviks – All-Union Communist Party of Bolsheviks – Communist Party of the Soviet Union in studying the development of international law. In his opinion, it's necessary to include these documents in research area and to consider them as ideological and political foundations for international activities and sources of international legal decisions.

Key words: foreign policy, history of Soviet state and law, history of international law, sources of international law

Изучение истории развития национального и международного права в советский период предполагает расширение источниковедческого пространства исследователя и включение в него новых носителей исторической информации в целях познания международно-правового взаимодействия государств. Среди таких носителей можно выделить документы РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, которые сегодня, на наш взгляд, недостаточно используются при анализе международно-правовых явлений и институтов.

1. Участие РКП(б) – ВКП(б) – КПСС в 1917 г. – конце 1980-х гг. в формировании внешней политики Советского государства и международного права. Оно связано со сложившейся и функционировавшей в те времена партийно-государственной системой. Советское государство подчинялось «руководящей и направляющей» все социально-политические процессы в советском обществе коммунистической партии. Советское

¹ Материал подготовлен в рамках реализации финансируемого РГНФ проекта № 15-03-00624 «Источниковедение истории государства и права России (1917–1990-е гг.)».

государство первоначально в лице Наркомата иностранных дел (НКВД), а впоследствии Министерства иностранных дел (МИД) лишь официально выступало самостоятельным субъектом внешнеполитической деятельности и международного права, фактически же за ним стояли Политбюро (в 1952–1966 гг. – Президиум) и внешнеполитический аппарат ЦК партии. Внешнеполитические вопросы для рассмотрения в Политбюро и проекты решений по ним готовили аппаратные подразделения ЦК партии совместно с НКВД – МИД СССР и заинтересованными ведомствами¹. В публикациях документов и исторических исследованиях постсоветского периода подчеркивается, что «Политбюро не только формировало и формулировало внешнеполитические и внешнеэкономические цели и интересы страны, но и жестко руководило, направляло и контролировало... Многие подготавливаемые в недрах аппаратов наркоматов и ведомств документы открытого и конфиденциального характера (международные договоры, ноты и заявления зарубежным правительствам, торговые соглашения, директивы советским полпредам и торгпредам, а также другим представителям, выезжавшим в зарубежные командировки) должны были, после прохождения через коллегии соответствующих государственных и негосударственных организаций и учреждений, утверждаться Политбюро как „последней инстанцией“. Только в этих случаях подобные документы обретали „окончательную законную силу“ и получали тем самым „право на жизнь“»².

Необходимо отметить, что в своих решениях Политбюро всегда придерживалось точки зрения сначала В. И. Ленина (чаще всего учитывающего мнение соратников по партии), а затем генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина. Исследователи указывают, что «важнейшие внешнеполитические акции в конце 30-х годов предопределялись единолично Сталиным (при совещательном голосе наиболее приближенных соратников) и в ряде случаев вообще не фиксировались в протоколах заседаний Политбюро. Наиболее ярким примером этого может служить советско-германский пакт 1939 г., решение о заключении которого Политбюро даже формально не принимало»³. В последующие годы при возобновлении коллективного обсуждения внешнеполитических проблем и принятии решений основной считалась позиция генеральных секретарей ЦК КПСС Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева. Поэтому, на наш взгляд, в качестве важного источника изучения вопросов внешней политики и международного права следует рассматривать произведения руководителей партии, а также решения Политбюро и партийные материалы. Подчеркнем, что документы, имевшие до 1990-х гг. такие грифы секретности, как «Строго секретно», «Особой важности» и «Совершенно секретно. Особой важности» («Особая папка») являлись недоступными для исследователей.

2. *Партийные акты как источники международного права.* Они, по нашему мнению, особо значимы в изучении истории международного права. Заметим, что решения Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС легализовались через печать, выступления дипломатов на международных переговорах и представителей международных организаций. Официальное выражение партийные подходы и решения находили в международно-правовых актах, которые заключались и ратифицировались Советским государством.

¹ Павлова И. В. Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917–1941. Новосибирск, 2001; Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996 и др.

² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 5.

³ Там же. С. 7.

Все изложенное свидетельствует об особой значимости партийных документов (в том числе партийных актов) как источников изучения истории внешнеполитической деятельности СССР (включая международные договоры) и участия Советского государства в формировании международного права. Представляется, что сочетание партийных документов и материалов о внешнеполитической деятельности органов Советского государства обеспечит комплексный подход к исследованию истории международного права в контексте идеологических и политических оснований и влияния решений высших руководящих органов РКП(б) – ВКП(б) – КПСС на содержание международно-правовых актов.

3. *Современная информационная база изучения истории развития международного права в 1917 г. – конце 1980-х гг.* За последние 25 лет она качественно изменилась и расширилась за счет как рассекречивания общего массива партийных и государственных документов, так и обеспечения доступности носителей информации. Активная работа сотрудников государственных архивов в 1990–2010-е гг. по рассекречиванию ряда архивных документов о деятельности государственных структур, особенно РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, позволила ученым опереться на ранее закрытые источники информации и воссоздать реальные обстоятельства, стоящие за «кулисами» принятия внешнеполитических решений и подготовки международно-правовых актов. Сегодня мы можем пользоваться прежде секретными документами Государственного архива РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного военного архива, региональных архивных хранилищ.

Хочется отметить, что для исследователей немалый интерес имеет продолжающееся издание «Документы внешней политики СССР» (печатается с 1957 г.). В нем публикуются преимущественно документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации.

Объединенными усилиями историков и архивистов были выявлены и представлены тематические подборки документов по различным направлениям деятельности Советского государства (в том числе НКВД – МИД СССР¹) под руководством Политбюро ВКП(б) – КПСС. Заслуживают внимания и издания серии «Россия. XX век» фонда «Демократия» (фонд А. Н. Яковлева) и ее сетевой альманах «Россия. XX век»², содержащий более 12 тыс. документов. Часть материалов размещается на страницах научных журналов и используется в исследованиях документального характера³. Все публикации свидетельствует об особой роли коммунистической партии в определении идеологических основ, организации различных органов и учреждений Советского государства и повседневном руководстве ими.

Итак, партийные документы в условиях советской системы руководства КПСС внешнеполитической деятельностью Советского государства являются важными источниками изучения и понимания истории формирования и развития международного права в 1917 г. – конце 1980-х гг. Без включения источников историко-юридической информации в исследовательское пространство невозможно показать реальные механизмы обеспечения безопасности и правопорядка в СССР.

¹ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939.

² Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002; Советско-американские отношения. 1934–1939. М., 2003; Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004; СССР и Нюрнбергский процесс. М., 2012.

³ Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934 гг. М., 2000; 2014.

Библиография

Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934 гг. М., 2000; 2014.

Павлова И. В. Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917–1941. Новосибирск, 2001.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001.

Советско-американские отношения. 1934–1939. М., 2003.

Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004.

Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002.

СССР и Нюрнбергский процесс. М., 2012.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Bibliography

Ken O. N., Rupasov A. I. Zapadnoe prigranich'ye. Politbyuro CK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami. 1928–1934 gg. M., 2000; 2014.

Pavlova I. V. Mexanizm stalinskoj vlasti: stanovlenie i funkcionirovanie. 1917–1941. Novosibirsk, 2001.

Politbyuro CK RKП(b) – VKP(b) i Evropa. Resheniya «osoboj papki». 1923–1939. M., 2001.

Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1934–1939. M., 2003.

Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1939–1945. M., 2004.

Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. Gody nepriznaniya. 1918–1926. M., 2002.

SSSR i Nyurnbergskij process. M., 2012.

Xlevnyuk O. V. Politbyuro. Mexanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gody. M., 1996.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ

Солнцев Александр Михайлович

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов (Москва),
e-mail: a.solntsew@gmail.com

Рассмотрены основные направления взаимодействия международного экологического права и права Российской Федерации, в том числе внедрение международных экономических стандартов, внесение изменений в национальное законодательство, создание межведомственных групп, издание отчетов по осуществлению положений международных экологических соглашений (МЭС). Автор приходит к выводу, что Россия добросовестно выполняет обязательства по МЭС.

Ключевые слова: международное экологическое право, международные экологические соглашения, международные экологические стандарты

ON THE IMPACT OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW ON NATIONAL ONE

Solntsev Alexander

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow),
e-mail: a.solntsew@gmail.com

The article explores the main areas of interaction between international environmental law and Russian law, i. e. implementation of the national environmental standards, amendments of national legislation, creation of inter-agency units, reporting on the implementation of multilateral environmental agreements (MEAs). The author comes to a conclusion that Russia fully complies with all its obligations under MEAs.

Key words: international environmental law, multilateral environmental agreements, international environmental standards

Экологическая политика Российской Федерации основывается на Конституции РФ, российском законодательстве, международных правовых актах, а также на таких национальных стратегических документах, как Государственная стратегия Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития (1994 г.); Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996 г.); Экологическая доктрина Российской Федерации (2002 г.); Климатическая доктрина Российской Федерации (2009 г.); Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (2008 г.); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009 г.); Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (2009 г.); Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года (2009 г.); Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (2014 г.); Основы государственной по-

литики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 г. (2012 г.) (далее – Основы) и План действий по реализации Основ (2012 г.). Также в настоящее время не завершен процесс межведомственного согласования Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.

В наиболее общем виде приоритеты нашей страны в сфере охраны окружающей среды представлены в Основе, утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г. В соответствии с этим документом долгосрочная экологическая политика должна проводиться на базе ряда принципов (п. 8), в том числе принципа развития международного сотрудничества в решении глобальных экологических проблем и применении международных стандартов в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности (подп. «р» п. 8).

Крайне важным представляется п. 22 Основ, в котором перечислены механизмы решения задачи развития международного сотрудничества в области охраны окружающей среды: «а) реализация мер по активизации сотрудничества с иностранными государствами и международными организациями в природоохранной сфере, направленных на более эффективное отстаивание и защиту интересов Российской Федерации при участии в международных договорах природоохранной направленности, а также парирование угроз, связанных с трансграничным загрязнением; б) развитие международного информационного обмена и участие в международных проектах по приоритетным направлениям развития науки, техники и технологий в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, защиты природной среды, в том числе в Арктике; в) внедрение международных экологических стандартов, систем подтверждения соответствия экологическим требованиям, приведение их в соответствие с международными системами; г) гармонизация законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды с международным экологическим правом»¹.

Исходя из Основ можно заключить, что Россия планирует в ближайшие 15 лет продолжать экологическое сотрудничество с государствами и международными организациями, внедрять международные экологические стандарты и заниматься гармонизацией национального и международного экологического права. Однако здесь возникают определенные трудности.

Во-первых, термин «международные экологические стандарты» в отечественной правовой доктрине не устоялся и имеет различное наполнение².

Так, благодаря зимней Олимпиаде в Сочи и соответствующим требованиям со стороны международных органов и организаций (Международного Олимпийского комитета (МОК) и ЮНЕП) в России впервые были разработаны и внедрены «зеленые» стандарты строительства – ГОСТ Р 54694–2012 «Оценка соответствия. Экологические требования к объектам недвижимости». В соответствии с данным стандартом строительство объектов должно вестись с учетом жестких экологических требований, направленных на сокращение потребления энергетических ресурсов и снижение вредных воздействий на природу.

В 2014 г. в целях гармонизации отечественного и европейского права в России были внедрены предварительные национальные стандарты: ПНСТ 21-2014 «Наилучшие доступные технологии. Структура информационно-технического справоч-

¹ Вопрос о правомерности использования термина «гармонизация законодательства с международным экологическим правом» заслуживает отдельного исследования и не рассматривается в данной статье.

² См., например: Копылов М. Н., Мишланова В. А. Место международных экологических стандартов в системе источников международного экологического права // Современное право. 2014. № 7. С. 136–140.

ника»; ПНСТ 22-2014 «Наилучшие доступные технологии. Термины и определения»; ПНСТ 23-2014 «Наилучшие доступные технологии. Формат описания технологий». Предварительные стандарты действуют с 1 января 2015 г. по 1 января 2018 г. Для придания им легитимности Федеральный закон «Об охране окружающей среды» был дополнен ст. 28¹ «Наилучшие доступные технологии»¹.

Во-вторых, Российская Федерация является участницей важнейших международных экологических соглашений (МЭС), которые влияют на российское законодательство и правоприменительную практику.

Н. А. Соколова отмечает, что «посредством действующего природоохранного законодательства осуществлена трансформация целого ряда норм международных договоров в этой области»². Имплементация положений международного права не заключается лишь в правотворческой деятельности государства, она предполагает проведение широкого комплекса мероприятий организационного характера, направленных на непосредственную реализацию международно-правовых норм. Есть три уровня взаимодействия международной и национальной правовых систем в рамках юридической практики: нормативное, институциональное и взаимодействие на уровне идеологии и правосознания.

Для реализации большинства МЭС на национальном уровне проводятся следующие мероприятия: внесение изменений в национальное законодательство или издание новых нормативных актов (в том числе подзаконного характера), создание межведомственных групп, регулярное издание отчетов (докладов) по осуществлению положений МЭС. МЭС, как никакие другие международные договоры, требуют формирования межведомственных групп, что осложняет процесс согласования. Например, за выполнение Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях отвечают 13 российских ведомств (МИД, Минприроды, Минпромторг, Минэнерго, Минтранс, Минобороны, Минздрав, Минсельхоз, Минфин, Роспотребнадзор, Россельхознадзор, Ростехнадзор и ФТС России).

Обмен информацией, представление отчетов о выполнении государством обязательств по МЭС – наиболее часто применяемый метод проверки соблюдения сторонами договорных обязательств в международном экологическом праве. В частности, положения Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения предусматривают два вида отчетности стран-членов. Характер, содержание и назначение направляемой информации различны, государства часто сами определяют крайний срок подачи докладов.

Стоит упомянуть интересный казус: действие Киотского протокола истекло 31 декабря 2012 г., но стороны продолжают подготавливать и присылать в секретариат Рамочной конвенции по изменению климата национальные планы действий по климату. Такие планы поступили уже от 147 стран, на которые приходится более 85 % мировых выбросов парниковых газов. В декабре 2015 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал эти планы «первым позитивным шагом» на пути к достижению всеобщего соглашения по изменению климата. И сегодня на основе представленных

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. 1). Ст. 4220.

² Соколова Н. А. Имплементация норм международного права окружающей среды в Российской Федерации // *Ceteris Paribus*: альманах кафедры международного права / отв. ред. К. А. Бекяшев. М., 2015. Вып. 5. С. 178.

национальных докладов предполагается создать международный договор, который, как ожидается, будет принят на 21-й конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Париже¹.

Взаимодействие международного и национального права способствует добросовестному выполнению государствами международных обязательств, полноценному развитию национального экологического права, а также обеспечению национальных интересов на международной арене. Как известно, результативность осуществления норм международного права во многом зависит от того, насколько качественно реализуются положения международных соглашений на национальном уровне. В целом сегодня Россия является достойным участником международного экологического сотрудничества и добросовестно выполняет свои обязательства по международным экологическим соглашениям, а также внедряет международные экологические стандарты, содействуя повышению эффективности международного экологического права.

Библиография

147 стран мира представили в ООН национальные планы действий по климату // URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24634#Vl7LrnbhCM8>.

Копылов М. Н., Мишланова В. А. Место международных экологических стандартов в системе источников международного экологического права // Современное право. 2014. № 7.

О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. 1). Ст. 4220.

Соколова Н. А. Имплементация норм международного права окружающей среды в Российской Федерации // Ceteris Paribus: альманах кафедры международного права / отв. ред. К. А. Бекашев. М., 2015. Вып. 5.

Bibliography

147 stran mira predstavili v OON nacional'nye plany dejstvij po klimatu // URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24634#Vl7LrnbhCM8>.

Kopylov M. N., Mishlanova V. A. Mesto mezhdunarodnyx ehkologicheskix standartov v sisteme istochnikov mezhdunarodnogo ehkologicheskogo prava // Sovremennoe pravo. 2014. № 7.

O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob oxrane okruzhayushhej sredy» i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 219-FZ // SZ RF. 2014. № 30 (Ch. 1). St. 4220.

Sokolova N. A. Implementaciya norm mezhdunarodnogo prava okruzhayushhej sredy v Rossijskoj Federacii // Ceteris Paribus: al'manax kafedry mezhdunarodnogo prava / отв. ред. К. А. Бекяшев. М., 2015. Vyp. 5.

¹ URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24634#Vl7LrnbhCM8>.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *Н. Н. Рассохина, К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Журнал тиражируется и распространяется
на машиночитаемых носителях – оптических дисках.
Тираж – 100 экз.

Подписано к использованию 27.06.16.
Уч.-изд. л. 9,08.
Объем 1,08 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru